

**Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти**

*Да не утратим помалу, неприметно,
той свободы, которую даровал нам
Кровию Своею Господь наш Иисус Христос,
Освободитель всех человеков.*

8-е прав. III Вселенского Собора

Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский

Жизнеописание и труды

Составители:

М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская

Подготовка текстов,
комментарии и вступление

Л. Е. Сикорская

Санкт-Петербург

2006

УДК 27-36
ББК 86.372
С25

Редактор:
И. И. Осипова

Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский:
С25 Жизнеописание и труды / Сост. М. С. Сахаров и Л. Е. Сикорская;
подг. текстов, комм. и вступ. ст. Л. Е. Сикорская. — СПб.: «Кифа»;
«Издательство Олега Абышко», 2006. — 352 с. + [32 с.] ил. —
(Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом
богоборческой власти»).

ISBN 5-89740-144-6

В книге повествуется о жизни выдающегося архиерея Русской Православной Церкви XX в. митрополита Петроградского Иосифа (Петровых), известного духовного писателя и церковного деятеля. При составлении жизнеописания использовались воспоминания современников, выдержки из его трудов и дневника, документы государственных архивов и архива Федеральной службы безопасности РФ, а также воспоминания и фотографии из семейных архивов родственников Петровых.

В приложениях в более полном объеме представлены письма, проповеди митрополита, выдержки из многотомного его духовного дневника «В объятиях Отчих» и других трудов, а также протоколы допросов и выдержки из следственных дел (за 1920, 1930–1931 и 1937 гг.).

ISBN 5-89740-144-6

© М. С. Сахаров, Л. Е. Сикорская, 2006
© Издательство «Кифа», 2006

Предисловие

До недавнего времени о новомучениках Русской Православной Церкви было известно совсем немного. Практически единственным источником были материалы, изданные Русской Православной Церковью Заграницей и другими православными юрисдикциями. В самой России эта опаснейшая для безбожной власти историческая тема находилась под жестким запретом. И только в устном церковном предании сохранялась память о новомучениках российских, да иногда проскальзывали глухие сведения о них в редких самиздатовских работах.

Времена изменились. К началу XXI в. почитание новомучеников в России стало открытым и повсеместным. За последние полтора десятилетия о них изданы десятки книг — от популярных житийных повествований до академических монографий и источниковедческих сборников. Опубликованы ценнейшие архивные документы, ранее недоступные для исследователей. Написаны научные работы, диссертации на соискание научных степеней.

Однако, удивляет избирательность в отношении перечня имен новомучеников, о которых пишутся статьи и книги. До сих пор не составлены даже краткие жизнеописания многих известнейших ранее архиереев, немало также незаслуженно забытых имен. Кроме того, существует целый ряд малоисследованных проблем как в церковной, так и в научной сферах, связанных с новомучениками. И одна из них, можно сказать, ключевая во всей истории Церкви прошлого столетия — это проблема взаимоотношения Русской Православной Церкви и богоборческого государства. После революции 1917 г. в России Церкви впервые в своей истории пришлось столкнуться с подобным государством. Как писали будущие петроградские новомученики в

1928 г.: «Такого положения Церкви, в каком находится в настоящее время Русская Православная Церковь, во всей мировой истории еще не было, ибо не было на свете такого государства, кроме кратковременной французской революции, которое имело бы своей конечной целью уничтожение всякой религии на земле и которое борьбу со Христовой Церковью ставило бы в такую плоскость, при которой, не вводя никакой новой ереси церковного характера, старалось бы Церковь подчинить своему влиянию и лишить ее той внутренней свободы, которая дарована ей ее Небесным Основателем Христом Господом».¹

В этих тяжелейших условиях перед архиереями и пастырями Русской Церкви встала сложнейшая задача составить такие соборные правила, «которыми, на будущее время, ограждалась бы внутренняя свобода Церкви от подчинения ее идеям антихристианского правительства <...> и которые определяли бы правильное отношение Церкви к такому государству, которое ставит своей конечной целью борьбу с Богом и Его властью в сердцах народных. Такие соборные определения Русской Церкви будут иметь руководящее значение для всего мира во времена эсхатологические».²

Эти определения и были выражены новомучениками и исповедниками Русской Церкви если не в привычных соборных формулировках, то самой их жизнью и страдальческой кончиной. Именно поэтому сегодня жизнеописания новомучеников имеют столь важное значение. Во-первых, в плане историческом, как дань уважения их памяти, — ибо само по себе почитание мучеников душеполезно и поучительно: «Восхищаясь воспоминаниями о вас, мы, подобно св. Григорию,³ делаемся от удовольствия как бы вдохновенными, некоторым образом соучаствуем в вашем мученичестве, приобщаемся вашему

¹ «Беседа двух друзей» // Православная жизнь. 1999. №6. С. 27.

² Там же. С. 28.

³ Слово в похвалу св. священномученику Киприану Карфагенскому св. Григория Богослова.

подвигу».¹ Во вторых, в плане определения настоящего и будущего пути Русской Православной Церкви в нынешнем апостасийном мире, когда вопрос ограждения Церкви от подчинения антихристианским силам и сохранения ее внутренней свободы, несмотря на прекращение открытых гонений, не потерял своей актуальности.

Приступая к изданию серии **«Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»**, — мы намереваемся опубликовать жизнеописания священномучеников, а также монашествующих и мирян, пострадавших от богоборческой власти за отстаивание церковной свободы. Сейчас важнее всего из первых уст услышать подлинное церковное свидетельство об истинном пути пастырей и верных чад Русской Церкви в условиях жестоких богоборческих гонений, а также донести до читателя их живые голоса.

Неслучайно серию **«Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти»** предначинает жизнеописание митрополита Петроградского Иосифа (Петровых). Ведь в церковной истории прошлого века и особенно в борьбе за церковную свободу — Петроградской епархии в целом принадлежит особое место. Предшественник митрополита Иосифа, митрополит Вениамин (Казанский), в ряду первых новомучеников Русской Церкви пострадал за свою верность Церкви и претерпел мученическую кончину от богоборцев в 1922 г. Его бессмертные слова, написанные в тюрьме незадолго до расстрела и занявшие в церковном предании подобающее место наряду с посланиями древних мучеников, стали заветом и руководством для Русской Церкви в грядущих испытаниях. Написанные поистине не чернилами, а кровью, эти слова вдохновляли всех ревнителей церковной свободы, последовавших по стопам мужественного святителя:

¹ *Митрополит Анастасий (Грибановский)*. Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви. // Польский Михаил, протопресв. Новые мученики Российские: в 2-х ч. Ч. 1. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994. С. 65.

«Тяжело страдать, но по мере наших страданий избыточествует утешение от Бога. Трудно переступить этот рубикон, границу и всецело предаться воле Божией. Когда это совершится, тогда человек избыточествует утешением и не чувствует самых тяжких страданий, полный среди страданий радости и внутреннего покоя, он других влечет на страдания, чтобы они переняли то состояние, в котором находится счастливый страдалец. Об этом я ранее говорил другим, но мои страдания не достигли полной меры. Теперь, кажется, пришлось пережить почти все: тюрьму, суд, общественное заплевание, обречение и требование самой смерти под якобы народные аплодисменты, людскую неблагодарность, продажность, непостоянство и т. п., беспокойство и ответственность за судьбы других людей и даже за самую Церковь.

Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) — надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, погибель для Церкви, надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя. Теперь время суда. Люди и ради политических убеждений жертвуют всем. Посмотрите, как держат себя эс-эры и другие. Нам ли, христианам, да еще иереям, не проявить подобного мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!»¹

¹ Польский Михаил, протопресв. Новые мученики Российские: в 2-х ч. Ч. 1. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994. С. 61.

Преемнику священномученика Вениамина на Петроградской кафедре, митрополиту Иосифу (Петровых), суждено было возглавить исповедническое движение, противостоявшее именно той церковной политике, о гибельности которой предупреждал Владыка Вениамин в предсмертном письме. Несмотря на то, что митрополит Иосиф почти сразу же был удален безбожными властями от своей паствы,¹ тем не менее, многие петроградские клирики и миряне продолжали считать его своим правящим архиереем, постоянно обращались к Владыке Иосифу за руководством, ездили к нему за советом и указаниями, а позднее, в развернувшейся борьбе за церковную свободу нашли у него активную поддержку и постоянное духовное руководство. Большинство из них, как и митрополит Иосиф, подверглись вскоре гонениям и были замучены богборцами.

Долгое время о судьбе митрополита Иосифа было мало что известно. Правда о нем и его сторонниках замалчивалась, а «иосифлянское» движение несправедливо именовалось «расколом». Владыку Иосифа обвиняли «в духовной прелести и гордыни», а его поступки мотивировали некими «корыстными интересами и честолюбием». Вся неправомочность этих оценок стала очевидной лишь в последнее время, когда стали доступны воспоминания и труды, ранее изданные за границей, и документы закрытых архивов.

Так, в биографическом справочнике «За Христа пострадавшие»,² приведена уже вполне объективная характеристика митрополита Иосифа и причин его конфликта с митрополитом Сергием (Страгородским): *«Совершенно неосновательны обвинения в адрес митрополита Иосифа в раздражительности, корысти и честолюбии, из-за которых он будто бы отказывался от перемещения на Одесскую кафедру. Трудно представить себе большее непо-*

¹ Фактически Владыка пробыл на своей кафедре всего два дня, отслужив всенощное бдение и литургию на праздник св. Александра Невского в Александро-Невской Лавре в сентябре 1926 г., после чего власти запретили ему въезд в Петроград.

² За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. М., 1997. Кн. 1: А–К.

нимание его горячего, пылкого сердца. Образно говоря, он шел свидетельствовать Истину и умирать за Христа, что казалось ему единственно возможным и правильным в той ситуации, а его отсылали в тыл, чтобы он не мешал достижению компромисса, воспринимавшегося им как предательство. Побудительными причинами для отказа от Одесской кафедры и разрыва с митрополитом Сергием (Страгородским) были проводимая митрополитом Сергием реформа отношений Церкви с государством и чуждое всякой корысти, дипломатии и политического расчета стремление митрополита Иосифа стоять за Истину до смерти».¹

Сам митрополит Иосиф писал своей пастве в январе 1928 г.: «Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвященника митр. Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков».²

Полагаем, что давно настало время прямо сказать, что священномученик Иосиф, как и многие его последователи, пострадавшие от безбожной власти за верность Православной Церкви и своими

¹ За Христа пострадавшие... С. 521–522.

² Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 231–232.

страданиями очистившие те немногие, но неизбежные в земной жизни грехи и человеческие немощи, заслуживают не снисхождения, а самого глубокого уважения и почитания. Мы надеемся, что наша книга хоть в какой-то мере послужит восстановлению исторической справедливости в отношении этих истинных православных пастырей и чад Церкви.

* * *

От редактора

Основную часть книги составляет подробнейшее жизнеописание митрополита Иосифа (Петровых): детство и годы учебы, монашеский постриг и принятие священного сана, научная и преподавательская деятельность в Духовной академии, настоятельство в двух монастырях, архиерейская хиротония и настоятельство в третьем монастыре, участие в Поместном Соборе 1917–1918 гг., назначение заместителем патриаршего местоблюстителя после кончины патриарха Тихона, служение митрополитом в Петроградской епархии, неприятие политики митрополита Сергия (Страгородского), вынужденный разрыв канонического общения с ним и развитие «иосифлянского» движения, арест и высылка в Казахстан, последние годы жизни, арест в ссылке и мученическая кончина.

В Приложении I представлены архипастырские документы, письма, проповеди и назидательные труды митр. Иосифа.

В Приложение II — документы архива Политического Красного Креста из ГАРФА: «Опросный лист Петровых И. С.», заключенного внутренней тюрьмы ВЧК в 1920 г., и письма митрополита Иосифа из ссылки в 1933–1934 гг., а также документы из следственного дела 1930 г., ответы на запрос о судьбе Владыки архивной службы Управления ФСБ по Ярославской области и Управления КНБ по Южно-Казахстанской области.

Завершают книгу: основные даты жизни священномученика митрополита Иосифа; биографические данные о духовенстве и

церковных деятелях, упоминаемых в тексте, и описание монастырей, в которых довелось пребывать и служить архимандриту, затем епископу Иосифу (Петровых).

Документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Искажения имен собственных в публикуемых документах не исправляются. Купюры в документах обозначены отточиями.

Цитаты из воспоминаний, следственных дел и архивных документов, находящиеся в основном тексте книги, выделяются курсивом. В тех же местах, где они приводятся отдельными блоками, они отделяются от основного текста отступом и даются шрифтом меньшего размера.

Работа над книгой осуществлялась в рамках программы Научно-Информационного и Просветительского Центра «Мемориал» — «Репрессии против духовенства и мирян в период 1918–1953 гг.». Коллегам по НИПЦ «Мемориал» — самая искренняя признательность, особенно руководителю научных программ НИПЦ — А. Б. Рогинскому.

Выражаем глубокую признательность за предоставленные материалы из Государственного архива Ярославской области вологодскому историку Кедрову Николаю Геннадьевичу.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

От составителя

В нашей семье хранится добрая память о родном брате моей бабушки, Шишуновой Клавдии Семеновны — митрополите Иосифе (в миру — Иване Семеновиче Петровых).¹

В моих воспоминаниях он предстает как высокий, чрезвычайно добрый старик, с большой окладистой бородой, в очках с тонкой оправой. Мы были у него в Казахстане, где он жил в маленьком саманном* домике на окраине города. За домом протекал арык с довольно бурным течением, по которому автор этих строк, будучи ребенком, пускал кораблики, выструганные умелыми руками деда. Много времени Владыка посвящал чтению, стоя за небольшим столиком, который моя бабушка сразу же по окончании чтения складывала и убирала. Она называла этот столик аналоем. Дед читал громко, часто наизусть, приятным голосом. Как потом я понял, это были богослужения, которые Владыка совершал каждый день. В моем детском сознании мало что сохранилось с тех времен, даже более того — сейчас мне кажется, что эти воспоминания навеяны не столько детским восприятием, сколько рассказами мамы и бабушки в более поздние годы. Потом на долгое время все рассказы и разговоры прекратились, так как о судьбе ссыльного архиерея не было ничего известно. Хотя, возможно, родные подозревали о печальной участи митрополита Иосифа.

¹ Мать автора — Китаева Нина Алексеевна — была удочерена в возрасте трех лет бездетной сестрой Владыки, Шишуновой Клавдией Семеновной, и прожила со своей приемной матерью до самой ее смерти.

* Саман — сырцовый кирпич из глины с добавлением соломы, мякины и др. (Ред.)

По словам матери, бабушка писала в разные инстанции, пытается узнать о судьбе брата, но ни от Калинина, ни от Молотова, ни от Берии ответа не получила. Много позже мне пришло в голову, что, отправляя эти письма, бабушка сама очень рисковала, ведь тогда действовал принцип: «Кто не с нами — тот наш враг, тот будет бит».

Долгое время, почти 50 лет, в семье скрывали от меня все, что касалось Владыки Иосифа, да, в общем-то, и сами родные знали очень мало о судьбе своего родственника. Ведь все, что касалось действий карательных органов, от ВЧК до КГБ, было за «семью печатями». Прошли долгие годы, прежде чем стало возможно свободно говорить о пострадавших от безбожной власти и о разных нестроениях в Русской Православной Церкви первых десятилетий советской власти, когда государство попыталось силой своей власти уничтожить не только влияние Церкви, но и саму Церковь, часто действуя руками послушных ей иерархов.

Автор этих строк начал собирать материалы о митрополите Иосифе (Петровых), пытаясь выяснить его судьбу, которая тесно связана с историей Русской Православной Церкви того периода. В сентябре 1989 г., с образованием в Московской Патриархии комиссии по реабилитации репрессированных священнослужителей, автор обратился к митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Ридигеру) с просьбой помочь узнать о судьбе митрополита Иосифа (Петровых).

Митрополит Алексей откликнулся на просьбу и поручил ректору Ленинградской Духовной академии — протоиерею Владимиру Сорокину оказать помощь автору. С помощью о. Владимира мне удалось связаться сначала с управлением ФСБ по Ярославской области, которое переадресовало меня затем в областную прокуратуру. Оттуда я получил первую справку о реабилитации Владыки Иосифа по делу 1920 г. Вот с этого времени и начался сбор всех данных, приведенных в книге.

Жизнеописание митрополита Иосифа (Петровых)

Детство и годы учебы

15 декабря по старому стилю¹ 1872 г. в уездном городке Устюжне Новгородской губернии в семье мещан Петровых, имевших многочисленную родню, родился четвертый ребенок, которого нарекли простым русским именем — Иван.

Глава семьи — Семен Кириллович Петровых — был булочником. Во дворе их родового дома по Казанскому переулку² стояла маленькая пекарня, где Семен Кириллович вместе со своим помощником пекли хлеб, бублики и пироги. Все изготовленное разносилось по близлежащим домам. И хлеб, и бублики, и пироги пользовались большим успехом и охотно раскупались жителями Устюжны. Жена Семена Кирилловича — Евдокия Ивановна (урожденная Ганьковская), занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, а затем и многочисленных внуков. Вести хозяйство для такой большой семьи было нелегко, и хозяйке помогала взятая из деревни кухарка, которая жила при пекарне.

Сначала семье принадлежал другой дом по тому же Казанскому переулку, но дом сгорел, и Петровых построили новый — ближе к центру города. В этом новом доме и родился Иван Семенович Петровых. Дом, хотя и несколько перестроенный, сохранился

¹ До 1918 года все даты, как правило, даны по старому стилю.

² Ныне переулок первой женщины-космонавта В. Терешковой.

и до сих пор, но он уже не принадлежит семье Петровых. Часть участка, где стояла пекарня, отошла к другим хозяевам, и там построен жилой дом.

В семье Петровых было девять детей: Мария, Андрей, Сергей, Иван, Александр, Петр, Клавдия, Николай, Антонина. Большинство из них (кроме Сергея, Александра и Петра) сохранились в памяти автора, и ему удалось, хотя и не полностью, составить родословную семьи Петровых.

Семья всегда отличалась набожностью. В ней отмечались все церковные праздники, на дни Ангелов собирались у именинника за общим столом. Эта традиция сохранилась на памяти автора [М. С. Сахаров] примерно до 1950–60-х гг., так как к этому времени в Устюжне жили многие из оставшихся в живых братьев и сестер Петровых.

Была у этой семьи своя родовая церковь — церковь Вознесения Господня на Всполье, разрушенная в 1939 г., в период гонений на Церковь Христову. В метрической книге этой церкви о родившихся в 1872 г. значилось в первой части под № 9: *«Пятнадцатого декабря родился Иоанн, крещен семнадцатого числа того же месяца, родители — Устюженский мещанин Семен Кириллович Петровых и законная жена его Евдокия Ивановна, оба православного исповедания»*.¹

По рекомендации священника Вознесенской церкви в 1880 г. маленький Иван поступил в начальную школу, вероятно, трехгодичное народное училище, по окончании которого по рекомендации священника Вознесенской церкви был принят в Устюженское Духовное училище.² В 1889 г. он блестяще окончил училище, что дало ему возможность поступить в Новгородскую Духовную семина-

¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2997. Л. 3.

² Память об этом знаменательном для него событии Владыка Иосиф хранил всю жизнь. Характерна запись в его дневнике, сделанная им много лет спустя: *«Благодарю Тебя, Господи, за неизреченную, незабвенную во веки милость Твою, явленную мне в благословенный день сей (поступление в духовное училище по окончании светского). Благодарю Тебя, Владычица моя, с Именем Которой так тесно связана*

рию.¹ К сожалению, в документах семинарии не сохранились данные об учебе Ивана Петровых в стенах этого учебного заведения. Сохранились только его фамилия в списках учащихся, фотография тех лет учебы и журнал дежурств по семинарии с отметками о его дежурствах.

В 1895 г. Иван Петровых в качестве лучшего ученика Новгородской семинарии был направлен на учебу за казенный счет в Московскую Духовную академию. Полученный им аттестат от 23 июня 1895 г. свидетельствует о его отличном поведении и успехах в изучаемых науках (из 28 предметов, только по одному (логике) он имел оценку 4 («очень хорошо»), по остальным — 5 («отлично»).

В годы учебы молодой семинарист, а затем и слушатель Академии редко появлялся на родине — нужно было зарабатывать на жизнь, чтобы не обременять семью. Отец Ивана умер в 1891 г., а мать не имела никакой возможности оказывать материальную помощь сыну-студенту.² В дни каникул Иван работал при монастырях и церквях, перебирая и приводя в порядок разные церковные документы. Летом он также старался совершать паломничества по святым местам России, сподобился побывать на Святой Земле и поклониться Гробу Господню.

эта милость Божия, через Тебя же мною испрошенная, не возгнущайся моим убогим благодарением. 8 октября 1910 года».

А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инок». Сергиев Посад, 1914. Т. X. С. 112.

¹ 2 июля 1889 г. в книге приговоров Устюженского мещанского общества (запись № 20) сообщалось об увольнении из среды Устюженского мещанского общества Ивана Семеновича Петровых, мещанского сына, окончившего полный курс наук в Устюженском Духовном училище, для продолжения образования в Духовной семинарии. См.: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 6.

² Характерно поданное Иваном в 1898 г. прошение в правление Духовной академии о денежном вспомоществовании в связи с лечением девяти зубов, причинявших ему на протяжении долгого времени невыносимую боль и, наконец, вынудивших прибегнуть к услугам зубного врача, на оплату работы которого у Ивана не хватало средств по бедности матери-вдовы. См.: ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 13.

По окончании четырехлетнего курса наук в Московской Духовной академии, Иван Семенович Петровых был удостоен Советом Академии ученой степени кандидата богословия и 11 июля 1899 г. утвержден в ней митрополитом Московским и Коломенским Владимиром (Богоявленским). Ивану было предоставлено право преподавать в семинарии и при искании степени магистра не держать нового устного испытания. В качестве профессорского стипендиата он был оставлен при Академии на год для приготовления к замещению вакантных преподавательских кафедр. В октября того же года Совет Академии утвердил заявленную им программу занятий в связи с его намерением переработать свое кандидатское сочинение по последнему периоду библейской истории в магистерское.

4 сентября 1900 г. по прочтении двух пробных лекций в собрании Совета Академии Иван Семенович был избран исправляющим обязанности доцента Академии по кафедре Библейской истории и 9 сентября утвержден в этой должности митрополитом Владимиром.

Монашеский постриг

Во время обучения в Академии Иван начал вести духовный дневник. *«Опытно изведаль я, как полезно ежедневно испытывать себя и результат своего познания в данный момент напечатлеть письменно, — записал он позже, — через это укрепляется познание себя, особенно в слабых сторонах, и приобретает большую силу желание и усилие исправления. Полезно особенно записывать свои недостатки. Это имеет силу почти такую же, как при исповеди открытие своих грехов»*¹.

Этот дневник, в который автор часто, — а после принятия монашеского пострига ежедневно — заносил свои духовные наблюде-

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. II. С. 59.

ния и переживания, мало говорит о внешних событиях, но ярко повествует о напряженной внутренней жизни души, искренней и благородной, ревностно устремившейся к Богу.

«Тяжко мне в мире!... Нет сил страдать от его тревожений, соблазнов, искушений, напастей! — записывает Иван 10 июля 1901 г. — Не дайте погибнуть душе моей — от его лжи, суетности, растленности... Дайте мне пустыню монастырского уединения, да искуплю в ней все измены Богу души моей — непрерывным плачем Петра, воплями Псалмопевца, рыданиями Марии!.. Дайте мне блаженную тоску иноческого одиночества, не обменимую ни на какие земные веселия, целительную для души, питательницу молитвы, огнеопальную для врагов спасения!»¹

Позднее, здесь же он делает приписку: *«Это последний вопль моей души в миру: Господь услышал его. Великое чудо милосердия Божия ко мне совершилось: 26 августа 1901 г. в праздник Владимирской Б<ожьей> М<атери> я совершенно покончил со всеми поползновениями на женитьбу и стал монах! Как возблагодарю Тебя, Господи?!»*

Сколько душевных терзаний пришлось пережить Ивану перед принятием этого решения, открывает нам целый ряд записей в его дневнике: *«В волнении сердца и трепетном исповедании души провожаю утекающий год (1901) в область прошлого, в который “вмале не погибла душа моя”, но Господь великою Своею милостью помиловал меня!... 31 декабря 1901».*²

«Я был в опасности пагубнейшего для меня искушения... И воззвал я к Богу кровью души моей, потоками слез моих, стоном воплей моих, и Он, Милосердый, простер мне руку помощи и избавления, спасения и утешения... О, Благодетель жизни моей! Да будет же она отныне Твоя — всецело и неизменно!»³

¹ Там же. Т. I. С. 35.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 2.

*«Господи! Стыжусь своего непостоянства, недостойнства, неверности пред Тобою и продолжительного колебания, прежде чем отдаться на всецелое служение Тебе, и заслуживаю полнейшего Твоего отвержения, ибо мог еще задумываться пред таким выбором, как мир или Ты, жизнь плотская и жизнь в Тебе! 6 августа 1902».*¹

*«С громом, с шумом, с треском, напутствованный от мира гадкими сплетнями, злобными клеветами, наветами — порвал я цепи мира и вырвался на свободу Христову... 8 января 1902».*²

Уход из мира для Ивана не был «бегством» от жизненных неудач и неурядиц. Как он сам отмечал: *«Неполезно идти в монастырь по случайным решениям и неудачам жизни в протест им. Нужно иметь положительные данные за монашескую жизнь. Нужно полюбить сердцем чистоту и непорочность жизни, для которых монастырь дает лучшие условия для сохранения и пищу для их возгревания».*³

Избирая путь аскетической жизни, Иван, с детства думавший о монашестве, сознательно уходит от земных радостей и счастья. *«Несколько высоконравственных, благородных, прекрасных и непорочных девиц имели желание и жизненную надежду разделить со мною счастье супружества, — писал он в дневнике. — Едва не соблазнился и сам я устроить это счастье, ожидавшие которого вместе со мною были глубоко огорчены моим выбором монашества. И сам я произвел этот выбор, волею Божией, со страшными мучениями сердца, жалостью, скорбью, среди которых едва душа моя не готова была разрешиться от тела. Господь помог все перетерпеть, преодолеть, так как я, наконец, твердо решил отдать всего себя Ему, чего бы это мне ни стоило. Тяжело и — о, как тяжело было покидать все, что так много обещало счастье, Господь не поставит этих мук*

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. I. С. 196.

² Там же. С. 14.

³ Там же. Т. X. С. 40.

мне в вину; напротив, эти муки, эти слезы, эту скорбь при покидании всего ради Его вменит мне тем в большую любовь и ревность к Нему. Ей, Господи, прими произволение мое, освяти и благослови его. Мечтавших же о счастье со мной вознагради другим счастьем, тысячекратно лучшим, нежели какое я мог бы дать им!»¹

Через несколько лет он вспоминает свои душевные муки, размышляя о загадках человеческой души: «Человек такое удивительное изменчивое существо, он может до неузнаваемости изменять самые пылкие заветные свои желания. Так я некогда пылко желал девственной жизни, потом вдруг загорелся не менее пылкими желаниями семейного счастья, затем, долгое время оба эти желания (как-то ни странно!) до такой степени уживались и заявляли свои права, что я совершенно не знал, чему отдать предпочтение...

Наши желания очень изменчивы. Иногда мы и сами не знаем, чего нам надо, что нам лучше. А желаем. Иногда желаем и одновременно того и другого, до резкости противоположного и трудно совместимого. Так, кто из нас в минуты чистейших порывов души не желал — и жениться, и оставаться в то же время девственником. Я думаю, и Сам Господь иногда, так сказать, становится нами в затруднение, что же Ему сделать для нас, чтобы угодить нам вполне.

Бывает и так. Долгое время нас мучит жгучая жажда одного. А потом это как-то незаметно проходит, наступает другое, иногда совсем противоположное.

Так, в дни ранней юности я страстно желал идти непременно в монахи, потом проснулась страсть, и я страстно жаждал семейного счастья. О нем были все думы и чувства. Была невеста... Но потом опять и тоже как-то неприметно пришло и заговорило в душе другое, высшее благо. Я стал колебаться в прежних идеалах. Началось, как сказано выше, совместное желание

¹ Там же. Т. II. С. 147.

того и другого: и семейной обстановки жизни, и нерушимо девственной чистоты! Совмещение едва совместимого. Наконец, верю — не без изволения Божия, я избрал более безопасный и посильный мне путь одиноко-монашеской девственной жизни».¹

Окончательное решение было принято Иваном 10 июля 1901 г.: «В этот день подано мною прошение о сочислении лику иночествующих. Господь услышал мои слезные вопли и избавил душу мою от ада преисподнейшего! Да будет благословен во вся дни века день и час, когда Господом подкрепляемая рука моя опустила упомянутое прошение в почтовый ящик (в г. Ярославле, на вокзале)».²

«Его Преосвященству, Преосвященнейшему Арсению,
епископу Волоколамскому,
ректору Московской Духовной академии,
исправляющего должность доцента оной,
Ивана Петровых покорнейшее прошение

Сокровенно давнее и заветнейшее желание мое — отдаться во всецелое служение Церкви Божией, нахожусь ныне достигшим желанной зрелости, твердости и благонадежности.

Благословение Вашего Преосвященства и подобающее священнодействие да введет мое недостойнство в лик иночествующих делателей Нивы Христовой! От лет же младенческих призывавшая меня к сему благодать Всевышнего да поможет мне, до последнего издыхания моего послужить Ему Единому, высшему Благодетелю и Желанию моему, — всею душою моею, всем сердцем и существом моим.

Исправляющий должность доцента
по кафедре Библейской истории
Иван Петровых».³

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IX. С. 207, 209.

² Там же. С. 169.

³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5083. Л. 4.

Тогда же Иван пишет письмо епископу Арсению:

«Преосвященнейший Владыко!

Простите прежде всего, что не лично обращаюсь к Вам по своему столь важному делу (причины весьма уважительные)...

Препровождая Вам прошение мое о пострижении меня в монашество, прошу также, Владыко, письменной беседы Вашей по следующим вопросам:

1) не позволите ли быть моему пострижению в бытность Вашу в Валдайском Иверском или Антониевском монастыре (в Новгороде), а для сего —

2) не можете ли мне поточнее сообщить, когда именно Вы будете в Новгороде и Валдае, и где прежде?

На все эти вопросы удостойте меня, Бога ради, Вашего ответа без замедления (<...>).

По получении Вашего ответа немедленно еду в Новгород, к о. Варсонофию,¹ и у него буду в благоговении ожидать окончательного решения своей участи.

В случае надобности, чрез него можете направить мне все дальнейшие Ваши распоряжения. Там же могут быть выполнены и все необходимые приготовления к моей мобилизации.

Наконец, прошу и умоляю — насколько возможно сократить для меня тяжелые минуты между подачей прошения сего и его осуществления.

В полной надежде на Ваше сердечное участие во мне и в трепетном ожидании неизмеримо превосходящей мерность моего окаянства милости Божией,

*остаюсь Ваш Ив<ан> Петровых
г. Ярославль. 10 июля 1901 г.²*

¹ Епархиальный миссионер-проповедник Новгородской епархии. Еп. Варсонофий (Лебедев Василий Павлович, 1871–1918) — с 11 декабря 1916 г. епископ Кирилловский, расстрелян коммунистами 15 сентября 1918 г.

² ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–2

Постриг был назначен на 26 августа в Гефсиманском скиту при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Иван был пострижен в мантию с наречением имени Иосиф, в честь ветхозаветного патриарха Иосифа Прекрасного. Постриг совершил ректор Московской Духовной академии, епископ Волоколамский Арсений (Стадницкий). Вот подробное описание пострига, оставленное самим монахом Иосифом.

26 августа 1901 года. Господь Человеколюбивый, в таинстве иноческого пострижения, отверз мне свои Отческие пресладкие объятия и омыл мою скверную, грязную, нечистую душу обильными слезами умиления и сердечного сокрушения. Да будут незабвенны во веки эти святые минуты! Да не устану никогда со слезами умиления воспоминать канун этого дня — Субботу, когда трепетало сердце — и как! — в ожидании великой милости Божией! Сколько передумалось, перечувствовалось тогда! Сколько выстрадала душа за эти дни, умирая для мира и рождаясь для жизни новой! Сколькими слезами облилась она, исповедав смиренно и с сокрушением сердца свои мерзости, падения и раны от самых ранних впечатлений детства до последней минуты! Это было в келье старца. Незабвенного старца — о. Иасона.¹ Вот он надевает свою полумантию, епитрахиль и начинает: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Царю Небесный... Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!»... В этот момент благодать Божия коснулась моего сердца... Молнией блеснула в голове мысль: «отпевают!» Мелькнула мысль о смерти, об отречении от всего — от родных, близких, от удовольствий, радостей мирских, от М... невесты, от всех и всего... И слезы брызнули и не-

¹ Иеромонах Иасон (Голицынский) (1835–1904) — духовник Гефсиманского скита Свято-Троицкой Лавры. 29 ноября 1877 г. пострижен в монашество. 25 апреля 1884 г. рукоположен в иеродиакона, 17 августа 1884 г. — в иеромонаха. 20 ноября 1897 г. утвержден братским духовником в скиту.

удержимо лились за все время исповеди. Покаянный псалом... Как каждое слово его стучало в оледеневшую душу, как ее смягчало, возвышало, очищало! Только здесь я почувствовал всю прелесть, всю глубину и силу, и всю живительность покаянных чувств, вылившихся в этом псалме... Покаянные молитвы. И вопросы — сначала духовника-старца, и ответы, ежеминутно прерывавшиеся рыданием; наконец, — собственная исповедь, прочитанная по записке, в которой я постарался ничего не забыть и не утаить, как это ни больно было окаянному самолюбию. Несколько раз я останавливал чтение, потому что слезы и рыдания не давали возможности читать. Так сподобил Господь покаяться... особенно трогательный момент, когда я изобразил свое положение, решившее мой выбор монашества. «Это было положение, в котором люди маловерующие и отчаявшиеся избирают самоубийство, как единственный выход из затруднения. Но я увидел здесь новое средство привлечь меня в Свои Отеческие объятия, устремиться в которые я так неразумно и преступно медлил... Я решился, наконец, сделать то, что давно надо было сделать... Вы видите теперь, как я беден, нищ, жалок, убог... Я не мог терпеть долее сам себя, я бросил все, и... вот я у Ваших ног... Достоин ли я того, чего ищущу?.. Но “не здоровые требуют врача, а болящие”. Тот, кто пришел не праведные, а грешные призвать на покаяние, не оттолкнет и меня и поможет мне, ибо не на свои силы уповаю!..»

После этого я долго не мог перестать от слез, которые душили меня и едва дали дочитать записку, которая сразу была изорвана духовником и сожжена... Но вот он прочитал мне разрешительную молитву, и... о, восторг!.. Какую легкость послал Господь душе, какое утешение, какую уверенность сладостную, что все мои мерзости прощены, смыты, изглажены и не вспомнятся более во веки Премилосердым Господом!

«Вот теперь мне легко, отче!» — воскликнул я невольно духовнику, и он много утешал, ободрял и наставлял меня по поводу этого.

Настает Воскресенье, 26-го числа. Рано поднялся я, чтобы вычитать правило ко св. Причащению и приготовиться неспеша к великой минуте. Одедся в лучшие, любимые свои мирские одежды, чтобы

отложением их лучше символизировать свою готовность полного отречения от всякого самоугождения и пристрастия. И вот, за полчаса до благовеста к обедне, начинаю свое преображение. Раздел все, что было, и кинул в один из углов кельи. Нарядился в простую, новую, белую, чистую длинную рубашу и подрясник послушника. Зовут в церковь. Не без трепета иду и переступаю порог церковный. Полагаю обычные низкие поклоны св. алтарю и на обе стороны и сажусь у свечного ящика.

Мне кажется, что все сегодня ждет моего праздника — и собирающиеся в церковь, и самые стены, и все церковные принадлежности. Вот зажигают паникадило, расстилают ковры, ставят аналой и на полу кладут мои одежды монашеские, принесенные из алтаря, где они ночевали у св. престола, в той самой белой скатерти, в которой я их привез.

Вот раздается благовест в большой колокол... Несколько знакомых промелькнули мимо меня, некоторые поздоровались, и один справился, каково я себя чувствую? Слышится трезвон «во вся». Идет Преосвящ. А<рсений>,¹ и я падаю у его ног сразу, как только он переступает порог церковный. Получив благословение, иду в самую даль церкви, за конец ковра-дорожки.

Начинается обедня. Быстро, не успел я опомниться, как дают знак, чтобы я скидал подрясник и сапоги и готовился. Певчие поют «блаженны». Я — остаюсь в одной рубашке и чулках, закрываемый от народа мантиями монахов, и падаю на колени на ковре с глазами полными слез. Допели «блаженны», и вдруг!.. О, как передать эти минуты! «Объятия Отча отверзти ми потщися», — запели «где-то», ибо я не знаю сейчас, могло ли мне казаться таким умиленным «человеческое» пение.

«Вот пришло время — конец всему!» — подумалось мне, и я, как сноп, пал ниц и повергся на землю в состоянии духа, совершенно

¹ В предисловии к первому тому «В объятиях Отчих», где было опубликовано это повествование о постриге о. Иосифа, даны лишь инициалы его и епископа Арсения (Стадницкого). Мы приводим их имена полностью.

недоступном для описания. Я чувствовал себя трупом гнилым, мертвым, ничтожным, я лежал в сознании полной беспомощности, бессилия, поражения, лежал в состоянии, способном возбудить любую и человеческую, не только Божественную жалость. Запели второй раз «Объятия Отча». Духовник издали осеняет св. Крестом в это время лежащего, меня поднимают и ведут на средину церкви, и здесь я опять повергаюсь весь в слезах, едва сдерживая вопли полного рыдания. Третий раз «Объятия Отча», и я опять иду и опять валюсь, будучи не в силах сдерживать громких всхлипываний.

Пение смолкло... и одно мгновение я лежал в короткой, но страшной борьбе между страхом и надеждою, между грехом и избавлением, между отвержением и Божиим милосердием. Лежу, и только вижу глазами, полными слез, как свет яркий заливает пол, ковер и меня всего. Больше ничего не вижу, ибо лежу лицом, правую щекою на ковре, волосы раскидались по полу и руки распростерты, но чувствую уже, что около меня что-то есть, что-то готовится.

«Бог милосердный, яко Отец Чадолюбивый, зря твое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блудного сына приемлет тя кающегося и к Нему от сердца припадающего», — раздается среди глубокого затишья голос Святителя, который поднимает меня под руку и ставит прямо, причем я увидел, что предо мною аналой со св. Крестом и Евангелием и масса священнослужителей в облачениях. Кругом мелькнула еще масса народа, но не до него было в эти минуты, когда Сам Господь со святыми ангелами «чувствовался» здесь в эти минуты и ждал от меня обращения к Себе и произнесения св. обетов служения Ему.

Твердым и уверенным голосом на вопрос Архипастыря: «Что пришел еси, брате?» — ответил я — «Желая жития постнического, св. Владыко!» — и др<угие> ответы на его вопросы. Голос мой, испланный, напряженный, дрожащий, придавал какую-то особую торжественность словам обетов; наконец, обеты произнесены и закончены молитвой.

Затем начинается превращение внешнее, после совершившагося внутреннего. «Брат наш И<осиф>», — возгласил Святитель, делая

особое ударение на моем новом имени, бывшем мне совершенно неизвестным до этой самой минуты...

Пострижение власов. О, сколько сразу вливается в душу чувств, дум, волнений в это святое мгновение духовного рождения! Какой открывается мир! Но — некогда было отдаваться надолго этой минуте. Надо было помогать облачающим. Облачение быстро совершилось, и я узрел себя во всеоружии духовного воина. Ощущения, впечатления налетали как вихрь, с каждым новым действием надо мной, и так же быстро вихрем уносились, гонимые другими. И несколько мгновений — все это.

Вот читается еще последняя молитва, и все уходят, ведя меня к Образу Спасителя, по правую сторону царских врат, со св. Крестом и свечой в руках. Здесь я стою всю обедню, полный самого благодатного умиления над совершившимся со мною. Ни одного мирского помысла, ни одной суетной мысли не допускает Господь: весь Он овладевает в эти минуты предавшеюся Ему душою, весь наполняет и занимает ее. Видя пред собою Его Лик на иконе, как-то отрешаешься от этого внешнего впечатления и сливаешь его с внутренним духовным созерцанием и услаждением от Его ясного, светлого Лица. Точно так же и при принятии Св. Тайн, которых удостоивается постриженный: никогда так не приходилось отрешаться от видимых знаков Его Тела и Крови и диво представлять их Самим Телом и Кровью Господа, и даже не Телом и Кровью только, но всем Его Существом, только что Помиловавшим меня, Обласкавшим и Утешившим так нежно...

По окончании обедни, еще раз пережились умиленно-слезные минуты при трогательном обряде «вручения Старцу». Пред аналоем со св. Евангелием предстал я, справа у аналоя Святитель, слева Старец, лицом ко мне. По сторонам остальное духовенство. Рука моя и руки Святителя и Старца на Евангелии, как бы в руке Христа. Святитель возгласил Старцу: «Се предаю ти, отче Иасоне, брата сего И<осифа> от Св. Евангелия, еже есть от Христовы руки, чиста и непорочна, ты же прими его Бога ради, в сына место духовного, и направи его на путь спасения, и научи еже сам твориши к пользе душевной, прежде всего — страху Божию, еже любити Бога всем

сердцем и всею душою и всею крепостию, и повинование имети безпрекословно к настоятелю и к преимущим, и любовь нелицемерну ко всей братии, и смирение, и молчание, и терпение ко всем, и какова его приемлещи от Св. Евангелия, да потщися такового же представи Христови в страшный день праведного Его суда!»

Старец отвечал на это с благоговейным волнением в голосе: «Превыше нашей меры дело сие, Преосв. Владыко, но повелено нам есть от Спасителя нашего Иисуса Христа — наипаче всего послушание имети к настоятелю, и елико сила наша по Бозе, не отрицаюся, должен есмь наипаче всего попечение имети о нем, якоже Бог наставит нас, убогих, Ваших ради Святительских молитв!»

После всего этого Святитель обратился и ко мне с назиданием: «Се тебе, чадо И<осифе>, сей старец Иасон — отец и учитель, ты же повинуйся ему во всем, и имей его яко Самого Христа, и твори к нему послушание и повинование во всяческих повелеваемых от него, без повеления же и благословения ничтоже твори, сего ради не точию от Бога оставление грехов получиши, но и жизнь вечную наследуи со святыми Его, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Какие священные, трогательные, страшные слова! Какое самоотвержение и любовь Старца, дающего согласие на столь ответственное дело! Какая обязанность дается и мне, да не погублю себя и Старца. «Имей его яко Самого Христа», — говорится мне. И действительно, вот где высшее побуждение к послушанию. Какая святая глубокая основа для него! Затем Святитель обратился ко мне с речью. С волнением слушал я его приветствия. Затрепетало сердце, когда он упомянул о монастырях — Антониевом и Сергия преп<одобного>, где зародились мои мысли о монашестве (хотя начало их коренится гораздо раньше, еще в отрочестве). Упомянул о моих поездках по св<ятым> местам и ко Гробу Господню, — напомнил, что я был таким любителем и посетителем чудных Лаврских Богослужений, которыми я возгревал свои мечты, — коснулся, каким искушениям я подвергся, и... в это мгновение я не выдержал, закрыл глаза и слезы ручьем побежали по щекам. Я устыдился внутри себя своей неверности Господу, Который давно звал меня, а я бродил от Него по миру, хороня своих мертве-

цов. Господи! Как было горько, больно этой мысли, но слезы горечи тут не разделялись от сладких слез покаяния, умиления и радости. Я плакал, но плакал сладко...

После приветствий и братских лобзаний, я зажил блаженные незабвенные 5 первых дней иночества, которые, по уставу иноческому, проводятся в безотлучном пребывании в церкви — в полном иноческом одеянии (даже во время отдыха) — в строжайшем безмолвии, в посте, молитве, Богомыслии, чтении Слова Божия и др<угих> душеспасительных книг, ежедневном сообщении с Господом в Св. Тайнах!.. Боже! Какие это воистину светлые, безмятежные, блаженные, неземные минуты!.. «Смотри, брате, запасайся, — ласково приговаривал мне Старец, — на всю жизнь теперь запасайся: того не будет уже больше, что теперь переживешь!.. Вот пойдут скорби, тогда и вспоминай эти минуты, и так на всю жизнь их хватит тебе!..»

Боже! Какая это глубокая, дивная правда! Это почувствовал я в достаточной мере сердцем сразу же, как только кончились блаженные первые 5 дней этого истинного сладчайшего «забытья» в объятиях Отца Небесного, когда ничто земное, мятежное, суетное не тревожило и не смущало обновленную, исцеленную совесть. Но... монах питается скорбью, скорбями оправдывает свое звание, скорбями целой жизни достигает желаемого, и эта скорбь — первая такая мучительно-болезненная скорбь — сжала мое сердце в момент, когда мне сказали, что дни моего церковного сидения «кончились», и я должен начать обыденную жизнь обычного монаха... И я начал эту жизнь... Начал в покорном сознании, что нежные ласки Небесного Отца, сладость которых дается ощутить монаху, должны быть не только щедрым даром любви Его за мое покаяние и обращение, но и таким «авансом», который должно в меру сил заслужить и искупить всею дальнейшею жизнью — жизнью всевозможных испытаний, скорбей, искушений, напастей, временных оставлений Богом, — всего того, что делает эту жизнь способною пребывать неотлучно в сладчайших объятиях Отчих!¹

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. I. С. VII–XVI.

Духовный дневник «В объятиях Отчих»

«В объятиях Отчих. Дневник инока» — под таким заглавием был в дальнейшем опубликован дневник отца Иосифа. Начинается он записью от 10 июля 1901 года: *«Жизнь в объятиях Отца Небесного — воистину это жизнь монашеская. Монах — это очнувшийся распутный сын, для которого все прошедшее, настоящее и будущее слилось и замерло в один нескончаемо долгий момент сладчайшего самозабвения на груди Отческой... Вопль покаянной мольбы еще на устах, но сердце — сердце уже давно услышало ответ и само успело ответить своим воплем, воплем счастья от исчезновения в неизследимой бездне всепрощения и милосердия Божию!»*¹

Строго-аскетическая, подлинно-монашеская жизнь предстает на страницах дневника. Единение с Богом — главная цель жизни автора, как настоящего монаха и христианина.

«Чем тяжело монашество? — вопрошает он. — Не тем, что стали запретными все удовольствия и блага суетного мира! Не тем, что долг и сердце требуют борьбы, чтобы не вернуться к ним, не повторять, не искать их! Не тем, что отрицаем своей воли, несем иногда действительно тяжелые послушания! Не тем, что иногда вынужденно обязаны соблюдать строжайшее целомудрие — эту нелегкую победу над природою! Не тем, что данные обеты — нищеты, послушания и целомудрия, поста, молитвы и строжайшего воздержания, — постоянно нами нарушаемые, вопиют в совести нашей мучительными укорами! Не ненавистью к нам мира, нами возненавиденного и брошенного!.. Нет, не этим всем тяжело монашество!.. Это все результаты другой тяжелой стороны его!.. Тяжело оно своею постоянною неудовлетворенностью в достижении своего положительного результата — теснейшего общения с Господом и чувства этого общения, чувствования в себе Гос-

¹ Там же. Т. I. С. 1.

пода! Это удел совершенных (по достижению которого для них поэтому исчезает всякая тяжесть монашества); чувство общения с Господом, уверенность в обладании Им, дерзновенное сознание Его покровительства, силы благоволения — вот что жизнь монаха, и между тем, ему не дано полного ощущения этой жизни; ему дана постоянная жажда Его, искание Его, делающее его жизнь подвигом обретения Христа, не подвигом соблюдения целомудрия и пр<очих> обетов монашества — это лишь условие, а цель — сообщение, сообразование, слияние со Христом так, чтобы каждое слово, действие, мысль, поступок — смело могли быть считаемы возможными во Христе, не исключаящими Его, не оскорбляющими Его святыни».¹

С января 1905 г. выдержки из дневника начал печатать журнал «Душеполезное Чтение», с указанием только инициалов автора. Затем, также без указания полного имени автора, дневник стал издаваться в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, с благословения Преосвященного епископа Арсения (Стадницкого). Всего было издано 11 томов за 1901–1911 гг. Духовные размышления, заключенные в дневнике инока, пользовались большим успехом среди духовенства и мирян, и с 1905 г. по 1914 г. дневник переиздавался несколько раз.

Замечательны отзывы о нем читателей:

«Читая и перечитывая глубоко назидательные, дивные, вдохновенные заметки из “Дневника инока”, я неудержимо порываюсь высказать автору их, какое умиление, какой восторг, какие облегчающие блаженные слезы и какие сильные движения душевные вызывают эти строки его!... Местами видишь собственные мысли, облеченные в ясные, светлые образы, находишь собственные чувствования, вылившиеся в чистые формы, собственные стремления и желания, понятия, выраженные с такой поразительной глубиной, полнотой и силой!»²

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. I. С. 94.

² Там же. С. VI.

*«Строки “Дневника инока” помогут и мирянке много пере-нести с терпением, возродят меня, сделают и всех читающих их другими, ибо христианская кротость — та самая властная сила, которая зло превращает в добро. Эта дивная книга — кроткая песнь мира, любви и согласия. Эта песнь должна заглушить в людях гнев и неприязнь, должна несомненно пробудить в них самые светлые чувства и всех научить могучему Евангельскому призыву к правде Божией и Царству Божию».*¹

*«Слово писателя может утратить свою силу, влияние и действие на душу только при одном условии — когда явится убеждение в его лицемерности, неискренности! Там же, где каждая строка, каждая буква дышит жизнью, силой, правдой, где каждая мысль выстрадана, каждая фраза одухотворена, проникнута живой верой, пламенной жаждой общения с Богом, жгучей болью о содеянных согрешениях, чутким возвышенным пониманием своего “призвания”... — там чувствуется, что “уста от избытка чувств глаголют”, потому что речи эти будят в душе лучшие и святые чувствования и помышления, исторгают слезы из очей и воспаляют любовь к Богу, сокрушенным сознанием тщеты всего земного... там чувствуется, что это вопль души к Богу, охваченной благодатью веяния Духа Божия, и нет места там ни фальши, ни неискренности!»*²

Дневник отца Иосифа — замечательный образец духовно-аскетической литературы. Это откровенная повесть о его первом десятилетии монашеской жизни. *«Владея настоящей книгой, знай, добрый читатель, что ты некоторым образом владеешь душою моею! — обращался автор к читателям своего труда. — Не осмей ее. Не осуди, не укори: она открыта пред тобою здесь так, как только открывают ее духовнику и самому близкому человеку: открыта во всех сокровенных движениях, ежеднев-*

¹ Там же. Т. VIII. С. 9.

² Там же. Т. I. С. VI.

ных настроениях, чувствованиях, изъянах и немощах, во всех добрых и злых, светлых или темных сторонах и жизненных проявлениях...

Быть может, многое и весьма многое здесь даже и не заслуживало бы того, чтобы быть увековеченным на бумаге. Но желание видеть самого себя во всей точности таким, каков я был и вылился в своем дневнике за протекшее прошлое, преодолело все другие соображения, и — не к худшему».¹

«Хорошо “познать себя” — т. е. узнать себе настоящую цену, — пишет о. Иосиф, — установить верное суждение о себе, и главным образом, ничуть не обманывая себя изобличать все свои недостатки, промахи, дела неразумия, порчи воли, скудости и нечистоты сердца! Постигнуть и ощутить сердцем свое крайнее несовершенство и испорченность — значит наполовину достигнуть цели жизни, и притом на большую и важнейшую половину. Самолюбие и незнание себя — главный тормоз обновлению духовных сил»;² «Как, потеряв сознание, нельзя действовать разумно, так, перестав “знать себя”, нельзя надеяться, что идешь, а не стоишь на пути ко спасению».³

Инок Иосиф очень строг к себе. С первых до последних страниц дневника слышится постоянное его искреннее сокрушение о своих грехах и немощах, отделяющих от Бога.

«“Господи, спаси ны, погибаем!” (Мф. 8, 25) в волнах гораздо более ужаснейшего моря, нежели в каком погибал Петр, в волнах моря житейского, в волнах беззаконий, нечестия, скверн душевных и телесных, с которыми у Тебя ничего общего! Погибаем даже в делах Твоего благоугождения — гордостью, тщеславием, нерадением, самолюбием, славолубием и т. п.», — записывает о. Иосиф 26 октября 1901 г.⁴

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. I. С. V.

² Там же. Т. II. С. 137.

³ Там же. Т. VIII. С. 10.

⁴ Там же. Т. I. С. 35.

«Какое основание, какое право и какой разумный смысл в том, чтобы видеть в себе праведника и человека достойного, угодного пред Богом, когда достаточно малейшего искушения, чтобы пасть — достаточно одного взгляда на женскую красоту, чтобы любодействовать сердцем и изменять Богу, — достаточно одного того, чтобы заметить присутствие около нас красивых лиц или высоких особ, чтобы самый голос наш стал не тот и выдавал наше возбуждение, свидетельствующее далеко не о том, что мы ради Бога поем, читаем и слушаем. Увы, мне, Господи, окаянному, я как раз таков более всех, и ничего с собою не подедаю!.. 29 декабря 1901 года».¹

«Господи! Сотни раз не перестая и не перестану бичевать себя за скверную слабость празднословия, недостаточного воздержания от участия в праздных, смехотворных, легкомысленных беседах, окрадывающих душу в ее благодатном покое, мире, благоговейной настроенности и благочестивой строгости... 3 марта 1903 года».²

Много внимания уделяет о. Иосиф милосердию. Размышления об этой добродетели часто встречаются на страницах дневника:

«Сколько счастья, утешения и самого тонкого возвышенного наслаждения вызывает радость на лице бедняка от души искреннюю и необходимую ему помощью! Какое великое сокровище, может быть, покупаешь на презренный поистине металл, обыкновенно или безразлично скопляемый без всякого употребления, или расточаемый на дела суетные, безцельные и недостойные. О, богачи! Какого блаженства не цените вы в ваших руках, не умеете извлечь и губите свою безрассудною жизнью!»³

«Поистине сторицею Господь воздает за всякую помощь бедному. Дав последний рубль бедняку, я через несколько ча-

¹ Там же. Т. I. С. 105.

² Там же. Т. III. С. 64–65.

³ Там же. Т. II. С. 205.

сов получаю целых 100, которые мне принес один лаврский монах на сбережение — бессрочное и так, что по смерти его эти деньги поступают мне в собственность на поминование дателя. Подобные случаи были и еще, когда неожиданно поступали деньги после оказания помощи нуждавшимся из последних сбережений. Из сего убеждаюсь, что руки наши действительно посредники между Богом и бедными, и не должны эту собственность бедных (деньги) удерживать при себе ни одну минуту. Помни это особенно ты, монах, ни в чем не нуждающийся, хотя и обещавший подъять добровольную нищету и понести всякую нужду и тесноту Господа ради».¹

Серьезно относясь к монашескому званию, отец Иосиф не раз вопрошал на страницах дневника: «Для чего ты надел монашеские одежды? Для того ли, чтобы только красоваться в них? Или чтобы обманывать человечество, рекламируясь в его глазах особливym усердием и самоотверженною преданностью Богу? О, какой тяжкой ответственности подлежим мы, монахи, если не имеем эту укоризну себе всегда пред собою, и еще хуже, когда отгоняем ее, избегаем думать о ней, притупляем сердце к ее спасительной, хотя и несносной тяжкой горечи!»²

Отец Иосиф полагал, что для монашествующих совсем неуместны многословие, легкомыслие, веселость и смех, что ими убивается «молитвенное настроение, ревность, пламенность, умиленность и сосредоточенность служения Господу»³, и только сосредоточенность, серьезность и даже строгость дает возможность для воспитания «высшего благоговения, высшей серьезности и умиленного отношения к жизни как дару Божию и Его откровению, ибо жизнь наша действительно должна быть таковым откровением и как бы “воплощением” в нас

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. II. С. 151.

² Там же. С. 183.

³ Там же. Т. I. С. 42–43.

Божим, воплощением Его священных заповедей, Его законов, Евангельской чистоты, невинности и благоухания».¹

Переживания о. Иосифа в связи с комфортной обстановкой его жизни, к которой он привык, и искренним стремлением к аскетическому образу жизни монашествующих серьезно мучили его и отразились в записях дневника: *«Ведь я знаю и с болью душевной чувствую, что не должен бы, — более всех других не должен бы — жить лучше, чем живет самый последний нищий! — Не должен усаждать гортань свою и наполнять чрево какими брашнами, которых не знает этот нищий!? Не должен сидеть в тепле, сытости и довольстве, в то время как другие мерзнут и гибнут от холода, голода и нищеты... Положим, милостынею я могу приходить на помощь бедным, но — сколько бы я ни помогал, ведь я не достигну все-таки того, чтобы не лучше их жить, есть, пить, одеваться и т.п.?? Или вот еще, например: как назову это приличным мне, как монаху — утешаться чаями с вареньями и лакомствами, в то время как вся жизнь моя должна быть воплощением вопля покаянного: “даждь ми слезы, память смертную и умиление!”... Как примирю со своим монашеским званием всякое хотя бы самое малое и невинное пристрастие к земному и временному? Как примирю то, что оставлю какое бы то ни было имущество после смерти своей — книги, картины и, может быть, даже деньги и др. предметы, в то время как в особенности монаху приличествует осуществление заповеди “не иметь сокровищ на земли, а лишь на небе”. И если денег найдут сколько после меня, не сделают ли (и вполне справедливо) то, что некий игумен, повелевший бросить яко пса без погребения тело одного монаха, после которого нашли в келье златницу».²*

И в дальнейшем, после возведения в сан архимандрита и назначения настоятелем монастырей, и даже после принятия архиерей-

¹ Там же. Т. IV. С. 36.

² Там же. С. 315.

ского сана мысли эти и желание большей строгости в жизни не оставляют его: *«Отличается ли моя жизнь от мирской? — записывает он в 1909 г. после архиерейской хиротонии. — Да, отличается многими лишениями мирских благ и удовольствий, но не вознаграждается ли это, может быть, другими благами и удовольствиями, столь же суетными и скоропреходящими? Комфорт обстановки, изысканность в пище, внешнее довольство — не уничтожает ли все это значение отречения от мирских благ и семейной жизни? Да, итак: мне нечем совершенно похвалиться, что я оставил мир, пока он совершенно не оставил меня, привязывая к себе то тем, то другим»¹*. И вновь возвращается к этой мысли 10 ноября 1910 г.: *«О, Господи! Я жажду подвига, и не имею сил порвать со сладостями жизни. Я дал столь торжественное обещание Тебе вольной нищеты и вольного самоотречения, и окружил себя предметами роскоши, забавы и довольства. Дай мне силу и мужество отринуть все и скончать жизнь в смиренной простоте»²*.

Через несколько лет Владыка Иосиф обретет ту смиренную простоту, о которой он молился. После революции 1917 г. захватившие власть богоборцы лишат Церковь и священнослужителей не только излишнего, но и самого необходимого... Возведенный в высокий сан митрополита бывшей столицы (что в дореволюционное время фактически соответствовало статусу первого епископа Русской Церкви), Владыка Иосиф не только не получит почестей, подобающих этому сану, но напротив, обретет полную нищету, подвергнется гонениям, поношениям и тюремным заключениям, вкусит горечь изгнания и, наконец, будет безжалостно расстрелян богоборцами. Отринув все земные расчеты и компромиссы, он останется непоколебимым в своем исповедническом подвиге и примет мученическую кончину, к которой также издавна стремилась его пылкая душа: *«Господи! Душа моя жаждет подвига. Укажи мне его, натолкни*

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IX. С. 233.

² Там же. Т. X. С. 126.

на него, укрепи в нем, вразуми, помоги. О, как хотел бы я части избранных Твоих, не пожалевших для Тебя ничего, вплоть до души и жизни своей» (запись в дневнике от 6 августа 1909 г.).¹

Принятие священного сана

30 сентября 1901 г. в Троицком соборе Свято-Троицкой Сергиевой Лавры монах Иосиф был рукоположен в сан иеродиакона, а 14 октября 1901 г. в Покровской церкви Московской Духовной академии — в сан иеромонаха. Еще во время учебы в Академии он мечтал об этом служении, осознавая всю его высоту и ответственность и сокрушаясь из-за своего недостойнства, о чем есть запись в дневнике в 1898 г.: «Прошу я благодати священства? Но есть ли у меня характер настолько энергичный, настолько сильный, чтобы пасти других? Нет у меня его. Нет открытости, смелости, огненной ревности, которая одна может дать пастырю все в его трудном ответственном служении».²

Но вскоре после рукоположения иеромонах Иосиф записывает: «Что может быть благороднее, отраднее, святее труда — предстоять в молитве Господу Создателю всех за людей Его, приводить их к Нему в молитве, вызывать в них чувства смирения, сокрушения сердечного, слезы умиления и покаяния, вонзая в их сердца глубоко-трогательные слова церковных молитв, этих священных игл, которыми пробуждается и вызывается к делу наша леность и нерадение».³

Богослужение становится главным делом отца Иосифа. «Люблю служить и буду — часто, ибо эти минуты служения всегда лучшие минуты жизни»,⁴ — отмечает он в дневнике. За ревностное

¹ Там же. Т. X. С. 240.

² Там же. С. 26.

³ Там же. Т. I. С. 56.

⁴ Там же. Т. II. С. 233.

служение в академической Покровской церкви иеромонах Иосиф по ходатайству ректора Академии, епископа Арсения, через несколько месяцев после рукоположения был награжден набедренником.

С особенным и величайшим вниманием новорукоположенный иеромонах Иосиф относится к совершению Божественной Литургии: *«Господи! Даруй мне совершать Святейшее Твое Таинство Евхаристии, — горячо молится он, — не по прошению, желанию, предложению и приглашению других, но наипаче по собственному прошению и искреннейшему желанию своему, по неутолимой жажде Твоего со мною, недостойнейшим, соединения, исполнения, обожения! О, как бы желал я, чтобы ни один день в моей жизни не прошел без сего соединения, без сего насущного хлеба нашего и “единого на потребу” всем нашим нуждам и потребностям!»*¹

Пример св. Иоанна Кронштадтского, ежедневно совершавшего Божественную Литургию, вдохновлял молодого иеромонаха к ревностному служению и заставлял тяжело переживать свои неудачи: *«Как мало у нас дерзновения при совершении Св. Таинства Евхаристии! Умственно сопоставил я сегодня свое вялое, ленивое, унылое служение с полным небесного огня, живости, дерзновения и силы служением великого светильника наших времен, о. Иоанна (Сергиева). Какими пигмеями жалкими выступаем пред ним мы, пред его величием и Богоугодностью! Каким страхом, дерзновением и умилением проникнуты все его возгласы и действия при священнослужении! Он как бы не просит, а прямо требует у Господа того или другого, и... получает невозбранно. Боже! Научи нас с такою же силою совершать Твое таинство всегда!»*²

«В причащении Св. Таин проразумевай не только духовное наслаждение общения с Господом, но и великое страшное дело спасения от плена и общения диавольского; трудно опи-

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. II. С. 39.

² Там же. С. 42.

сать все опасности, среди коих живет человек, опутанный столькими сетями, прельщениями, соблазнами и всевозможными дерзкими нападениями врага спасения нашего. Человека в этом состоянии можно уподобить погибающему в страшных волнах бушующей пучины, а Св. Тайны суть та поддержка, которая, как некий спасательный пояс, не дает ему погрузиться на дно, а помогает держаться на поверхности и подплывать к пристани».¹

Сокрушаясь о практике редкого приобщения Святых Таин, укоренившейся в Русской Церкви, отец Иосиф считал его «одним из печальнейших выражений уклонения от первобытно-строгого и внимательного отношения первохристиан к этой важнейшей потребности души верующего»². Относительно своего личного опыта приобщения Святых Таин он признавался в дневниковой записи от 23 декабря 1902 г. — «когда я жажду ежедневного — о, недостойнейший, приобщения Св. Животворящих Таин, то охраняю себя от высокоумия и тщеславия тою вполне верною, как я знаю о себе, мыслию, что без этой благодетельной пищи моей душе и сердцу — мне с моею слабостью духовною жизнеспособностью угрожало бы совершенное духовное растление и отчуждение от Господа».³

Поэтому ежедневное причастие и совершение Божественной Литургии становятся неотъемлемой частью жизни отца Иосифа. «Господи! Благодарю Тебя за то наслаждение, за то чувство благодатной отрады, с которыми Ты даешь мне приступить ко Св. Твоим Тайнам, благодаря которым мне и один день тяжело пропустить без священнодействия Св. Твоих Таин»,⁴ — записал он 11 сентября 1904 г. в своем дневнике. И через десять лет после рукоположения, уже будучи архиереем, отмечал также на

¹ Там же. Т. III. С. 105.

² Там же. С. 80.

³ Там же. Т. II. С. 341.

⁴ Там же. Т. IV. С. 141.

страницах дневника: *«Как мне жаль и одного дня, пропущенного по нужде или неудобствам без принятия Св. Твоих Таин, Господи! Ни на какие ценности не оценить того ущерб, того лишения, какое чувствуется душою в день, потерянный для Тебя! Лучше бы не жить этот день, не сознавать его, не чувствовать, не видеть! 31 августа 1911 года»*.¹

Научная и преподавательская деятельность в Академии

На протяжении нескольких лет иеромонах Иосиф работает над магистерской диссертацией по теме «История Иудейского народа по “Археологии” Иосифа Флавия».

В январе 1903 г., с благословения ректора Духовной академии, епископа Арсения (Стадницкого), магистерская диссертация отца Иосифа была издана в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Диссертация вызвала многочисленные отклики ученых богословов. Магистерский диспут по защите диссертации прошел в Духовной академии 6 июня 1903 г. Основным оппонентом выступил преосвященный Арсений. Отчет о магистерском диспуте был напечатан в десятом номере журнала «Богословский Вестник» за 1903 г., а затем в сентябре того же года вышел отдельным изданием в типографии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Как сообщалось в «Богословском Вестнике», *«6 июня сего 1903 г. в актовом зале Академии в присутствии Совета Академии и пр. членов Академической корпорации и студентов состоялся магистерский диспут и. д. доцента Академии иеромонаха Иосифа. Диспутант защищал свой труд “История Иудейского народа по ‘Археологии’ Иосифа Флавия”...*

После прочтения биографии диспутанта он произнес обычную речь, в которой изложил трудность пользования Иоси-

¹ «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. XI. С. 234.

фом Флавием для научных целей, по недостатку полного критического исследования его трудов и ввиду особенного характера самых этих трудов, допускавших — до резких противоположностей — различное их понимание и оценку.

По окончании речи открылись прения, причем первым официальным оппонентом выступил Сам Преосвященный Ректор академии Епископ Арсений. Свои возражения Преосвященный предварил приветствием новому ученому труду диспутанта, высказав пожелание, чтобы счастливое совпадение имени диспутанта с именем автора «Археологии» было выдержано небесполезным для науки продолжением изучения трудов Флавия и появлением результатов этого изучения в дальнейших исследованиях».¹

После высказанных возражений и критических замечаний преосвященный Арсений сказал: «Указанные мною недочеты, возлюбленнейший о. Иосиф, отнюдь не умаляют достоинств Вашего многоценного научного труда, появление которого я с радостью приветствую. Полагаю, что с таким же удовольствием он будет встречен и среди присяжных ученых, и со стороны любителей религиозного ведения, которыми он с пользою будет прочитан. Желаю и заповедую Вам и впредь работать в этой области».²

После защиты диссертации иеромонах Иосиф был удостоен степени магистра богословия и утвержден в должности доцента по кафедре Библейской истории Московской Духовной академии.³

В декабре 1903 г. иеромонах Иосиф был назначен экстраординарным профессором по кафедре Библейской истории и инспекто-

¹ Богословский Вестник. Сергиев Посад, 1903. Т. III. С. 305–306.

² Там же. С. 316.

³ Экземпляр магистерского отчета, с дарственной надписью иеромонаха Иосифа был подарен настоятелю церкви Рождества Христова города Устюжны — отцу Павлу Острякову, с которым отец Иосиф учился вместе в Новгородской семинарии. В настоящее время этот экземпляр находится в библиотеке Духовной академии Санкт-Петербурга.

ром Московской Духовной академии. 18 января 1904 г. он был возведен в сан архимандрита. *«Я — архимандрит! — записывает он в этот день в дневнике. — С точки зрения многих, это великое повышение, важное возвеличение. О, как славно повергнуть это величие в прах пред Престолом Божиим! Как сладко сказать: “Господи! И я сам сознаю всю высоту и величие столь священного сана, установленного для Твоего служения, и хотя бы я был сколько-нибудь достоин его, повергаюсь в нем весь пред лицом Твоим, величие которого превосходит всякое понятие наше о величии и заслуживает, чтобы все, что мы знаем как великое, было принесено в служение и жертву Твоему Единому праведному величию”»*.¹

Возможность дальнейшего продвижения по иерархической лестнице не заботит отца Иосифа, впрочем, так же как и научная карьера.² Он прежде всего монах и монашеская жизнь для него важна сама по себе, как жизнь, сугубо посвященная Богу. Его тяготит инспекторская должность: *«Господи! Некогда стало мне и последить за душою, — записывает о. Иосиф в дневнике 20 января 1904 г. — Служба, которую я несу по Твоей воле, так развлекает, так мало оставляет времени для уединенного безмолвия и свободы духа! Постоянное отвлечение от молитвы и Богомыслия к суетным сторонам жизни не дают душе сохранить то чувство благодатного приседания у ног Господних и умиленного внимания Его сладким вещаниям в благодатном настроении сердца, какое испытывается только в неразвлекаемой ничем тишине пустынного уединения. Господи! Даруй поскорее приучить себя совместить и долг послушания Твоей воле, и благодатные минуты благоговейного возбуждения пребывания в Тебе всеми силами ума и сердца»*.³

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IV. С. 16.

² Судя по всему, несмотря на пожелания епископа Арсения, он не продолжает научных изысканий в области библейской археологии.

³ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IV. С. 17.

Много скорбей претерпевает отец Иосиф. «Господи! Как далеко все окружающее меня от благ пустыни, ее уединения, тишины, покоя, располагающих к Богомыслию, непрестанной молитве и серьезно-строгому содеванию своего спасения, — сокрушенно вздыхает отец Иосиф. — Как теперешняя обстановка портит меня, усложняет и утончает всевозможные прихоти, изнеживает, расслабляет, погружает во всякую суету и многомятежность».¹

Весной 1904 г. отец Иосиф сокрушенно обращается в письме к епископу Арсению (Стадницкому): «Простите, Владыко, что редко пишу. Никак не могу привыкнуть к суетливой инспекторской жизни. Все она у меня вверх дном поставила... Что делать?!...

О своих “подвигах” по службе могу ли “что добро” говорить? Пусть скажут другие. По крайней мере, беспристрастнее в ту или другую сторону. Тех ложных шагов, о которых Вы меня предостерегали, наделал я уже множество... Не избежать мне, верно, того, чего не умею предвидеть и предрешишь <...> Пасху встретил в жестокой скорби. О, Академия! О, инспекторство! О, Иосиф!... О, Каптерев! О...».²

Скорби и переживания отца Иосифа были связаны с полемикой по монашескому вопросу. Эта полемика между профессорами Академии и экономом Троице-Сергиевой Лавры, архимандритом Никоном (Рождественским), началась еще с 1902 г. и разворачивалась на страницах журналов «Душеполезное Чтение» и «Богословский Вестник». Профессора подвергали русское монашество в современном его виде острой критике и призывали монахов к деятельному осуществлению заповеди любви к ближнему в виде общественного служения. Архимандрит Никон отстаивал созерцательный характер монашества. Статьи с обеих сторон носили довольно резкий характер. В марте 1904 г. митрополит Москов-

¹ Там же. С. 78.

² ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 5–6 об.

ский Владимир наложил запрет на очередную статью профессора Академии Н. Ф. Каптерева, которая готовилась к печати в качестве ответа архимандриту Никону. 18 марта по этому поводу состоялось экстренное заседание Совета Академии, на котором было принято решение опротестовать запрет митрополита. Архимандрит Иосиф не согласился с этим решением и, поддержав запрет публикации, высказался против статьи Н. Ф. Каптерева из-за неприличных и резких нападок и даже *«крайне замаскированных за внешнею объективною научною яда острот, насмешек и издевательств по адресу не только противников, но и самого монашества»*.¹

За свое выступление архимандрит Иосиф был публично и грубо изруган обиженным Н. Ф. Каптеревым, после чего удалился с собрания. Сцена произвела на всех тяжелое впечатление, но отца Иосифа не жалели, считая, что он поделом получил за свою самонадеянность и выступление против профессорской корпорации и одного из старейших ее членов. Профессор И. В. Попов в письме от 16 апреля 1904 г. писал: *«Прямо с собрания Иосиф направился в скит к старцам, там плакал и писал прошение об отставке, потом просил у наместника келью»*.² На Пасху депутация профессоров была принята митрополитом Владимиром, вызывавшим также и архимандрита Иосифа. Несмотря на теплый прием и долгую беседу с профессорами, запрет снят не был, и статья Каптерева не вышла в печати.

17 апреля 1904 г. умер духовник отца Иосифа, старец Иасон. *«Господи! Тяжело потерять старца, которого получил от Тебя в отца и учителя, — записывает отец Иосиф в дневнике. — Как сроднился я с ним душою! Поистине благодать Твоя освящает отношения старца и его духовного чада в священнодействии пострижения и вручения новопостриженного*

¹ Голубцов С. А. Московская Духовная академия в эпоху революции. М., 1999. С. 188.

² Там же. С. 190.

старцу. С того момента начинается между ними священный духовный союз, сильнейший и священнейший союза супружеского и родительского».¹

Немало неприятностей доставляли отцу Иосифу клевета и поношения; свою скорбь и боль он поверяет лишь дневнику: «Опять клевета. Опять грязная, гнусная, злая сплетня. О, как зол ты, окаянный враг, воздвигающий на меня людей, употребляющий их в орудие своей жалкой злобы и неистовства... Господи! Прости и вразуми кротко тех, которые не так виновны в нанесении мне тяжких ран, как главный виновник всякого зла и страданий земных — исконный человекоубийца»;² «Господи! Стыжусь моего гадкого нрава и бесчестия пред людьми и пред Тобою. Краска заливает лицо в представлении тех гадостей, которые не без поводов с моей стороны разглашаются обо мне, лишают меня доброго имени и чести в глазах многих людей».³

Утешение и успокоение отец Иосиф находит в молитвах и богослужении: «Есть отдых от трудов, есть отдых и вообще от жизни, от ее скорбей, тяжестей, монотонности, многозаботливости. Отдохни жить, когда чувствуешь, что тяжело жить. Брось все, проживи исключительно молитвой, Богомыслием, Богоугождением, и почувствуешь прилив новых сил — жить и терпеть...».⁴

18 января 1905 г. в дневнике отца Иосифа появляется запись: «Год моего архимандритства... Опасения, что придется бросить частое служение и предстояние престолу Божию в смиренной простоте и скромности миновали. Господь помог поддержать доброе направление жизни без особых затруднений и неудобств, без шума и разговоров. Слава Тебе, Господи! Не

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IV. С. 65.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 139.

⁴ Там же. Т. V. С. 239.

остави и впредь Твоею неизреченною и столь драгоценною для меня милостию!»¹

С сердечным участием архим. Иосиф относится к обращающимся к нему мирянам: *«С терпением и благодушием прими всякого человека, имеющего нужды, приходящего к тебе, и, выслушав его, подкрепи, утешь, как умеешь и как Господь Сам пошлет на душу. Миряне чувствуют особую потребность в отеческой любви и ласке пастыря и служителя алтаря. Для многих он единственно надежный утешитель, советник и печальник пред Богом, и нет никого другого такого, кому так свободно и искренно он мог бы поверить и раскрыть свою душу, освежить беседою с ним, отдохнуть, отрешиться от будничной жизненной обстановки и окружающих людей, часто ничего не дающих своим сожителям, кроме самой скучной прозы и даже пошлости».²*

С такой же чуткостью он откликается и на общественные беды. С искренней скорбью о России размышляет он в дневнике о падении благочестия русского народа, отступлении его от Бога и Церкви: *«Господи! Вера и благочестие падают... Те, которые должны бы быть примерами их и живыми проповедниками, предпочитают подавать обратные печальные примеры равнодушия и пренебрежения к ним! Интеллигенция бесится хульною ненавистью к Церкви и лучшими силами, выработанным и веками засвидетельствованным в своей истинности и спасительной жизненности, уставам и всему строю... Страшно ждать Твоего вразумления!»³*

«С ужасом внимает душа грозным ударам Суда Божия над Отечеством нашим, — записывает он 25 февраля 1905 г. — Видимо, оставил нас Господь и предает в руки врагов наших. Все упало духом, все пришло в отчаяние. Нет сил трудить-

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. V. С. 225.

² Там же. С. 286.

³ Там же. Т. III. С. 81.

ся, и даже молиться! Нет сил страдать и терпеть! Господи! Не погуби до конца. Начни спасение! Не умедли избавления».¹

А вот знаменательная запись от 13 ноября 1908 г. (всего за 9 лет до богоборческой революции): «Настало вновь время терпения и страдания за истину Христову. Вновь близится век мучеников, исповедников, страстотерпцев. Искусные в вере — явитесь! Истинные Боголюбцы и Христолюбцы — выступите!»²

Настоятель Яблочинского монастыря

В 1906 г. завершилась служба архимандрита Иосифа в Московской Духовной академии. Уход отца Иосифа из Академии был вызван вновь обострившимися его отношениями с профессорской корпорацией. На этот раз архимандрит Иосиф занял резко отрицательную позицию по отношению к демократизации Устава Академии, которой добивались профессора и студенты на волне революционных событий 1905 г. На протяжении всего года в Академии происходили студенческие волнения и забастовки. Одним из требований студентов было распространение университетской автономии на Духовные академии. В октябре 1905 г. Совет Академии поддержал это требование студентов и принял решение ходатайствовать перед Св. Синодом о распространении временных правил об университетской автономии на Духовные академии. В результате долгих дебатов и переговоров в декабре 1905 г. удалось добиться указа Синода, предписывающего Академиям выработать проекты своих новых Уставов и представить их к 1 февраля 1906 г.

Новый Устав Московской академии обсуждался и выработывался на нескольких заседаниях Совета Академии в январе 1906 г. при участии всего преподавательского состава, кроме инспектора

¹ Там же. Т. V. С. 243.

² Там же. Т. VIII. С. 133.

архимандрита Иосифа. 3 января 1906 г. отец Иосиф подал прошение о месячном отпуске на это время, к прошению прилагалось свидетельство врача Лавры, где указывалось, что архимандрит Иосиф *«нуждается во временном прекращении своих служебных обязанностей и полном отдыхе для восстановления сильно утомленной в последнее время нервной системы»*.¹

Изданные Синодом 21 февраля 1906 г. «Временные правила» в качестве дополнения к Уставу, дававшие широкую автономию Академии, не были приняты отцом Иосифом, охарактеризовавшим их как новейшие реформационные эксперименты, создававшие невозможное положение вообще для монашествующих в духовной школе.² По-видимому, именно в это время отец Иосиф принял решение об оставлении Академии. Об этом свидетельствует рапорт Холмского епископа Евлогия от 2 февраля 1906 г., который сообщал в Св. Синод о необходимости ввиду крайнего усиления католической пропаганды организовать центр православного миссионерства в единственном в епархии мужском Яблочинском монастыре, прося поставить для этого во главе монастыря богословски образованное лицо. В качестве такового епископ Евлогий ходатайствовал о назначении архимандрита Иосифа, согласно выраженному им желанию посвятить себя миссионерской деятельности.³

Указом Св. Синода от 30 июня 1906 г. архимандрит Иосиф был назначен на должность настоятеля Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря с увольнением его от духовно-учебной службы. Однако это назначение вызвало душевное смятение у архимандрита Иосифа. *«Господи! Прости мне мое уныние, малодушие, нетерпение, разочарование, огорчение, недовольство, тяготу!»* — записывает он в дневнике 18 июля 1906 г. — *Прости мне: я не так принял весть о моем удалении в пустыню, как бы*

¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 26.

² Голубцов С. А. Указ. соч. С. 20.

³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 32.

следовало. Я — недостойный не только “чего”, но и “ничего”, имел безумие считать себя униженным, оскорбленным, обиженным, обойденным, — скорбел, унывал, почти роптал и до-саждал на свою перемену жизни, на которую сам же — в момент оскудения своего терпения и надежды на Тебя — изъявил свое согласие!»¹

Нелегко было расставаться отцу Иосифу с Лаврой и Академией: «Тяжело переменять место, с которым душа сжилась 11 лучших лет. О, Господи! Как тяжело, тяжело, как само отчаяние. И необходимо вместе с тем, и неизбежно, как сама смерть. Господи! Подкрепи меня! Господи! Утешь меня!..»

«Второй раз как бы переживаю состояние отречения от мира! Второй раз как бы “иду в монахи”, переживаю разлуку, подобную которой даст только еще смерть. Жизнь изменяется до неузнаваемости. Страшно и жутко представить будущее, отрешиться от настоящего. Страшно оторваться от места и как будто повиснуть над пропастью, в которой не видно дна... Господи! Подкрепи меня!»²

В это же время архимандрит Иосиф написал прощальное письмо наставникам и сослуживцам по Московской Духовной академии:

«Незабвенные мои наставники и все сослуживцы!

Оставляя дорожную Академию, чувствую сердечную потребность сказать всем свое взволнованное последнее прощание!..»³

Забылось все тяжелое, неприятное, что Господь судил пережить за 11 лет моей жизни в Академии... Не уношу ни на кого никакой злобы, вражды и огорчения. Слишком много вижу за собой собственных недостатков, промахов и ошибок, чтобы винить за все кого-либо другого, кроме самого себя!.. И слишком тяжелый путь избираю себе, чтобы можно было пустить-

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. VI. С. 92.

² Там же. С. 93, 95.

³ «Прошу простить, что никому не делал отдельных прощальных визитов, чтобы не терзать душу». — Прим. архим. Иосифа.

ся в него, не сжимаясь сердцем от разлуки с родной академической семьей, с которой успел сжиться тысячами нитей, и не оглянуться на нее слезно-прощальным, благоговейще признавательным взором...

Простите же меня все, кому я подал какие-либо основания для нарушения внутреннего мира и спокойствия, и, если не можете не помянуть лихом, об одном умоляю: забудьте лучше вовсе имя безутешного Иосифа, волею судеб Божиих из родных краев отводимого в страны чуждые и неприязненные...<...>

24 июля 1906 г.»¹

В тот же день в своем дневнике отец Иосиф сделал следующую запись:

«Господи! Я ухожу в страну чуждую, негостеприимную! Не оставь меня и там! Будь и там со мною! Восполни Собою мое одиночество! Замени мне все! Не лиши и там сладости Твоего общения, Твоих утешений, Твоих милостей!...»²

Яблочинский Свято-Онуфриевский монастырь Холмской епархии, куда был направлен архимандрит Иосиф, находился на территории Царства Польского, в Бельском уезде Седлецкой губернии, на левом берегу реки Западный Буг в полуверсте от станции Дубица Холмско-Брестской железной дороги. Это была далекая западная окраина, где немногочисленное православное население пребывало во враждебном окружении католиков и постоянно испытывало с их стороны сильное давление и притеснения. Сам монастырь — живой свидетель и славного прошлого Холмщины, и тех испытаний, какие выпали на ее долю в неравной борьбе за свою веру и народность с воинствующим католицизмом и колонизацией этого искони русского края — удела святого Владимира Равноапостольного и Даниила Галицкого.³

¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 35–35об.

² А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инок». Т. VI. С. 94.

³ Православные русские обители. СПб., 1910. С. 628–630.

В жалком состоянии нашел этот древний монастырь архимандрит Иосиф: *«Господи! Буди воля Твоя на мне, грешном! Неожиданно я вынужден был обречь себя на жительство в монастыре бедном, расстроенном, запущенном, захолустном, пустынном. После Лаврского благолепия — о, какое это тяжкое лишение, испытание, огорчение! Господи! Да будет это во благо и спасение мне!<...>»¹*

И не столько бедность монастыря поразила его, сколько небрежность и неряшливость в отношении к церкви. Он откровенно пишет об этом в письмах своим друзьям и почитателям в Сергиевом Посаде и, отвечая на их вопросы о нуждах обители, просит их о самых простых и необходимых для церкви вещах: о простом облачении для будничного служения, которого не нашлось для него в монастыре, о кружочках на Чашу для покрывания от мух, о платках для покрытия престола и жертвенника, которые в монастыре покрывались белыми простынями (всегда грязными), и для сосудов, которые там вовсе не покрывались и всегда стояли в пыли и грязи. Просит он своих благодетелей о новом коврике, идущем от Престола до амвона, поскольку, как он пишет, *«старый был весь в дырах и пятнах от милой привычки здешней братии — плевать!»* Сетует он и о никуда негодных полах, деревянных, некрашенных, со множеством дыр, откуда выбегали целые стада мышей, следы от которых покрывали алтарь и даже Престол, все покровы на котором пропитывались до тошноты отвратительным мышиным запахом.

Удручает отца Иосифа малообразованность и церковная невоспитанность местного населения.² Сильное беспокойство достав-

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. VI. С. 90.

² В одном из писем он пишет: *«В Успенье служили в скиту! Было много народу, но все простого. Сколько надо его учить и воспитывать! К причастию подходят, спросишь имя, отвечают: “Настя”, а то “Машка” или еще “Прузя” (Евфросиния) или “Францешка”. Вот тут и разберись!»* См.: Письма митрополита Иосифа // Мирь Божій. 2000. № 1 (16). С. 34.

ляет ему влияние и агрессивность католиков, которые как раз в это время повели настоящее наступление на православных, захватывая повсюду храмы и превращая их в костелы. Отец Иосиф в письмах прямо высказывал свое опасение о возможности прямого насилия, о ежедневном ожидании своей смерти, поскольку *«защищать некому, православных мало, и все боятся, а начальство тоже трусы все и продажные твари»*. Он писал также о поездке в Петербург Преосвященного Евлогия к Государю с жалобой и прошением об отделении Холмского края от Польши и включении в границы России.

Почти сразу же по приезду архимандрит Иосиф подвергся еще одному тяжкому искушению. *«Пережил ужасные минуты, — записал он в дневнике 5 августа 1906 г., — нападение вооруженных грабителей на Обитель... О, как Господь милосерд! Сохранил всех невредимыми. Ни одна пуля не ранила никого, хотя несколько их пролетели мимо самого уха нескольких человек. Ни одна копейка монастырского и без того скудного достояния не взята грабителями, хотя они и перерыли комоды и шкафы... Господи! Поистине, если “все бодрствуют стрегущие”, без Твоего хранения, то — при Твоем хранении — и спящие и вовсе беспомощные, как мы, — обрели Твое дивное заступление и неприкосновенность»*.

И далее отец Иосиф со свойственной ему откровенностью поведал на страницах дневника о пережитом страхе, который, по видимому, не сразу оставил его: *«О, как тяжело висеть между жизнью и смертью! Как тяжело быть под страхом внезапной ужасной смерти! Боже мой, Боже мой! Или во мне мало упования на Тебя, преданности Тебе? Истинно-христианского спокойного отношения к здешней жизни, со всеми ее опасностями? Что эти опасности для тех, которые живут уже здесь мыслями и содержанием вечной жизни, нас ожидающей? И не суетное ли жизнелюбие и привязанность к земному и временному создает тот ужасный страх и трепет, в который впал я, приблизившись к вратам смерти мученической, принимавшейся*

*с такою радостью, спокойствием, достоинством истинными героями духа и Боголюбцами св. мучениками».*¹

Несмотря на все трудности, архимандрит Иосиф ревностно взялся за устройство жизни обители и ее благоустройство. *«Что унываешь, душа моя! – записывает он в дневнике 5 сентября 1906 г. – Почто думаешь, что все для тебя кончено? Господь близ тебя, ты в Его попечении. Его рука забросила тебя сюда, для твоего очищения, исправления, обновления, обогащения духовными силами и опытностью. Исполни волю Его. Будь неустанен в трудах, непоколебим в терпении, несокрушим в твердости».*²

Ревностное служение и труды архимандрита Иосифа принесли свои плоды. 5 ноября 1906 г. в его дневнике появляется характерная запись: *«Как некогда Господь ради Иосифа благословил дом его господина всякими милостями, так Господь Милосердый и ныне благословил поселение мое в пустынной обители Польской многими щедротами жертвователей! До того времени бедная даже иконами и самую необходимую утварь обитель быстро обновилась и обогатилась всякою утварью. Совершенно незнакомые дотоле люди приходили на помощь и одаряли обитель ценными приношениями. Благословен Ты, Господи, не оставляющий меня Твоими милостями и щедротами!»*³

Архимандрит Иосиф составил службу и акафист преподобному Онуфрию; устроил раку для его мощей; заказал для обители иконы преподобного Серафима и преподобного Сергия, которые были встречены с крестным ходом на вокзале и торжественно перенесены в обитель, привлекая множество богомольцев. При перенесении иконы преподобного Сергия в декабре 1906 г. собралось столько народу, что небольшой храм обители едва мог

¹ А.И. «В объятых Отчих. Дневник инока». Т. VI. С. 99.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 132.

вместить всех богомольцев, так что, по словам архимандрита, «даже в Царских вратах тискались».

Вскоре отец Иосиф начал ремонт и реконструкцию храма, и уже весной 1907 г. отмечал в письме, что *«все сделано как нельзя лучше — хорошо, просторно, светло, лучшего не желал бы, если бы только все это было поближе к России»*. Освящение храма было осуществлено после капитального ремонта 16 декабря 1907 г. уже без архимандрита Иосифа, так как по решению Синода в сентябре 1907 г. он был назначен настоятелем Юрьева монастыря Новгородской губернии.

Настоятельство в Юрьевом монастыре

Юрьев монастырь, знаменитый своей древностью, своей историей и своими величественными богатыми храмами, расположен в трех верстах от Новгорода, на левом берегу реки Волхова, при устье Княжева ручья, в местности чрезвычайно красивой и живописной¹. Это была одна из богатейших обителей России, и по количеству и благолепию храмов уступала лишь Киево-Печерской и Свято-Троицкой Лаврам.

После бедного Яблочинского монастыря в далекой Западной окраине перевод в столь великолепную древнюю обитель, да еще на родной Новгородской земле должен был, наверно, принести архимандриту Иосифу большую радость². Позднее, став настоятелем

¹ Православные русские обители. С. 138

² Перевод в Новгород, вероятно, не обошелся без ходатайства архиепископа Арсения (Стадницкого), бывшего ректора Московской академии, который постригал архимандрита Иосифа в монашеский чин и рукополагал в священнический сан. Отец Иосиф глубоко уважал епископа Арсения и называл себя его послушником и духовным сыном. В свою очередь и Владыка Арсений ценил своего постриженника как настоящего монаха и искреннего человека и сохранял с ним самые теплые отношения и после своего отъезда из Академии в декабре 1903 года, при

монастыря в Ростове, он сравнивал пребывание у Ростовских святых с новгородским служением и подчеркивал, что это неопенимо и ничем незаменяемо для души.

Однако настоятельская должность неизбежно приносила немало скорбей и трудностей и здесь. *«Ужасное бремя правления, — записывает отец Иосиф в дневнике 15 декабря 1908 г. — Множество забот, тревог, постоянных усилий уладить то или другое, поддержать порядок при множестве беспрестанных его нарушений и отступлений от него. Ответственность за все при полной беззащитности во всем и беспомощности. Одна надежда, аще не Господь созиждет и сохранит, всеу труд и бдение».*¹

К сожалению, материалов о пребывании архимандрита Иосифа в монастыре не сохранилось, но, судя по записям в дневнике, он вновь немало претерпевает скорбей от клеветы. Вот запись от 14 декабря 1908 г.: *«Ужасно отомстил мне враг за что-то, вероятно, крайне ему неприятное. Оклеветал, очернил мое имя злобною нападкою на меня других. Клевета нашла отклик в высших сферах. Дело дошло до запроса о моей нравственности. Господи! Разруши козни злого человекоубийцы, пошли мне терпение и покорность Твоему о мне изволению и попущению скорби сей. Буди Имя Твое благословенно за все».*² Клевета не оставляет отца Иосифа даже после перевода его из Юрьева монастыря. 11 апреля 1909 г. он записывает в дневнике: *«Ложь, клевета — эти гады ядовитые опять грызут меня, Господи! Больно мне до отчаяния, обидно, тяжело, прискорбно. Один Ты помог бы мне, защитил, подкрепил, утешил, ободрил меня»;*³ *«Книга бытия*

назначении на Псковскую кафедру, о чем свидетельствует их переписка, сохранившаяся в архиве Владыки Арсения. ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 513. См. публикацию этой переписки: Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003.

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. VIII. С. 145.

² Там же. С. 145

³ Там же. Т. IX. С. 194.

моего — книга неутомимых скорбей, неприятностей, огорчений, страданий от себя. Страданий от злых людей и их языков... 13 апреля 1909 года».¹

Из письма отца Иосифа епископу Арсению от 19 апреля 1909 г. известно, что его преемник по Юрьеву монастырю (некий архимандрит Анатолий) подал на него жалобу в Синод, обвинив в растратах монастырского капитала. Тяжело переживал эти напраслины отец Иосиф (к тому времени уже Владыка) и просил епископа Арсения довести свои объяснения по делу до сведения, кому нужно.²

К этому же времени относится следующая запись Владыки Иосифа: *«Писательство, если оно когда-либо коснется меня, скажет обо мне немало скандального, пикантного, порочащего*

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IX. С. 195

² *«Бога ради, Владыка Святый, — писал епископ Иосиф в письме от 19 апреля 1909 г., — если узнаете, что возникнет в Синоде дело, благоволите довести до сведения, кому будет можно и нужно эти объяснения, а то я терплю великое крушение. Господи! Сколько меня теперь позорят в Юрьеве и Новгороде, по милости этого самодура Анатолия, который похваляется, что открыл Америку и всем и всюду бросает по моему адресу тяжелые, незаслуженные обвинения. По-моему, он положительно ненормален, страдая манией величия. Здесь в Ростове служил как архиерей, на кафедре с 2 степенями, в Юрьеве ко всем тамошним привилегиям, и без того достаточно пересоленным, прибавил массу других (преклонение главы на престол во время “Верую”, вставка его имени на возгласе “во-первых, помyani, Господи...”, вставка поминовения старшим служащим с целованием митры и руки, благословение диаконов во время каждения, благословение сидя в карете и т. п.). Ведь это же все — признаки явного безумия. Простите за все — Вашего Иосифа».* Очевидно, жалобе Анатолия не был дан ход. И в дальнейшем он был снят с должности настоятеля, правда, спустя два года. Об этом сообщил архиепископ Арсений епископу Иосифу в письме от 4 марта 1911 г.: *«Юрьев монастырь, слава Богу, освободился от Анатольева пленения и сатрапии. Теперь там — хороший настоятель».* ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 10, 14.

*мое имя. Как это случилось? Так как, вероятно, со всеми случается, кого облюбует враг для вымещения своей сатанинской злобы и для уловления в свои окаянные сети, т. е. не потому, чтобы все это было точно со мною в действительности, а потому, что об этом скажут мои недоброжелатели, наущенные духом злобы, ведущим против меня свою адскую борьбу».*¹

Однако история не сохранила ничего скандального в отношении Владыки Иосифа. Даже его будущие ярые противники, обвинившие его в расколе, ничего «пикантного» к своим убийственным, но голословным обвинениям в гордыне и тщеславии не могли прибавить. Все клеветнические измышления, в которых не было недостатка на протяжении всей жизни Владыки Иосифа, рассеялись, как дым, и пред беспристрастным судом истории он предстал человеком безупречной нравственности, истинным монахом и аскетом.

Архиерейская хиротония и назначение настоятелем Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря

15 марта 1909 г. в Свято-Троицком Соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге архимандрит Иосиф был рукоположен в епископа Угличского, викария Ярославской епархии.² Хиротонию совершили митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий), архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский).

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IX. С. 195.

² Правящие архиереи на Ярославской кафедре: 1907–1913 — архиепископ Тихон (Беллавин), будущий патриарх; 1913–1928 — архиепископ (с 1917 — митрополит) Агафангел (Преображенский).

*«Я — архиерей. Слава, Господи, Тебе за дивную милость! — записывает Владыка Иосиф в этот день. — Я понимаю это звание прежде всего как возможность высшего выражения любви и преданности Тебе! “Любиши ли Мя?... паси овцы Моя!” Помоги же мне, Господи, достойно послужить Тебе в спасении овец Твоих»;*¹ *«Пастырское служение есть шествие в Иерусалим на страдания за спасение ближнего. Это есть по преимуществу крестный путь на Голгофу, на положение души и всего благополучия своего и благоденствия за други своя, за их благополучие и благоденствие. Пастырь добрый только и есть тот, кто душу свою полагает за овцы».*²

В этом же году епископ Угличский Иосиф (Петровых) посетил свою родину — город Устюжну Новгородской губернии, где жила его многочисленная родня. Как и в дни своих редких приездов во время учебы, Владыка остановился в своем родовом доме в Казанском переулке. В нем жила мать епископа и семья старшего брата — Андрея Семеновича Петровых. Рядом, на соседней улице, в собственных домах проживали семьи — старшей сестры Марии Семеновны Травиной и самой младшей из сестер Антонины Семеновны Белоусовой. Средняя сестра — Клавдия Семеновна Шишунова жила на другой стороне реки Мологи. Как и раньше, проезд Владыки был большим праздником для всех родственников, тем более что такого высокого церковного сана среди земляков Владыки не достигал никто.

За время своего пребывания в Устюжне епископ Иосиф побывал в Николо-Моденском монастыре, который через полтора десятилетия станет местом его ссылки. Владыка отслужил службу в храме монастыря при большом стечении народа. Еще больше богомольцев собралось на Божественную литургию, которую отслужил молодой епископ в Соборе Рождества Богородицы в Устюжне.³

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инок». Т. IX. С. 184–185.

² Там же. С. 186.

³ Собор Рождества Богородицы в Устюжне был построен еще в XVII в. Устюжане всегда гордились своими церквами. До революции в

В 1911 г. Владыка Иосиф приезжал в Устюжну в связи с кончиной своей крестной матери, тетушки Анны. Он служил на праздник Рождества Богородицы в Рождественском соборе, в день Ангела почившей, 9 сентября — в церкви Казанской иконы Божией Матери на Казанском же кладбище, где была погребена покойная, а воскресную службу, 11 сентября, провел в Васильевской церкви.

Преосвященный Иосиф посещал Устюжну еще несколько раз, и каждый приезд завершался Божественной литургией и проповедями в Соборе Рождества Богородицы. Так было и в последующие годы, и в 1922 г. в его последний приезд. (Не считая ссылок в Николо-Моденский монастырь по воле властей, но об этом позже.)

21 марта 1909 г. епископ Иосиф прибыл в Ростов Великий. Местом пребывания Владыки стал Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь, настоятелем которого Владыка был назначен по определению Синода, и которым управлял до самого его закрытия и передачи всех его помещений в ведение городских властей города Ростова в 1923 г. С первых дней своего настоятельства епископ Иосиф сразу же взялся за благоустройство обители. В течение нескольких месяцев он освятил храм в честь Толгской иконы

сравнительно небольшом уездном городе насчитывалось до пятнадцати действующих церквей. В настоящее время в Устюжне с населением примерно 10 тысяч человек только один действующий храм — церковь Казанской Божьей Матери при Казанском кладбище. Остальные же в большинстве своем разрушены или используются не по назначению. В Соборе Рождества Богородицы, где служил литургию епископ Иосиф, сейчас находится краеведческий музей, хотя по большим церковным праздниками в нем проводит службу местный священник. Кстати, в описях музея имеется запись о наличии в фондах архиерейского облачения с отметкой о том, что оно принадлежало епископу Иосифу (Петровых).

Мало что осталось и от Николо-Моденского монастыря, закрытого еще в конце тридцатых годов. Сейчас только келии монахов (двухэтажные здания с кирпичным низом и деревянным верхом) напоминают о некогда процветающем мужском монастыре. В настоящее время помещения используются в качестве базы отдыха.

Божией Матери и провел реставрацию соборной Зачатьевской церкви. С 1912 по 1917 гг. Владыка Иосиф построил и освятил: пещерный храм Воскресения Христова,¹ придел в честь Ватопедской иконы Божией Матери и церковь в честь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость при странноприимном доме монастыря. В 1913 г. на монастырскую колокольную был поднят колокол в 155 пудов, купленный епископом Иосифом в Борисо-Глебском монастыре.

В своем дневнике 16 августа 1909 г. Владыка записывает: *«Слава Тебе, Господи, за Твою дивную помощь в возобновлении древней Св. обители, мне вверенной. Поистине, если бы не эта помощь, ничего не мог бы сделать я! Очевидна для меня эта помощь множеством поразительных случаев — и пополнением оскудевающих средств неожиданною щедрою помощью, и внушением наилучших способов действия в различных затруднительных положениях, и ниспосланием наилучших исполнителей задуманного»*².

¹ Храм Воскресения Христова был освящен 1 апреля 1912 г. на Пасху. «Вход в этот пещерный храм — с паперти Яковлевской церкви. Сохранилось его описание, относящееся к 1913 г.: “В храме устроена пещера — точное подобие Гроба Господня в Иерусалиме, а также устроены подобия Вифлеема, Голгофы и темницы Спасителя. По правую руку, в нише фундамента — мраморное надгробие над местом погребения Св. Иакова. Храм совершенно недоступен дневному свету, прекрасно отделанный, расписанный картинами страданий, смерти и воскресения Спасителя, производит дивное впечатление, перенося посетителя в подлинные св. места Иерусалима и события из жизни Спасителя. По субботам в сем храме совершается акафист Живоносному Гробу Господню. В Великую Субботу сюда полагается плащаница по обнесении кругом храма (на утрени) и богомольцы входят сюда для целования ее, переживая сильнейшие впечатления”». См.: *Вахрина В. И.* Спасо-Иаковлевский (в книге — Яковлевский. — *Ред.*) Димитриев монастырь в Ростове Великом. Ростов: Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь, 1994. С. 47–48.

² А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IX. С. 243.

«Господи! Ты один знаешь всю мою скорбь о врученной Тобой мне Св. обители. Помоги мне устроить ее, исполнить достойного благолепия, порядка и удовлетворения насущных нужд ее! 16 мая 1910 года»¹.

26–28 октября 1909 г. в Спасо-Иаковлевском монастыре при большом стечении духовенства и мирян прошли торжества в память 200-летия преставления Святителя Дмитрия Ростовского. Епископ Иосиф непосредственно руководил подготовкой и проведением этих торжеств. В связи с этим событием в декабре того же года в его дневнике появилась интересная запись: «Дивное видение во сне одной девице: Святой Димитрий, встав из раки, снял с себя панагию и велел отдать мне, стоявшему тут же: “Отдай брату Иоанну!” Что хотел ты сказать этим, Святитель Божий, благоволение ли свое ко мне, недостойному? А может быть, наоборот: не то ли, что ты не нуждаешься в моих заботах о благолепии покоища твоего? Не то ли, что по жизни своей заслуживаю более прежнего мирского своего имени, а не нынешнего монашеского? Немало беспокойства мне в разгадке этого!»²

Осознавая всю высоту и ответственность архиерейского служения, Владыка еще строже относится к себе лично. «День моего наречения, — записывает он 14 марта 1910 г. — Год ныне ему. Первый год моего служения Церкви Божией в столь великом свящ. сане. Покойна ли совесть моя за этот год пробы моей? О, нет, я чувствую, что надо бы быть чем-то другим, лучшим, и не умею быть им! Господи! Наставь, научи, помоги, вдохнови, дай мужество, дерзновение, силу, умение и ревность о Славе Твоей!»³

И на следующий день, 15 марта 1910 г., в годовщину своей архиерейской хиротонии: «День моей хиротонии. День обручения

¹ Там же. С. 57.

² Там же. С. 286.

³ Там же. Т. X. С. 32.

с Церковью Христовой, нетленную Невестой Господа, отданной мне как Мария Дева обручнику для хранения ея девственной чистоты и непорочности, пока она принесет благодатный плод Духа Божия. О, святое звание! О, невместимое бренными силами служение! По чьей воле нашло ты меня, исторгнув из бедной, незнатной, убогой семьи и поставив у подножия самого престола Божия?»¹

В 1911 г. епископ Иосиф совершил паломничество в монастыри на горе Афон в Греции, а затем посетил и Новоафонский монастырь в Абхазии. Одной из главной целей его поездки было знакомство с древними церковными распевками. Как знаток и ценитель церковного пения, Владыка любил именно древние распевы и скорбел об их повсеместном искажении и даже полной утере: *«Крайнюю острую жалость испытываю я по многим нашим церковным дивным мелодиям, напевам, уставам, сохраняющимся ныне разве в самых строгих пустынных обителях, — пишет он, — тогда как в других местах повсюду это дивное сладкопение церковное крайне сокращено, искажено, опущено, обнажено, оголено, как потравленное дерево, от своих красот и умилительной силы и сладости».*²

«Обиходные напевы и мелодии! Сколько неподражаемой прелести, музыкальности, вдохновенной осмысленности и умилительности, о коих никак нельзя судить по грубейшим искажениям Бортнянских и т. п., дерзко посягнувших на девственную чистоту, целостность и красоту нашего истового, настоящего церковного пения, заключенного в обиходе. В частности, возмущаюсь искажениями у Бортнянского чудных обиходных мелодий “Помощника и Покровителя” и др., к величайшему прискорбию получившими право гражданства в наших церквах; и долго еще, вероятно, не найдут они истинной оценки. А давно, давно пора отставить эти лживые передачи

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. X. С. 33.

² Там же. Т. IV. С. 63.

*Божественных глаголов и музыки, давно пора возвратиться к заброшенному, опозоренному, искаженному, обезображенному древнему напеву, унисонно увековеченному в обиходе и нетерпеливо ждущему правильной, строго выдержанной и разумной гармонизации».*¹

Стараниями Владыки Иосифа в Спасо-Иаковлевском монастыре были созданы замечательные хоры, которые славились в Ростове, в том числе организованный при монастыре детский хор.

Молитвенная ревность, усердные труды, отзывчивость и милосердие молодого архипастыря вскоре снискали ему всеобщую любовь и уважение. Многие страждущие находили утешение и наставление в духовных советах епископа Иосифа. Жители Ростова на протяжении долгого времени хранили добрую память о Владыке, и до самого недавнего времени были еще живы старейшие из ростовчан, которые помнили его. Вместе с памятью о нем они бережно хранили, как семейные реликвии, фотографии Владыки и подаренные им иконки, книжечки и другие вещи. Епископ Иосиф, в свою очередь, полюбил свою паству и Ростов с его древними и новоявленными святынями. В письме архиепископу Арсению (Стадницкому) в апреле 1914 г. он писал: *«Помаленьку начал уже 6-й год жизни у Ростовских Святынь! Здесь совсем как Новгород. Неоценимо и незаменимо ничем это для души. Дал бы Господь подольше пожить».*²

Владыка Иосиф живо откликался на все важнейшие события духовной жизни Ростова. Ежегодно он принимал участие в грандиозном крестном ходе с Владимирской иконой Божией Матери из Ростовского собора вокруг города³. Через много лет в одной из своих

¹ Там же. Т. II. С. 72.

² ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 18–18 об.

³ Большой крестный ход совершался в первое воскресенье Петрова поста, когда икона возвращалась в Ростов после многодневного послепасхального крестного хода с ней по деревням и селам, и после богорборческой революции 1917 г. Владыка Иосиф несколько раз возглавлял

повестей он упомянет об этом ходе, в котором, по его словам, он участвовал около восемнадцати раз и всегда чувствовал «*присутствие Царицы Небесной в Ее святой чудотворной иконе, словно объедающую любовным взором несметные толпы окружающего Ее народа*». О другой ростовской святыне, явленной в 1910 г. в Благовещенской церкви, иконе Богородицы «Умиление», епископ Иосиф написал книжечку «Новое чудо милосердия Царицы Небесной в г. Ростове Великом», которая переиздавалась несколько раз. Владыка также составил молитву этой чудотворной иконе.¹

22 мая 1913 г. в связи с празднованием 300-летия Дома Романовых Ростов посетил Государь Император Николай II с семьей и свитой. Как и повсюду, их встречали несметные толпы восторженного ликующего народа. В ограде Спасо-Иаковлевского монастыря Государя приветствовали ученики церковно-приходских школ. «Государь Император с Августейшими детьми зашли в обитель через ворота со стороны озера Неро. Перед Зачатьевским собором их встречал настоятель монастыря епископ Иосиф со святым крестом в сопровождении иеромонаха со святой водой и архидиакона с кадиллом, впереди них стояли два шестилетних мальчика в стихариках со свечами в руках, украшенными живыми цветами. При входе в Зачатьевский храм певчие пели: “Цевница духовная, Дмитрие блаженне, моли Христа Бога спастися Императору нашему Николаю Александровичу и всему наследию и Державе Его”. После краткого молебна при пении величания Государь Император и Августейшие дети приложились к святым мощам святителя Дмитрия и приняли от настоятеля благословение — Боголюб-

крестные ходы с чудотворной иконой по селам и деревням Ростовского уезда, добываясь разрешения на них у местных органов советской власти.

¹ Эта икона прославилась чудом исцеления. В 1910 г. десятилетняя девочка Лиза Лепешкина тяжело заболела. Во время одного из сильнейших припадков ей было откровение о том, что нужно молиться пред иконой Божьей Матери «Умиление». С большим трудом Лиза с мамой отыскали эту икону в Благовещенской церкви Ростова. После усердных молитв пред этой иконой девочка полностью исцелилась.

скую икону Пресвятой Богородицы в молении Ростовских чудотворцев, копию с образа, который жители Ростова преподнесли святителю Димитрию при вступлении его на Ростовскую кафедру в 1702 г. Епископ Иосиф с подробным рассказом показал достопримечательности и святыни обители. Государь Император особо обратил внимание на стенную живопись Зачатьевского храма и на остатки древнего каменного иконостаса, расположенного за деревянным иконостасом, сожалея, что замечательная древность закрыта менее ценным и не подходящим к стилю собора сооружением. У царских врат царь благоговейно приложился к чудотворной Ватопедской иконе Пресвятой Богородицы. Точная копия этой иконы была передана в благословение Ее Величеству Императрице Александре Феодоровне, которая из-за болезни оставалась в царском вагоне. Икону эту преподнесла Государю девочка Лиза Лепешкина, получившая исцеление в 1910 г. от иконы Божией Матери «Умиление» в Благовещенском храме Ростова, около которой Николай Александрович молился перед посещением Иаковлевской обители. Государь Император с интересом беседовал с девочкой. Приложившись к изображению святителя Иакова, расположенному на раке, Августейшая Семья проследовала в пещерную церковь Воскресения Господня, устроенную наподобие Иерусалимского храма. Поднявшись наверх, государь Император прошел через открытые ворота на берег озера, откуда любовался видом другого берега — с селами и белеющими церквями. В Дмитриевском храме Николай Александрович осмотрел выставленные из ризницы для обозрения святыни: шапочку, платок, полотенце, рукописи святителя Димитрия. На прощание епископ Иосиф преподнес Государю Императору на финифти в дубовых резных рамах портреты Николая Александровича, Государыни Императрицы и наследника Цесаревича, а также книги, брошюры, открытки — издания монастыря».¹

¹ Вахрина В. И. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь. М., 2002. С. 126–127.

16 декабря 1913 г. монастырь инкогнито посетила Великая княгиня Елизавета Федоровна. Она просила не оглашать свой приезд, чтобы в тишине и покое совершить паломничество к ростовским святыням. Приехав рано утром, Великая княгиня выстояла четырехчасовую службу — утреню, Литургию и молебен. Служил епископ Иосиф с двумя сослужащими клириками. После службы приложившись к святым мощам, Елизавета Федоровна обошла святыни обители. Владыка Иосиф благословил Великую княгиню чудотворной Ватопедской иконой и преподнес в дар икону святителя Димитрия с частицами его гроба, одежды и святых мощей.

С 25 августа по 16 сентября 1914 г. епископ Иосиф исполнял обязанности временно управляющего Костромской епархией, поскольку в это время одновременно из Костромы были правящий и викарный архиереи. По сообщению газеты «Костромская жизнь» за 31 августа 1914 г., епископ Иосиф отслужил в кафедральном соборе Костромы 29 августа 1914 г. панихиду — «по вождям и воинам, на поле брани живот свой положившим». Затем из собора был совершен крестный ход на Сусанинскую центральную площадь города. Там у Александровской часовни Владыка в сослужении всего городского духовенства совершил молебен — «о даровании победы русскому воинству над врагом, а народу над пьянством».

3 сентября 1914 г. епископом Иосифом, по сообщению епархиальных ведомостей, было предписано — *«объявить всем благочинным, настоятелям и настоятельницам монастырей и приходским священникам оказывать возможное содействие сбором на нужды Красного Креста за все время войны»*.¹ О том внимании, которое уделял святитель нуждам военного времени, свидетельствует и то, что в период своего пребывания в Костроме он собирал настоятелей, причт и старост для обсужде-

¹ «Костромские Епархиальные Ведомости». 1914, № 19. С. 501 // ГА КО 14072.

ния вопроса — «чем духовенство и церкви города могут оказать свою помощь больным и раненым воинам во время настоящей войны».¹

По возвращению в Ростов епископ Иосиф занялся устройством военного лазарета, под который был предоставлен странноприимный дом Спасо-Иаковлевского монастыря. 28 октября 1914 г., в день памяти святителя Димитрия Ростовского, состоялось освящение лазарета, отличное состояние которого впоследствии отмечал посетивший Ростов Великий князь Николай Михайлович, оставивший запись в журнале лазарета о своем благоприятном впечатлении, а в отправленных им позднее письме и телеграмме на имя епископа Иосифа он написал следующее:

*«Преосвященнейший Владыко, пробыв два дня в Ростове Великом, я очень сожалел, что мне не пришлось встретиться с Вами. Все, что я видел и подробно осмотрел, носит отпечаток особой заботливости пастыря Церкви. Также лазарет № 118 для раненых при Спасо-Иаковлевском монастыре, благодаря заботам иеромонаха Димитрия находится в блестящем виде. Позволю себе принести и мою лепту на помощь раненым и посылаю Вам одну тысячу рублей на нужды лазарета... Сожалею, что не имел лично удовольствия с Вами познакомиться, уважаемый Владыко, не теряю надежды когда-нибудь с Вами встретиться. Посетив десятки древних храмов в Сольвычегодске, Котласе, Устюге, Вятке и Вологде и дивясь искусству древних обитателей Земли Русской, нахожу, что в Ростовской епархии одной царит образцовый порядок».*²

¹ Там же. С. 502. Цит. по: Хлебников М. Дополняя житие святителя Иосифа Петроградского // Православная жизнь, 1999. № 2(590). С. 13–14.

² Письмо от 11 июня 1916 г.; телеграмма от 25 июня. Рапорт № 545 от 1 июля 1916 года епископа Иосифа архиепископу Ярославскому Гафангелу. ГА ЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4881.

Неосуществившиеся чаяния возрождения Русской Православной Церкви

Мы не располагаем достоверными сведениями о том, как Владыка Иосиф встретил февральскую революцию 1917 г. Его заявления на допросах 1930 г. о лояльности к советской власти и отмежевании от «старого режима»¹ сами по себе вряд ли говорят о каких-то его антимонархических, либеральных взглядах, тем более, если принять во внимание условия, в которых они были сделаны. Примечательно, что во введении к следственному делу чекисты называют митрополита Иосифа «махровым монархистом», а его дневник «В объятиях Отчих» сравнивают с творениями святого Иоанна Кронштадтского, по их определению, «церковного апологета монархизма».

Очевидно, что как искренний православный архипастырь, Владыка Иосиф понимал истинное значение Православного царства и поэтому глубоко скорбел, видя, как далеко отошла от этого иде-

¹ Из собственноручных показаний митрополита Иосифа о его отношении к современным ему церковным событиям от 27 сентября 1930 г.: «<Я> никогда не был особым сторонником старого режима, с коим у меня посему даже были в прошлом немалые недоразумения (прекращение мною в 1905 году всякого поминовения царской фамилии за Богослужением, за это лишение на некоторое время возможности священнослужения, перевод на худшее место, лишение наград, повышений по службе и т. п.)». ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ». Т. 11. Л. 330–331. На сегодняшний день следственные протоколы — единственный источник, которым мы располагаем о так называемых «левых колебаниях» Владыки Иосифа. Однако сам по себе этот источник недостаточен для каких-либо окончательных выводов по данному вопросу. Он не только не содержит убедительных свидетельств антимонархических взглядов Владыки, но даже не позволяет понять, в связи с чем Владыка прекращал поминовение Царской Фамилии в 1905 г. Надеемся, что в будущем с открытием новых источников этот вопрос найдет свое разрешение.

ала христианской государственности императорская власть Петербурга. Так что, вполне вероятно, что несочувствие епископа Иосифа «старому режиму» было вызвано не либерализмом, а напротив, самым последовательным монархизмом, так же как и у других выдающихся иерархов того времени. В его дневнике есть такая характерная запись от 30 июля 1909 г.: *«Невозможно быть истинным слугою земного Царя, не будучи истинным слугою Божиим. Только истинный Божий слуга имеет все побуждения и средства быть верным слугою Царя и полезным членом Церкви и Отечества»*.¹

Поэтому и коренную причину революционных настроений и антимонархических выступлений и бунтов в Российской империи Владыка видит прежде всегда в отступлении русского народа от Церкви. *«Революционные неистовства, — пишет Владыка Иосиф, — и т. под. движения и вольномыслие — отражение суда Божия неверности христиан своим заветам. Мы все подсудны этому суду. Все виноваты в появлении этих ненормальностей, “все уклонишася” и стали ответственны за это уклонение, навлекающее столько нареканий и на Бога, и на веру Христову, и на Церковь, и на христианство»*;² *«За дело не любят нас враги наши. Мы виноваты, что они ополчаются на нас, на наши святыни, ругаются над верою Христовою и иконами святыми. Мы довели их до всего этого своею безбожною, нехристианскою жизнью. Мы изолгались в своей вере и жизни так, что не только стали непохожи на христиан, но и стали поистине хуже язычников, дерзая называть однако себя христианами»*.³

Епископ Иосиф не рассуждает о том, кто больше виноват в столь плачевном состоянии русского общества, императорская ли власть, насаждавшая на протяжении двух веков чуждую Православию

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. IX. С. 237.

² Там же. С. 125.

³ Там же. Т.VIII. С. 138.

западную культуру и поставившая Русскую Церковь в рабское неканоническое положение, или сама Церковь, вернее, ее служители, безропотно покорявшиеся этому насилию и потворствующие разрушению церковной жизни. Весьма знаменательна в этом отношении запись в его дневнике 20 декабря 1907 г.: *«Права ли и истинна ли наша Церковь при ее современных некоторых ненормальностях, указываемых ее врагами (цезарепапизм и т. п.)? Права и истинна. Какое мне дело до какого-то там цезарепапизма? Я — в душе своей сам царь над собою, и за все сам отвечаю. Личное мое усердие, благочестивое настроение ничем не может быть связано. “Царство Божие внутри нас есть”. И здесь прежде всего нам надо созидать свое спасение и отвечать за него.*

*Какое мне, далее, дело до предписаний регламентов — например, выдавать “тайну” исповеди? По совести своей я никогда бы ничего не выдал и ничуть бы не отвечал за это пред Богом. Между тем, другой и без регламентов выдает своего “друга” каждый день. Все это форма и внешность, содержания же и внутренней силы и действительности истины Христовой совершенно не касается».*¹

Епископ Иосиф не предлагал никаких конкретных мер по реорганизации церковного управления и возрождению церковной жизни, как это делали другие архипастыри, которые надеялись, что удастся остановить разложение и духовный упадок российского общества, если Русской Церкви будет возвращено каноническое положение, и она займет достойное место в жизни страны и сможет по-настоящему на нее влиять. Владыке Иосифу сфера общественно-политической жизни в целом всегда оставалась чуждой. Сосредоточившись на духовно-нравственных вопросах он, вероятно, полагал (и не без оснований), что всякие государственные и социальные меры по возрождению Церкви останутся бесплодными, если прежде не произойдет духовно-нравственного возрождения в душах пастырей и пасомых.

¹ А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Т. VII. С. 296–297.

Однако был один общецерковный вопрос, который понуждал и склонного к созерцательной монашеской жизни епископа Иосифа к активной деятельности на общественном поприще. Это был трагический для Русской Церкви и в целом для русского народа вопрос старообрядческого раскола. К сожалению, не сохранилось каких-либо работ епископа Иосифа на эту тему (статей, заметок), но о его самом серьезном отношении к ней говорит весьма знаменательный факт: 31 мая 1917 г. вместе с епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) и единоверческим протоиереем Симеоном Шлеевым Владыка Иосиф побывал на старообрядческом Соборе Белокрыницкой иерархии на Рогожском кладбище в Москве.

Вот что писал об этом посещении епископ Андрей: *«Я приехал на Рогожское кладбище с преосвященным Иосифом, епископом Угличским, неожиданным для меня идейным союзником, и единоверческим протоиереем о. Симеоном Шлеевым. Моя встреча со старообрядческими епископами была простая и сердечная; особенно меня обрадовало внимание ко мне и к преосвященному Иосифу со стороны старообрядческих иереев <...>».*

Епископы Андрей и Иосиф обратились к старообрядцам с предложением обсудить возможность примирения и объединения, причем, по их мнению, *«объединение ни в каком случае не может и не должно быть механическим, внешним. Оно должно быть полным, сердечным, чтобы каждая сторона внесла в общую сокровищницу церковной жизни свой талант и преумножила его. Старообрядцы должны остаться со всеми своими книгами, чинами, обрядами, со всею своею церковно-бытовой организацией. Они должны многому хорошему научить нас, православных. Мы, православные, должны позабыть все приемы злоречия и хулы*

¹ Симеон (в монашестве Симон) Шлеев, 1873–1921. Будущий новосвященномученик, первый единоверческий епископ Русской Церкви. Рукоположен 16 июня 1918 г. во епископа Охтенского св. патриархом Тихоном и священномучеником митрополитом Петроградским Вениамином (Казанским) в сослужении викариев Петроградской епархии. Убит в Уфе 18 августа 1921 г., после всенощной на праздник Преображения Господня.

против братьев своих и дать им благодать любви Христовой, дать им силы забыть все пережитые обиды. Но эти обиды были сделаны не Православною Церковью, а мирскою властью, что всегда должны старообрядцы помнить.

В самом искании собственной иерархии старообрядцы заслуживают полного уважения; старообрядцы искали себе архиерея в то время, как православные все далее уходили от своей иерархии.

Теперь, ввиду общего врага, крайне усиливающегося безбожия, мы все, христиане, должны быть мудрыми и не упускать ни одной возможности к примирению. Такова была приблизительно моя речь, в этом же направлении говорили и преосвященнейший Иосиф, и о. протоиерей Шлеев. После этого последовал продолжительный обмен мнений. <...> После продолжительной беседы в мире и любви, поздним вечером весь клир и миряне, бывшие на Рогожском кладбище, меня и преосв. Иосифа проводили домой».¹

Как это ни прискорбно, но столь доброе начинание не увенчалось успехом. Старообрядческие епископы, поначалу доброжелательно принявшие епископов Андрея и Иосифа, затем ответили довольно резким посланием. С горечью писал об этом епископ Андрей в открытом письме старообрядческим епископам: «По моему мнению, я и преосвященный Иосиф Углицкий, когда пошли на Рогожское кладбище, то сделали истинно-христианское дело, и когда епископы Белокриницкой иерархии с любовью приняли нас, то тоже сделали доброе дело. А когда эти епископы, вместо ответа делом, ответили только суровым словом и отказом говорить с такими заблудшими, как я, то это не очень свято и не очень угодно Господу.

Простите меня, Христа ради, за эти слова. Правда, вы пишете, что не перестаете молить Господа о мире всего мира и о совокуплении всех во едину святую соборную и апостольскую Церковь. А я прошу вас, чтобы вы не только молились об этом, но и делали бы то, что требуется для объединения всех во граде Церкви Христовой.

¹ Уфимские Епархиальные Ведомости. Уфа, 1917, № 12–13. С. 308–310.

В этом отношении те архипастыри, которых вы порицаете и которых вы не признаете даже и православными (это меня и такого духовного и самоотверженного святителя как преосвященный Иосиф Углицкий), пошли впереди вас и проявили более любви, чем вы.

Но и вся Церковь святая наша проявила всю свою любовь к старообрядцам, как только жизнь ее освободилась от прямого насилия. В этом отношении мы, православные, подготовили уже почти все, что необходимо для исправления исторических ужасных ошибок со стороны прежней правительственной власти. <...>

В настоящее страшное для Церкви время, если бы старообрядческая иерархия пошла навстречу воссоединения с иерархией православной, то она много послужила бы сохранению церковного строя на Святой Руси. И великий грех старообрядческие иерархи примут на свои души, если они не только не уравниют пути к воссоединению старообрядцев с православными, но вместе с нашими печальной памяти миссионерами будут стоять стеною или пропастью между этими двумя близкими по духу церковными обществами».¹

Епископ Андрей призывает старообрядцев к любви и всепрощению, просит их встать выше привычных мнений, забыть пререкания и обиды и постараться соделать всероссийскую и даже вселенскую радость объединения Церкви православной и старообрядческой². Увы, этим чаяниям не суждено было осуществ-

¹ *Архиепископ Андрей (Ухтомский)*. Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии / «Заволжский летописец». 1917. № 22. С. 632–636.

² *«В заключение я скажу, как я находил бы возможным установление молитвенного взаимообщения и примирения между православными и старообрядцами. Все дело во взаимном стремлении к любви Христовой, к установлению церковного единения. Поэтому обе стороны должны идти навстречу друг другу, т. е. все подготовить к объединению, а потом — буквально выйти навстречу друг другу. Иерархи Белокриницкой иерархии должны идти великим крестным ходом в святой московский Кремль, к московским чудотворцам, а навстречу им из Крем-*

виться. Объединения не произошло, и церковный строй восстановить не удалось.

Начинались жесточайшие гонения на Церковь. Разрушительная стихия, накопленная грехами нескольких поколений, нарастала, и ничто не могло ее уже остановить. Поместный Собор, с которым связывали возрождение Русской Церкви — Владыка Иосиф как епископ Угличский принимал участие в его работе — также уже ничего не мог сделать. Собор восстановил патриаршество и принял множество полезных решений. Но открылся он только в августе 1917 г., через полгода после февральских событий, когда легкомысленная радость первых революционных дней, охватившая многих после отречения царя, сменилась тревогой и унынием перед все более нарастающим хаосом в стране. Долгожданное восстановление патриаршества происходило уже во время октябрьского переворота под пулеметные очереди и грохот пушек, бивших по Кремлю. И на проведение поставления патриарха (интронизацию) Собор испрашивал специальное

ля со всеми святыми древними образами должны идти всем собором иерархи православные. Встретившись на Красной площади, все участники обоих крестных ходов, падают в землю друг другу и взаимно испрашивают друг у друга прощение за вольные и невольные двухвековые прегрешения. И верую и исповедую, что Сам Господь с высоты небесной благословит это взаимное всепрощение и пошлет Свою благодать, и в слезах неземной радости Святая Русь начнет новую жизнь. После взаимного братского лобзания старообрядческий первосвященник совершит Божественную литургию в Архангельском соборе с епископами Андреем Уфимским и Иосифом Углицким, а первосвященник новообрядческий — с двумя епископами старообрядческими будет литургисать в Успенском соборе. Все это должно произойти в согласии со всем верующим народом обеих сторон. Весь народ должен участвовать в радости этого торжества единым сердцем, хотя внешний обряд будет во многом различаться. А потом мудрость объединенной иерархии должна на общих соборах (может быть, на многих) чрез общие молитвы объединить все свое стадо церковное и в обряде» // Архиепископ Андрей (Ухтомский). Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокрынской иерархии // «Заволжский летописец». 1917. № 22. С. 636–637.

разрешение у новых властителей, обосновавшихся в Кремле. Сама интронизация проходила в холодном Успенском соборе, на западной стене которого зияла огромная дыра, пробитая большим снарядом, а на восточной — страшным символом высилось распятие Господа Иисуса Христа с оторванными снарядом руками.

Скорбный путь предстоял и патриарху, и всей Русской Церкви.

В декабре 1917 г. и январе 1918 г. по указу патриарха епископ Иосиф временно управлял Рижской епархией. Патриарх Тихон высоко ценил Владыку Иосифа, зная молодого епископа Угличского, викария Ярославской епархии, еще с тех времен, когда сам архиепископ Тихон был на Ярославской кафедре. По неподтвержденным документально сведениям, патриарх Тихон предлагал включить архиепископа Иосифа и в число кандидатов в местоблюстители патриаршего престола.

3–4 октября 1918 г. патриарх посетил Ростов Великий.¹ 3 октября вместе с епископом Иосифом он отслужил всенощное бдение в Спасо-Иаковлевском монастыре, а на следующий день — Божественную литургию. 22 января 1920 г. епископ Угличский Иосиф (Петровых) был удостоен сана архиепископа Ростовского.² С конца 1924 г. до августа 1926 г., т. е. до перевода его на Ленинградскую кафедру, архиепископ Иосиф также временно управлял и Новгородской епархией.

21 мая 1924 г. архиепископ Ростовский Иосиф был включен в состав членов Святейшего Синода при патриархе Тихоне. Правда, через месяц с небольшим патриарх был вынужден объявить о прекращении работы Синода из-за отсутствия регистрации со стороны власти³. Ни-

¹ О посещении Ярославля и Ростова Великого св. патриархом Тихоном, 14 (27) сент. — 22 сент. (5 окт.) 1918 г. см. в кн.: *Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 2001. С. 379; Шкаровский М. В. Митрополит Иосиф (Петровых) и иосифлянское движение / «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)».* Материалы конференции в Сентендре, 2001. С. 323.

² По данным Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря, в сан архиепископа преосвященный Владыка возведен в 1923 г.

³ Патриарху Московскому и всея России не давали иметь даже канцелярию. Самые мелкие советские чиновники, типа «уполномоченного по

какого доброго начинания по организации церковного управления и налаживанию церковной жизни богоборческая власть потерпеть не могла, ибо с самого начала приступила к планомерному уничтожению Церкви.

Начало гонений

На основании Декрета о музейном имуществе от 10 октября 1918 г. Спасо-Иаковлевский монастырь как памятник древнего искусства был передан в ведение музейного отдела Наркомпроса. В апреле 1919 г. было подписано «соглашение» между Ростовским уездным Советом рабочих и солдатских депутатов и настоятелем обители, епископом Иосифом, архимандритом Тихоном, казначеем иеромонахом Димитрием и другими монахами о передаче «в бесспорное» пользование монастырской братии монастыря с храмами. Однако непомерный налог, которым были обложены храмы, вскоре сделал невозможным их использование, не говоря уже о содержании.

К 1923 г. Спасо-Иаковлевский монастырь фактически был упразднен. В марте 1923 г. Спасо-Преображенский храм монастыря был

управлению зданиями бывшего Донского монастыря», могли издеваться над патриархом и грозить арестом. Вот одна из подобных угроз такого уполномоченного: *«Декабрь 5, 1924 г. Василию Ивановичу Белавину. Мною неоднократно Вам сообщалось, что Вы никакими юридическими правами не пользуетесь иметь в своей квартире канцелярию, но до сего времени масса приходящих посетителей в б<ывший> Донской монастырь спрашивают не Вас лично, а Вашу канцелярию. Последний раз предупреждаю, если мною будут обнаружены канцелярские занятия и прием, кроме Вас, другим духовенством, я вынужден буду об этом сообщить в милицию, а также опечатать Вашу комнату, дабы снять с себя всякую ответственность перед административно-судебными властями за нарушенный Вами порядок».* См. об этом: *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 2004. С. 285.

передан Ростовскому музею. Тогда же была создана община бывшего Спасо-Иаковлевского монастыря под председательством архиепископа Иосифа. Был принят устав общины, где оговорен прием в члены общества на общем собрании при голосовании. В списках общины насчитывалось до 128 членов — клириков и мирян. В числе тринадцати проповедников общины значились: архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых), епископ Угличский Серафим (Самойлович), архимандрит Тихон (Шигин) и еще восемь монахов Спасо-Иаковлевского монастыря. Списки проповедников и членов общины с указанием адреса, рода занятий и личной подписью были переданы властям. (С 1927 г. председателем общины стал архимандрит Тихон. Община просуществовала до окончательного закрытия монастыря и запрета в нем богослужений в октябре 1928 г.)

25 апреля 1920 г. X съезд Советов города Ростова и уезда принял решение о вскрытии святых мощей в церквях Ростовского уезда. Избранная на съезде комиссия вечером того же дня отправилась в кафедральный Успенский собор, послав своих представителей за архиепископом Иосифом в Спасо-Иаковлевский монастырь. Владыка Иосиф в это время служил вечерню в монастырском храме. Пришедшие посланцы, не дав ему возможности окончить службу, потребовали немедленно явиться в собор на вскрытие мощей. Как показал Владыка позже на допросе:

«Я в это время сказал гражданам: “Сестры и братья! 10-й съезд Советов постановил открывать мощи. Нами уже были сделаны ходатайства об оставлении мощей, но, по-видимому, Господом Богом не приняты наши просьбы, и теперь нам надо подчиниться этому испытанию. Все-таки употребим последнюю нашу меру, попросим съезд Советов не трогать наших святых, и, может, Господь расположит их внять нашей просьбе”. И так как разоблачаться было некогда, я вынужден был идти в облачении вместе с народом, и так как было бы странным шествие в моем облачении, то велел взять мальчикам несколько хоругвей. Придя к собору, я просил от имени народа доложить съезду Советов народную просьбу. Но когда таковую

отказались даже выслушать, весь народ вместе со мною мирно пошел по домам».¹

А вот, что докладывал о ходе событий после обращения Владыки Иосифа к народу информатор политбюро при Ростовской уездной милиции:

*«Масса, вероятно, была уже подготовлена. Тогда масса закричала, что не дадим вскрывать мощи, и затем Иосиф с крестным ходом отправился к зданию собора, ведя за собой толпу около 300 человек, сильно настроенную против. Придя к собору, Иосиф в него не пошел, а встал на паперти, где ему еще раз объявили, что съезд постановил вскрывать мощи. Тогда Иосиф заявил, что я мощи вскрывать не буду, но я пришел от имени православных просить съезд Советов, чтобы последний отложил вскрытие мощей. В тот момент вся приведенная толпа страшно закричала и зарыдала, раздались крики и визги, что, мол, не дадим вскрывать мощи, и стали бросаться к собору по направлению Иосифа и хватать его за одежду, крича: “Владыка! Не вскрывайте мощи”. Затем, поговорив с представителями съезда, он обратно со всей своей процессией пошел в Иаковлевский монастырь. После чего комиссия обратилась к местному духовенству собора и предложила им вскрыть мощи, и они согласны были приступить к вскрытию. <...> На следующий день 26 апреля в 10 часов утра комиссия отправилась в Иаковлевский монастырь; придя туда, она узнала, что и тут Иосиф мощи вскрывать не хочет и назначил за себя другого — попа Дмитрия. Когда приступили к открытию мощей, то в это время народу было очень мало, и частную публику тоже пустили как свидетелей во время вскрытия. Настроение у граждан было спокойное».*²

Ярославской Чрезвычайной Комиссией было сразу же возбуждено следствие по факту сопротивления вскрытию мощей. Архиепис-

¹ Протокол допроса архиепископа Иосифа от 19 мая 1920 года. ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д-С 5590. Л. 58–60 об

² Доклад в информационный стол ЯргубЧК. ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д-С 5590. Л. 29.

коп Иосиф проходил по делу в качестве одного из главных обвиняемых. В своих показаниях на допросах Владыка подчеркивал, что никаких «контрреволюционных намерений» у него не было, что никакой агитации он не вел и виновным себя ни в чем не признает.

7 июля 1920 г. секретным отделом Ярославской ЧК был подписан ордер на арест архиепископа Иосифа, на следующий день Владыка был арестован и заключен в тюрьму. В анкете арестованного в графе «*примечания заключенного*» Владыка написал: «*Никакой вины за собой не знаю*».¹ В это время в Ростове собирали тысячи подписей верующих за его освобождение.

18 июля Владыка Иосиф был перевезен в Москву и заключен во внутреннюю тюрьму ВЧК. Здесь ему было предъявлено обвинение в том, что он «*проводил агитацию и оказывал сопротивление выполнению распоряжения правительства о вскрытии святых мощей ростовских чудотворцев*». 26 июля 1920 г. постановлением Президиума ВЧК «*Петровых И. С. осужден к заключению в концентрационный лагерь на 1 год условно с предупреждением о неведении агитации*».² После освобождения из тюрьмы Владыка вернулся в Спасо-Иаковлевский монастырь.

Через два года архиепископ Иосиф был вновь арестован и заключен в Ярославскую тюрьму. Арест был связан с кампанией по изъятию церковных ценностей, развернутой богоборческими властями в 1922 г. под предлогом помощи голодающим Поволжья, а фактически являвшейся наглым ограблением Церкви и расправой с выдающимися архиереями и церковными деятелями.

В марте-апреле 1922 г. Ростовская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей составила опись предметов из благородных металлов и драгоценных камней, принадлежащих Спасо-Иаковлевскому монастырю. Были изъяты потиры, оклады, водосвятные чаши, серебряные раки святителей.

¹ Анкета арестованного Петровых. Фонд следственных дел. Д-С 5590. Л. 103.

² Письмо из Управления МБ РФ по Ярославской области от 20.03.1992. Исх. № 10/181.

28 мая 1922 г. эта комиссия приняла постановление о привлечении к судебной ответственности священнослужителей Спасо-Иаковлевского монастыря, и среди них, прежде всего, архиепископа Иосифа, «за сокрытие ценностей». Этот вывод был сделан, как отмечается в протоколе заседания комиссии: *«Ввиду того, что оказалось значительное число ценностей, не значившихся в новой описи, что подтверждается фактом обнаружения исполнительной тройкой двух митр, золотой и серебряной, не значившихся в описи с драгоценными камнями. Обнаружена тройкой старая опись, где таковое значит...»*¹ Взятые из ризницы Спасо-Иаковлевского монастыря и копию новой описи 1918 г. комиссия препроводила уполномоченному политбюро для дальнейшего расследования.

19 ноября 1922 г. по обвинению в *«сопротивлении изъятию церковных ценностей»* архиепископ Иосиф был приговорен Ярославским ревтрибуналом к четырем годам лишения свободы. Вероятно, это дело не обошлось без участия обновленцев. В одном из протоколов допроса 1932 г. Владыка Иосиф отмечал, что он был обвинен в агитации против изъятия ценностей по клевете обновленцев, для которых он был одним из главных врагов в епархии. Владыка сразу же не признал созданное в мае 1922 г. обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ).² И в дальнейшем Владыка никогда не проявлял никаких колебаний в отношении обновленческого раскола и фактически воспрепятствовал его распространению не только в Ростове, но и в целом в Ярославской епархии.

В январе 1923 г. Владыка Иосиф был досрочно освобожден по решению Президиума ВЦИК. Его возвращение весьма укрепило право-

¹ ГА ЯО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.

² Высшее Церковное Управление создано по сговору с ОГПУ в мае 1922 г. недостойными клириками, которые, воспользовавшись арестом патриарха Тихона, обманным путем захватили его канцелярию, водворились в его покоях на Троицком подворье в Москве и объявили себя высшей властью в Русской Церкви. Они открыто провозгласили свою полную покорность советской власти и приверженность социалистическим идеалам и принялись за реформирование, «обновление», всех церковных канонов и установлений.

славных и одновременно вызвало серьезное беспокойство у обновленцев и местных властей. В апреле 1923 г. начальник Ярославского губернского отдела ГПУ обратился в ОГПУ в Москву с ходатайством о высылке из пределов Ярославской губернии архиепископа Иосифа. В письме от 8 августа 1923 г., сообщая о «неблагополучном» положении в церковной среде в Ярославской губернии, он повторил это ходатайство: *«Обновленческая группировка в настоящее время почти совершенно прекратила свою деятельность под натиском тихоновской группировки. Большинство духовенства и верующих идет по пути тихоновищины, ослабляя морально и материально обновленческую группировку. Во главе тихоновской группировки стоит епископ Ростовский Иосиф. Данное лицо по Ярославской губернии в настоящее время весьма авторитетно не только среди духовенства и верующих, но и среди советских работников низового аппарата, и в особенности Ростовского уезда <...>.*

С освобождением Тихона из-под стражи и вообще с усилением тихоновской группировки епископ Иосиф в настоящее время является руководителем и вдохновителем тихоновской группировки по Ярославской губ<ернии>. Заручившись из Наркомюста официальной бумагой, разрешающей Иосифу создать свое, параллельное ВЦУ,¹ Ярославское отделение Епархиального управления, Иосиф ведет линию всеми способами к полной ликвидации обновленческой группы, как лицо, весьма авторитетное среди духовенства и верующих и доказавшее себя,² что и современная власть не всегда может его обуздать в его реакционной деятельности. Конечно, его настоящая деятельность, нужно признать, идет достаточно успешно.

При таких обстоятельствах деятельность обновленческой группы в Ярославской губ<ернии>, собственно, должна замедлеть, что и можно констатировать в настоящее время. Для поддержания деятельности обновленческой группы, безуслов-

¹ Имеется в виду Высшее Церковное Управление обновленцев.

² Так в тексте.

но, необходимо изъять из пределов Ярославской губ<ернии> епископа Иосифа, что значительно ослабит тихоновскую группу, и этим самым дать возможность оживиться и обновленческой группе, главным образом за счет верующих, ибо епископ Иосиф в глазах верующих — самое авторитетное лицо из духовенства Ярославской губернии, а потому значительная часть верующих идет за ним не только как за тихоновцем, но и как за известным им Иосифом, которого и Советская власть по велению бога избавляет от наказания (выражения верующих).

Без этой операции нет возможности хотя бы минимально поддерживать деятельность обновленческой группы<...>.¹

Как ни странно, эти настойчивые ходатайства остались без ответа. И на протяжении еще более трех лет Владыка Иосиф оставался в Ростове. В 1925 и 1926 гг. он даже возглавлял крестные ходы с Ватопедской иконой Божьей Матери по волостям Ростовского уезда, получая разрешение на них в местных органах власти.

Архиепископ Иосиф объединял православных Ярославской епархии, лишенной в то время своего главы, митрополита Агафангела (Преображенского), высланного властями в Нарымский край в конце 1922 г. 30 августа 1923 г. в Ярославле под председательством архиепископа Иосифа прошло собрание благочинных Ярославской епархии. Собрание было открыто речью Владыки Иосифа о нынешнем положении Русской Православной Церкви, в связи с возникновением обновленческого движения. Собрание единодушно высказалось против обновленческого собора в Москве, незаконно провозгласившего себя «Вторым Всероссийским Поместным Собором», и отказалось выполнять его постановления. По поводу освобождения патриарха Тихона была выражена радость и обещание сыновнего ему послушания. Испрашивая патриаршего благословения, благочинные Ярославской епархии заявили: «За себя и за подведомственное нам духовен-

¹ ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 102–102 об.; *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. I. М., 1999. С. 115–117.

ство подтверждаем, что признавая Советскую власть и подчиняясь ее **гражданским** (выделено Составителем) постановлениям, совершенно отмежевываемся от какой-либо контрреволюционной белогвардейщины и т. п. и будем вести народ, как и прежде то делали, только ко Христу и за Христа».¹

В отношении введения нового стиля собрание постановило — духовенству оповещать мирян о необходимости его введения ввиду того, что новый стиль будет принят Восточными церквями, с коими нужно быть в общении. Однако от введения нового стиля было решено пока воздержаться до получения извещений и распоряжений от патриарха Тихона и Восточных патриархов.² Собрание избрало новых членов Епархиального правления, поскольку прежнее Епархиальное управление обновленческого типа после освобождения патриарха Тихона добровольно сложило свои полномочия. Председателем Епархиального управления позднее был избран архиепископ Иосиф.

После кончины патриарха Тихона

7 апреля 1925 г., после кончины святейшего патриарха Тихона, архиепископ Иосиф присутствовал в Москве при оглашении завещания патриарха Тихона — о назначении патриаршего местоблестителя. В числе шестидесяти иерархов Русской Православной Церкви архиепископ Иосиф подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Крутицкому Петру (Полянскому) —

¹ ГА ЯО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

² Патриарх Тихон, введенный в заблуждение сообщениями властей о принятии нового стиля всеми Православными Церквями, распорядился ввести новый стиль в Русской Церкви со 2/15 октября 1923 г. Однако на это последовал всеобщий протест церковного народа, и патриарх отменил свое распоряжение 26 октября/8 ноября 1923 г., сочтя своим пастырским долгом, по его словам, «принять во внимание голос верующих, чтобы не произвести насилия над совестью народной».

Из заявления патриарха во ВЦИК от 17/30 сентября 1924 г.

одному из трех названных в завещании патриарха кандидатов на пост местоблюстителя (другими кандидатами на пост местоблюстителя были названы митрополит Казанский и Свяяжский Кирилл (Смирнов) и митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), но оба в тот момент не могли принять пост патриаршего местоблюстителя, так как находились в ссылке).

*«Существуют сведения о том, что епископов, собравшихся на погребение Святейшего Патриарха Тихона, в обязательности присутствия местоблюстителя в Москве убедил не кто иной, как митрополит Сергей. В “ташкентском документе” от 17 ноября 1927 года... среди прочего говорилось о митрополите Петре: “Кстати сказать, и его на местоблюстительское кресло избрали не без содействия митрополита Сергия, под благовидным предлогом в свое время отклонившего первых двух кандидатов: м<итрополита> Кирилла и м<итрополита> Агафангела”».*¹

Тем не менее, местоблюстительство митрополита Петра было признано большинством епископата, в том числе и первыми двумя кандидатами, митрополитами Кириллом и Агафангелом. Как писал митрополит Кирилл в своих показаниях в 1930 г.: *«Хотя для меня остается и сейчас непонятным, почему отсутствие в Москве могло быть препятствием к исполнению обязанностей патриаршего местоблюстителя, но раз епископатом, бывшим в Москве при погребении патриарха, местоблюстительство возложено было на митр. Петра, то я с любовью признал это для себя обязательным и до сих пор мыслю себя в каноническом и молитвенном с ним общении как первым епископом страны»*². Архиепис-

¹ ЦА ФСБ РФ. «Дело митрополита Сергия: Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929». Машинопись. С. 222.

Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. М., ПСТБИ, 2003. Вып. 11. С. 370.

² «Это есть скорьбь для Церкви, но не смерть ее» // Богословский сборник. Вып. 8. М., ПСТБИ, 2001. С. 337–338; Архив УФСБ по Кемеровской обл. Д. П–17429. Л. 32–42 об.

коп Иосиф также оставался верен принятому решению о передаче власти в Русской Православной Церкви митрополиту Петру (Полянскому) и возносил его имя как первоиерарха Церкви.

6 декабря 1925 г. митрополит Петр в своем завещательном распоряжении о преемственности и передаче высшей церковной власти в Русской Православной Церкви, в случае невозможности ему дальнейшего возглавления Церкви, назначил архиепископа Иосифа третьим кандидатом на должность заместителя патриаршего местоблюстителя после митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и экзарха Украины митрополита Киевского Михаила (Ермакова).

9 декабря 1925 г. митрополит Петр был арестован. Во главе Русской Церкви оказался митрополит Сергий (Страгородский).¹ Следует подчеркнуть, что права митрополита Сергия как «заместителя» патриаршего местоблюстителя отнюдь не равнялись правам первоиерарха Русской Церкви. Поместный Собор 1917–1918 гг. в специальных определениях разработал четкий порядок замещения патриаршей власти. В случае кончины Патриарха вступало в действие определение о местоблюстителе, который избирался членами Синода. В обязанности местоблюстителя входила прежде всего организация нового Собора, который должен был избрать нового патриарха и решить все вопросы по устройению Церкви.

Ввиду усиливающихся гонений становилось ясно, что может возникнуть ситуация, когда некому будет избирать местоблюстителя,² и тогда Собор 1917–1918 гг. уполномочил патриарха Тихона составить завещательное распоряжение в отношении своего временного преемника. Этого преемника (из трех кандидатов) в дальнейшем утверждал епископат. Никаких полномочий на дальнейшее назначение

¹ Митрополит Сергий не только вступит в права заместителя местоблюстителя, находясь в Нижнем Новгороде, но и будет их настойчиво отстаивать, нисколько не смущаясь тем, что ему был запрещен въезд в Москву.

² Т. е., когда не будет Синода — что и произошло в скором времени, когда из шести членов Синода, избранных Собором, в России к 1921 г. на свободе остался только один.

преемников и передачу своих прав местоблюститель уже не имел. К сожалению, мало кто из епископов это понимал. К тому же, поскольку митрополит Петр не определил объем полномочий заместителя, то многие и, прежде всего сам митрополит Сергей, считали, что заместитель местоблюстителя обладает всей полнотой власти первоиерарха Русской Церкви. И если сам митрополит Петр предполагал, что заместитель занимается текущими делами и является всего лишь проводником воли местоблюстителя, то митрополит Сергей думал совсем иначе.

К тому же, в силу привычки к прежнему бюрократическому порядку, утвердившемуся в Русской Церкви в синодальный период, епископскую и первосвятительскую власть большинство епископата понимало не в соборном духе, а в канцелярском. И соответственно, архиерея, у которого в руках оказывалось фактическое управление церковными делами, многие воспринимали как полновластного начальника «церковного ведомства», который вправе распоряжаться в Церкви, как начальствующий чиновник в своем ведомстве, в том числе архиереями — запрещать, увольнять, перемещать и так далее.

Вступив в обязанности заместителя патриаршего местоблюстителя¹, митрополит Сергей не собирался уступать власть никому, не только сомнительным, но и законным претендентам. Так, успешно разбив все претензии Григорианского совета,² он не позволил вступить в должность местоблюстителя митрополиту Ярославскому Агафангелу (Преображенскому), который был вторым кандидатом на местоблюстительство, названным в завещании патриарха Тихона.

По своем возвращении из ссылки в апреле 1926 г. митрополит Агафангел оповестил Церковь о том, что он вступает в исполнение обязанностей патриаршего местоблюстителя. На это митрополит Сергей ответил, что обязанности местоблюстителя уже приняты митрополитом Петром. Ярославское духовенство, с радостью встретившее своего

¹ Об этом официально было извещено 12 декабря 1925 г.

² Группа епископов во главе с архиепископом Григорием (Яцковским) после ареста митрополита Петра заявила о создании Временного Высшего Церковного Совета, который провозгласил себя высшим органом церковной власти.

архипастыря, разделилось в отношении решения вопроса о его местоблюстительстве. Большинство приходского духовенства и vicарный архиепископ Варлаам (Ряшенцев) поддержали митрополита Агафангела. Другая часть духовенства, в том числе и архиепископы Иосиф (Петровых) и Серафим (Самойлович), напротив, стали горячо убеждать митрополита Агафангела отказаться от местоблюстительства.

В мае 1926 г. митрополит Агафангел едет на личную встречу с митрополитом Сергием. Митрополит Сергей вновь отказывается передать ему власть, ссылаясь на то, что он получил полномочия от законного местоблюстителя — митрополита Петра. После этого следует переписка митрополита Агафангела с митрополитом Сергием, а 11/24 мая Владыка Агафангел присылает Сергию телеграмму: *«Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений, распоряжение о поминании митрополита Петра сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от местоблюстительства»*.¹ Но митрополит Сергей в этот же день предаёт митрополита Агафангела суду архиереев, ссылаясь на нарушение им канонов, угрожающих виновному лишением сана!²

18/31 мая митрополит Агафангел получает письмо от митрополита Петра, в котором тот выражает полное согласие с вступлением митрополита Агафангела в отправление обязанностей патриаршего местоблюстителя. Однако митрополит Сергей и после этого не только не признаёт местоблюстительства митрополита Агафангела, но в письме от 31 мая/13 июня 1926 г. сообщает ему о предании его архиерейскому суду, отказываясь подчиняться уже и самому митрополиту Петру. *«Митрополит Петр, передавший мне хотя и временно, но полностью права и обязанности Местоблюстителя и сам лишенный возможности быть надлежаще осведомленным*

¹ Акты Святейшего патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. // Сост. М. И. Губонин. М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 467.

² Письмо митрополита Сергия от 11/24 мая 1926 г. управляющему Московской епархией // Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 467–469.

о состоянии церковных дел, не может уже ни нести ответственности за течение последних, ни тем более вмешиваться в управление ими», — утверждал в письме митрополит Сергей.¹

Однако митрополит Агафангел еще до этого письма принял решение отказаться занять должность местоблюстителя: 8 июня он доводит это до сведения властей, 12 июня сообщает митрополиту Петру, 17 июня телеграфирует митрополиту Сергию: «Я, по крайне расстроенному здоровью, уже отказался от замещения должности патриаршего местоблюстителя...».² Очевидно, старейший из русских архиереев, митрополит Агафангел, идет на это не столько из-за состояния здоровья, сколько ради церковного мира. Немалую роль в этом сыграли и его викарные епископы, поддержавшие митрополита Сергия.

Так митрополит Сергей становится фактически полноправным хозяином в Русской Церкви и, всегда сильный в казуистике, находит оправдание этой бессовестной узурпации власти³. К сожалению, поначалу большинство архиереев, поддерживая митрополита Сергия, этого не увидят. К каким катастрофическим в духовном плане последствиям это приведет, они вскоре убедятся на своем горьком опыте. И в первую очередь — ярославские викарные архиереи, убеждавшие митрополита Агафангела отказаться от местоблюстительства в пользу митрополита Сергия.

¹ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 478.

² Там же. С. 480.

³ Своеобразное свидетельство о том, что митрополит Сергей никого другого, кроме себя, патриархом видеть не хотел, дошло до нас из материалов следственного дела епископа Евгения (Кобранова). На допросе 22 декабря 1926 года он показал, как *«желая улучшить отношения с митрополитом Сергием, предложил во время обеда тост “за будущего патриарха, подобного Тихону”*». Далее епископ Евгений утверждал, что *«тогда Сергей ответил: “Если ты говоришь обо мне, то я согласен. Если за другого, то нет”*».

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-31639. Л. 92. Цит. по: Мазырин А. Священномученик митрополит Кирилл... / Богословский сборник. М., 2003. Вып. 11. С. 372.

Митрополит Петроградский

26 августа 1926 г. архиепископ Иосиф распоряжением заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) был переведен на Ленинградскую кафедру и возведен в сан митрополита Ленинградского с возложением белого клобука с алмазным крестом и креста на митру. Возражая против именованья митрополитом Ленинградским, Владыка Иосиф предпочитал называться митрополитом Петроградским.

Священнослужители Петрограда, ходатайствовавшие о назначении Владыки Иосифа, возлагали на него, строгого, умного и высокообразованного архиерея, большие надежды в наведении порядка и мира в Петроградской епархии, пребывавшей с 1922 г., после расстрела священномученика митрополита Вениамина (Казанского), фактически без правящего архиерея. В городе высоко подняли голову обновленцы, которые заняли немало храмов, пользуясь поддержкой властей. Трудное положение православных усугублялось тем, что никто из православных викарных архиереев не был в состоянии возглавить епархию и наладить нормальную церковную жизнь.

Еще более осложнило ситуацию назначение в 1926 г. временным управляющим епархией епископа Ямбургского Алексия (Симанского). Его поддерживала лишь небольшая группа духовенства, которую всегда подозревали в «обновленчестве». Остальное духовенство его не признавало, по словам новомученика протоиерея Михаила Чельцова, за *«его величайшую вину против Церкви и митр. Вениамина и за его громаднейшую услугу обновлению»*.¹ Об этой «услуге» о. Михаил подробно повествует в своих воспоминаниях:

«Епископ Алексий в Питер явился в 1921 году, будучи переведен сюда из Тихвина, и до обновления ничем себя не проявлял.

¹ Чельцов Михаил, прот. «В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг.» // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 17. С. 443.

Красивый из себя, ловкий и любезный, вполне светский, он любил светское дамское общество. Даже во время богослужения он нередко поглядывал по сторонам и даже улыбался и раскланивался со знакомыми, хотя бы и барынями. Среди народа и большинства духовенства он симпатиями не пользовался. Таким бы средненьким ничтожеством он и пробыл бы до конца дней своих, если бы не печальное его вмешательство в дело снятия запрещения с протоиерея Александра Ивановича Введенского.

Введенский за его самовольную отлучку из Петрограда в Москву, за дерзкое попрание прав Патриарха и насильственное его удаление с кафедры был митр<ополитом> Вениамином в мае 1922 года запрещен в священнослужении. Это запрещение заметно сильно беспокоило Введенского, и он всячески — то прельщением, то угрозами даже смерти — добивался и даже требовал от Вениамина разрешения от запрещения. Но митр<ополит> Вениамин оставался непреклонным и не убоился смерти, и запрещения не снимал. Вениамина арестовали домашним арестом, но он не сдавался. К нему не раз являлся Введенский совместно с Бакаевым, бывшим председателем ЧК, но все напрасно. Тогда Введенский стал воздействовать на викариев, которые еще пользовались правом свободного доступа к Вениамину. Но и они не желали просить митрополита...

Введенский, совершенно верно оценивая для дальнейшего роста обновления свое правомочие как свободного от запрещения в священнослужении, собирает в квартире Алексия всех викариев и требует от них снятия с него запрещения. Викарии вполне резонно отказываются, ссылаясь на общецерковные правила. Введенский требует, Бакаев настаивает и грозит, викарии не сдаются. Не один час толковали. Алексий сдавался на разрешение и склонял к нему прочих викариев. Николай все время молчал, Венедикт сильно, но тактично не соглашался, а Иннокентий резко и категорически отказывал. В конце собрания даже и Николай сказал, что не согласен дать разрешение на священнодействие Введенскому. С этим концом все разошлись по домам.

А на утро, к своему ужасу и удивлению, читают в газетах о снятии запрещения с прот<оиерея> Введенского епископом Алексием. Было поражено и возмущено этим поступком и все питерское духовенство (я в это время уже сидел в тюрьме), и отношение у него к Алексию из безразличного перешло во враждебное. Духовенство хорошо сознавало, что запрещенный в священнослужении Введенский — бессильный человек в рясе, а так как обновление было почти исключительно его одного дело, то с ним, запрещенным, оно не пошло бы вперед и заблекло; он же, свободный от запрещения, естественно, должен был творить обновление и развивать его как свое детище. Таким образом, в конечном выводе оказывалось, что епископ Алексий, снявший запрещение с Введенского, послужил делу обновления в значительной степени, — послужил как самый ревностный сторонник его. Поэтому вина за обновление на Алексии лежит очень великая и ничем не могущая быть оправданной или извиненной.

Впоследствии Алексий оправдывал себя тем, что этот антиканонический поступок допустил только в желании облегчить участь Вениамина: ему-де было обещано это за снятие запрещения Введенскому. Алексию нельзя отказать в уме, и он не мог не досообразить, что Введенский запрещенный весьма нуждался в Вениамине и не мог бы допустить его казни, дабы не оставить себя навсегда под запрещением. Введенский, свободный от запрещения, совершенно не нуждался в Вениамине, и последнему требовалось отплатить за запрещение, стерев его с лица земли. Таким образом, Алексий этим своим актом, конечно, бессознательно подвел под расстрел митр. Вениамина. Снял запрещение с Введенского только потому, что испугался угроз и тюрьмы, чем заплатились чуть ли не на другой день после этого снятия активные противники его — епископы Венедикт и Иннокентий».¹

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 441–442.

В дальнейшем Алексей признавал обновленческое ВЦУ, затем каялся в этом на собрании духовенства. Позже он был выслан из Ленинграда на три года в Среднюю Азию, а по возвращении из ссылки весной 1926 года вместе с вернувшимся тогда же из ссылки викарным архиереем, епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем), он поспешил в Москву к митрополиту Сергию и получил от него назначение управляющим Петроградской епархией. Однако, кроме небольшой группы духовенства, считавшейся «обновленческой» и готовой объединиться с Алексием «на самых льготных для него условиях и как будто бы во вред чистоте Православия»,¹ большинство петроградского духовенства по-прежнему не признавало и не принимало Алексея, добываясь от митрополита Сергия назначения правящего авторитетного архиерея из старейших. Найти такого архиерея было нелегко, поскольку многие из старейших отказывались, боясь высылки и прочих скорбей и неприятностей, связанных с высоким, но в тех условиях очень опасным и беспокойным положением архиерея на Петроградской митрополичьей кафедре. Тогда митрополит Сергей позволил петроградскому духовенству самим подыскать и упросить себе епископа. В результате поездок и переговоров в конце концов удалось уговорить архиепископа Ростовского Иосифа.

«Митрополит Иосиф, — писал о. Михаил Чельцов, — был известен, и то очень немногим, небольшому кругу духовенства и отчасти мирян. Но назначение его было встречено с большой, даже восторженной радостью. Ну, думалось, наконец-то мы опять с настоящим архиереем, наконец-то прекратятся архиерейская рознь и скачки на первенство, наконец-то наступит мало-помалу порядок в наших делах и взаимоотношениях. Так мы думали, и наивно думали, мы забывали ужасного нашего врага: советскую власть, которая не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии, да и мы при нашей наивности допустили грандиознейшую нетактичность.

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 443.

Нетактичность эта состояла в устройении грандиознейшего торжества в день Александра Невского, 30 августа.

Собор Александро-Невской лавры дотоле находился в ведении обновленцев, и к концу августа (по ст. ст.) был снова передан нам. Уже это одно событие давало большое торжество. К нему присоединился и престольный праздник лавры, торжество усугублялось. На этом и следовало бы покончить. Но русские люди — люди большого размаха, широкой натуры. Не удержались и здесь. Приурочили к этим двум торжествам еще третье, и гораздо большее: встречу и первое служение вновь прибывающего митрополита. Это одно событие — давно желанный, но давно и не виданный митрополит, его белый клобук — само по себе способно было созвать в собор массы верующих. А когда оно соединилось с первыми двумя, то получилось торжество действительно величайшее».¹

29 августа (11 сентября) митрополит прибыл в Ленинград, где был тепло встречен клиром и прихожанами.²

«Духовенство за всенощной и литургией присутствовало почти все; народу-богомольцев было до чрезвычайности много, запружена была вся площадь перед собором. Кажется, весь православный Питер перебивал в эти службы всенощной и литургии в лавре. Восторгам и умилению не было пределов, радость слышалась отовсюду и виделась на лицах, разговоры лились самые оживленные и молитвенно Богу благодарные.

Да и сам митрополит Иосиф внушал к себе, с первого же взгляда на него, симпатию и доверие. Высокий ростом, несколько сутуловатый, с седеющей длинной бородой, нависшими бровями, умными приятными глазами, совершенно аскетического облика монах привлекал к себе и нравился; в богослужении у него не было

¹ Там же. С. 448–449.

² По приезду в Ленинград митрополит заполнил собственноручно «Анкету на служителей религиозных культов». Ее подлинник хранится в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга.

ничего вычурного: просто и молитвенно. Симпатия к нему развивалась от отзывов о нем людей, выдавших и говоривших с ним. Отзывались о нем как об истинном монахе, добром человеке, горячем молитвеннике, отзывчивом к нуждам и горестям людским; хотелось быть около него, слушать его... И нам, духовенству, казалось, что именно его-то нам и нужно, что именно он-то и может проявлять тот авторитет, который обязывает к послушанию, отклоняет от противления, научает к порядку, дисциплинирует одним взглядом, — словом, что с ним-то начнется у нас настоящая жизнь, что будет у нас Владыка Отец».¹

По воспоминаниям другого петроградского священника:

«Новый митрополит — высокого роста, седой, в очках, вид серьезный, несколько необщительный, как будто суровый. Есть что-то общее во внешнем виде с покойным митрополитом Вениамином. Ходит несколько сутуловато. Ни с кем не разговаривает в алтаре. Даже через еп. Григория послал сказать “беседовавшему” в алтаре духовенству держать себя “покойнее”. У епископа и духовенства — в их держаниии себя — сразу почувствовалось, что приехал “хозяин”: все подтянулись. Голос у него — высокий, довольно нежный, приятный, дикция чистая. В общем, впечатление хорошее, приятное».²

За время пребывания в Ленинграде Владыка встретился с семьями своих младших братьев: Николая Семеновича, проживавшего в Ленинграде, и Петра Семеновича, проживавшего в Детском Селе под Ленинградом. Встреча проходила на квартире Николая Семеновича, причем Владыку сопровождал один из его прислужников. О встрече митрополита Иосифа с братьями автору [М. С. Сахарову] рассказала Нина Николаевна Барботько, дочь брата Николая.³ Владыка очень торопился выехать в Ростов Великий, надеясь по возвращении принять братьев у

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 448–449.

² Антонов В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // «Возвращение». 1993. № 4. С. 47.

³ Скончалась в 2000 г. в Устюжне, в родном доме по улице Красных Зорь, куда семейство Н. С. Петровых перебралось из Ленинграда в 1941 г.

себя. Но этой встрече не суждено было сбыться. Покидая Ленинград, Владыка Иосиф не предполагал, что больше он сюда добровольно никогда не возвратится.

13 сентября 1926 г. митрополит Иосиф, оставив временным управляющим епархией епископа Ямбургского Гавриила (Воеводина), выехал в Ростов Великий, чтобы проститься со своей прежней паствой, с которой он прожил более семнадцати лет. Это обычная версия дальнейшего хода событий, которая приводится в различных источниках. Однако во время следствия в 1930 г. митрополит Иосиф показал на допросе так: *«Я, отслужив одну службу в Александро-Невской лавре, поехал в Новгород за вещами, откуда должен был выехать в Москву в ГПУ. В Москве в ГПУ мне во въезде в Ленинград было отказано¹ и предложено было выехать в Ростов Ярославской губернии»*.² Очевидно, что власти испугались того воодушевления, которое охватило церковный народ, и решили, что Иосифа трудно будет держать под контролем.

Тем временем в Ленинградской епархии все более обострились отношения между «либерально» настроенным духовенством во главе с протоиереем Николаем Чуковым (той самой группой, которая поддерживала епископа Алексия и пыталась добиться соглашения с властями) и консервативным, презрительно называемого «либералами» — «правым». Либеральное духовенство старалось вернуть в Петроградскую епархию назначенного в Новгород архиепископа Алексия (Симанского), «правые» этому активно противились.

Николай Семенович умер в 1963 г. В Ленинграде он являлся прихожанином кафедрального храма Спаса-на-Крови и запечатлен на известной фотографии у входа в храм вместе с иосифлянским духовенством.

¹ Действительно, в Москве митрополит Иосиф был вызван к Е. А. Тучкову, начальнику VI отделения секретного отдела ОГПУ. После разговора с ним Владыке было запрещено возвращаться в Ленинград и определено место проживания — Ростов Великий.

² ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь» (Далее — «Дело ИПЦ»). Т. 11. Л. 304.

От митрополита Иосифа «либералы» попытались добиться признания достигнутого компромисса с властями и потребовали от него: «1) чтобы он заявил в Административный отдел о солидарности с нашей запиской (о епархиальном собрании);¹ 2) чтобы выбирал новых vikариев без “прошлого” в деятельности, приемлемых для власти; 3) чтобы старался оставаться нейтральным среди группировок духовенства; 4) чтобы оставил Преосвященного Алексия vikарием здесь и 5) (мелочь) чтобы приказал помянуть себя “Ленинградским”, что, по-видимому, правые избегают».²

В это время переведенный в Новгород архиепископ Алексей оставался в Петрограде и стал мало-помалу служить в церквях. Другие vikарные епископы — Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) и Гдовский Димитрий (Любимов) — противились этому служению. От митрополита Иосифа, как правящего архиерея, было получено письмо «с запрещением иноепархиальным архиереям совершать службы в епархии без разрешения заместителя митрополита, епископа Гавриила».

Тем не менее, Алексей продолжал служить, не обращая внимания на это распоряжение. А епископ Гавриил особенно на нем настаивал. Духовенство волновалось. Стали распространяться слухи, что Иосиф больше не вернется, и что Алексей скоро снова будет назначен правящим с титулом митрополита. Духовенство стало требовать от архиереев исполнения распоряжения митрополита Иосифа, которого, несмотря на удаление от епархии, считали правящим. По свидетельству о. Михаила Чельцова:

«Имя его как правящего все еще продолжало произноситься. И произношению его имени за богослужением все мы придавали большое значение, — значило оно, что у нас все-таки есть правящий епископ, а поэтому все поползновения друзей Алек-

¹ Проект епархиального собрания, составленный в процессе переговоров с ОГПУ и имевший своей целью достижение соглашения с властями и получение легализации епархиального управления.

² Антонов В. Указ. соч. С. 47.

сия и К^о провести Алексия к нам в митрополиты должны будут оставаться в области лишь мечтаний: назначить на место не удаленного нельзя и удалить митр. Иосифа нельзя».¹

Следует отметить, что эта борьба между двумя группами петроградского духовенства не была просто распрей из-за личных отношений между духовенством или из-за симпатий и антипатий к тем или иным архиереям, а имела гораздо более глубокие причины. Как ясно показали дальнейшие церковные события, это было противостояние двух церковных направлений — соглашательского полуобновленческого и бескомпромиссного строго церковного.

Заместитель патриаршего местоблюстителя

6 декабря 1926 г., в связи с арестом митрополита Сергия (Старгородского), Владыка Иосиф возглавил Русскую Православную Церковь как заместитель патриаршего местоблюстителя, согласно завещательному распоряжению митрополита Петра (Полянского). Сознывая отношение к себе властей, митрополит Иосиф через день после вступления в управление издал завещательное распоряжение-послание о преемственности высшей церковной власти в случае невозможности ему самому исполнять это послушание. В случае своего устранения и устранения своих предшественников он назначал заместителями патриаршего местоблюстителя архиепископа Свердловского Корнилия (Соболева), архиепископа Астраханского Фаддея (Успенского) и архиепископа Угличского Серафима (Самойловича).

Кроме того, митрополит Иосиф указал имена иерархов, которые в случае смерти местоблюстителя митрополита Петра или «достаточно выясненной безнадежности возвращения его к управлению церковными делами» могли стать местоблюстителями. Это названные в завещании патриарха Тихона — митрополит Ки-

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 452.

рилл и митрополит Агафангел, а также названные в завещании митрополита Петра — митрополит Арсений (Стадницкий) и митрополит Сергей (Страгородский).

Своим завещательным распоряжением митрополит Иосиф продолжил путь «завещательной» передачи высшей иерархической власти вслед за митрополитом Петром, назначившим себе заместителей в случае ареста, и местоблюстителей — в случае кончины. Более того, владыка Иосиф пошел еще дальше: *«В том случае, когда будет исчерпан ряд поименованных местоблюстителей, — указал он в своем распоряжении, — все права и обязанности патриаршего местоблюстителя, вместе со званием такового, канонически должны быть усвоены наличному заместителю»*.¹

Однако это «усвоение» прав местоблюстителя заместителем не имело канонических оснований. Как писал митрополит Казанский Кирилл, первый из названных в завещании патриарха Тихона кандидатов на местоблюстителя: *«После смерти патриарха решение вопроса о дальнейшем устройении церковной жизни принадлежит только Собору Поместной Православной Церкви. Обязанность местоблюстителя найти возможность довести Церковь до Собора и передать ему неизменным полученное от патриарха преемственно устройство Церкви. Поэтому всякая попытка учреждать в Церкви что-либо сверх того порядка, какой был оставлен патриархом, является нарушением церковного чина, и если бы на такое учреждение отважился местоблюститель, то такое деяние было бы превышением власти»*.²

«Несущий обязанности патриаршего местоблюстителя иерарх сохраняет свои церковные полномочия до избрания Собором нового патриарха. При замедлении дела с выбором пат-

¹ Акты Святейшего Тихона... С. 489.

² «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...». Из материалов следственного дела священномученика митрополита Казанского Кирилла. Публикация, вступление и примечания Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: ПСТБИ, 2001. С. 341.

риарха местоблюститель остается на своем посту до смерти или собственного добровольного от него отречения или устранения по церковному суду. Он не правомочен назначить себе заместителя с правом, тождественным его местоблюстительским правам. У него может быть только временный заместитель для текущих дел, действующий по его указаниям».¹

Странно, что митрополит Иосиф упустил из виду эти важные канонические основания при составлении своего распоряжения. Как верно отметил один из церковных историков: «Распоряжение митрополита Иосифа оставляет впечатление, будто речь идет не о Церкви, но об армии, в которой любыми средствами должно сохраняться единоначалие, для чего устанавливается детально разработанная система передачи власти в случае выбывания или возвращения в строй определенных лиц, в строго определенном порядке старшинства.

Митрополит Иосиф в этот период не отдает себе отчета в том, что, устанавливая новую систему преемственности высшего Церковного Управления, он (впрочем, вслед за митрополитом Петром) покушается на такое действие, которое не дерзал совершать даже сам Святейший Патриарх, строго и безупречно выполнявший соборное постановление, руководствуясь не только тактическими соображениями минуты, но, прежде всего, заботой об исполнении церковной правды».²

Понятно, что, назначая преемников, митрополит Иосиф, так же как и митрополит Петр, стремился во что бы то ни стало сохранить централизованное управление, полагая, очевидно, как и многие пастыри в то время, что без этого Церковь не сможет устоять под натиском безбожия и обновленчества.³ Однако, как очень скоро

¹ Акты Святейшего Тихона... С. 699.

² Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977. С. 115

³ В завещательном распоряжении митрополит Иосиф призывает архипастырей «наблюдать в особенности строжайшее хранение

показали дальнейшие события, именно сохранение централизованного управления оказалось одним из главных соблазнов, потрясших Русскую Церковь, и источником ее разрушения.

«Тайные выборы» патриарха

Через день после опубликования завещательного распоряжения митрополит Иосиф был арестован. Арест был связан с так называемыми «тайными выборами патриарха», предпринятыми по инициативе близких к митрополиту Сергию архиереев, решившихся в условиях невозможности проведения Церковного Собора провести избрание патриарха путем тайного опроса и сбора подписей архиереев. История с этими выборами до конца остается неясной. *«Это была затея канонически сомнительная (ибо Собор как живое и личностное единение в Св. Духе не может быть заменен никаким “сбором подписей”), а политически — чрезвычайно опасная, если сказать не провокационная».*¹

Осенью 1926 г. епископ Павлин (Крошечкин), которого считают главным инициатором этого дела, и еще ряд клириков, получив от митрополита Сергия обращение к архиереям по поводу предпринимаемых выборов, стали объезжать епископов и собирать их подписи под актом избрания предложенного кандидата в патриархи. Большинство опрошенных архиереев высказалось за кандидатуру митрополита Казанского Кирилла. Как повествует составленный в Москве документ 1930 г. из архива Архиерейского Синода Зарубежной Церкви:

чистоты веры от настойчивых покушений со стороны отверженного верующим народом “обновленчества” и тщательнейшее уклонение от всяких компромиссов и сепаративных соглашений с ними». См.: Акты Святейшего Тихона... С. 489.

¹ Регельсон Л. Указ. соч. С. 114.

«В ноябре 1926 года имелись уже подписи 72-х епископов под актом избрания Митрополита Кирилла Патриархом. Казалось, вопрос мог быть уже решен, но как раз в этот момент произошло событие, нарушившее все планы и предположения. Епископ Павлин был арестован в Москве, где он находился проездом. Вслед за его арестом посыпались другие. Был арестован ряд Епископов, чьи подписи стояли одними из первых под актом избрания М<итрополита> Кирилла — Архиепископ Корнилиий, Епископ Григорий Козлов и др. Был арестован в ссылке, где он находился — в Зырянском крае и брошен в Вятскую тюрьму — М<итрополит> Кирилл и, наконец, в начале декабря 1926 года был арестован в Нижнем <Новгороде> и привезен затем в Москву во внутреннюю тюрьму ГПУ и Митрополит Сергей»².

Митрополит Иосиф был допрошен 10 декабря 1926 г. «Поначала митрополит не назвал имени епископа Павлина, но когда следователь напрямую спросил, звали ли приезжавшего епископа Павлином, митрополит Иосиф ответил утвердительно, показав далее: “Павлин мне объяснил, что, желая положить конец неопределенному положению в Церкви, он собирает мнения о возможности избрания патриарха (или вообще главы Церкви). Я указал на записочке, запечатанной в конверт, что желательным кандидатом считаю Кирилла-митрополита или Сергия. Я вовсе не считал, что, давая свое мнение, присоединяюсь к какому-то решению, долженствующему заменить собой соборное решение. Я имел в виду совещание, которое должно было состояться в г. Владимире, и полагал, что это просто предварительный обмен мнениями перед совещанием. Пав-

¹ По некоторым сведениям, в предлагаемых бюллетенях было указано три кандидата: Митрополит Кирилл (Смирнов), митрополит Агафангел (Преображенский) или патриарший местоблюститель митрополит Петр (Полянский) и митрополит Сергей (Страгородский).

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 7.

лин мне не говорил, что сумма мнений по этому вопросу будет иметь характер постановлений Собора, и я сам считаю 'Собор по переписке' — нелепостью. Знай я это, я ни в коем случае своего мнения не подавал бы, по указанной причине. Сам я лично митрополита Кирилла не знаю, настроений его и отношения к Соввласти тоже не знаю. Но знаю, что ему доверяют церковные деятели. И мое мнение, и конверт, в который было оно вложено, были скреплены печатью. Впрочем, не помню, была ли печать на конверте”.

На том же допросе прозвучал и такой вопрос следователя: “А Вам известно было, что митрополит Кирилл подвергался репрессиям за антисоветскую деятельность?” Митрополит Иосиф ответил: “Мне было известно, что он страдал, а за что, я не знаю”. После двух допросов 10 декабря 1926 года митрополит Иосиф был выслан в бывший Моденский Николаевский монастырь Новгородской епархии без права выезда¹.

Отметим, что главные инициаторы акции — епископ Павлин и митрополит Сергей в апреле 1927 г. были выпущены из тюрьмы, в то время как арестованные по этому делу архиереи были сосланы по всем концам страны, а некоторые были даже заключены в концлагерь. Это насторожило многих.

«Перед Церковью все эти события конца 1926 года остаются загадочными и непонятными. Была ли тут грандиозная провокация, имевшая целью избавиться от определенной части почему-либо неудобных Епископов, имело ли место трусливое предательство тех, кто первый попал в ГПУ в ноябре 1926 года, может быть, даже случайно, — все это разрешит когда-нибудь история² <...>.

¹ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М.: Сретенский монастырь, 2004. С. 260–262.

² Сам митрополит Кирилл отрицательно отнесся к этим выборам. О них он узнал только в феврале 1927 г. от начальника VI отделения

Факт освобождения М<итрополита> Сергия в тот момент, когда репрессии против Церкви по всей России все возрастали, когда участие его в деле выбора М<итрополита> Кирилла, за какое целы́й ряд Епископов поехал в отдаленные ссылки — было несомненно — сразу же возбудил ряд опасений и тревог, которые усилились, когда 22 / IV–27 был освобожден и Еп. Павлин, и когда 18 / V в Москве был неожиданно созван Синод. Для людей дальновидных стало несомненно, что между М<итрополитом> Сергием и Сов<етским> Правительством в лице ГПУ во время его тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему Епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими».¹

Очевидно, это было соглашение о легализации Церковного управления, которую ОГПУ настойчиво навязывало Церкви с 1925 г. Взамен разрешения на существования административной организации Церкви в рамках советского государства, от церковных иерархов требовались определенные обязательства: заявление о полной солидарности Церкви с советской властью, исключение из числа управления неугодных епископов, осуждение заграничных

секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова. Спустя два с половиной года митрополит Кирилл писал в письме епископу Иоасафу (Удалову): «*Но митрополит Сергей опытный делец. Он сделал меня “центральной личностью” в совершенно неведомой мне затее об избрании меня в патриархи, а теперь хочет сделать центром каких-то неведомых, но граничащих, по Вашим словам, с уголовщиной, выступлений против него. Sapienti sat*». Выписка из данного письма содержится в письме епископа Иоасафа епископу Дамаскину (Щедрику), находящемуся в следственном деле последнего.

Архив УФСБ по Брянской области. Д. П-8979, Л. 2. Цит. по: Мазырин А. В. Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей// Богословский сборник. Вып. 11. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 419.

¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 7–8.

епископов и тому подобное. Что означала такая «легализация», хорошо понимали многие иерархи:

*«Получая легализацию, церковная организация вступала в известные договорные, конечно, несчастные отношения с Правительством, принимая на себя ряд обязательств. Права, полученные ею при этом, как показала история, не выходили за пределы те, кои предусмотрены советским законодательством, т. е. фактически Церковь не получала ничего, обязательства же, даваемые ею, были громадны. Она допускала, признавала права правительства регулировать свою внутреннюю жизнь, т. е. фактически вступала в такие отношения с Правительством, которые напоминают положение Государственной Церкви с наличием всех привилегий государства, предусматриваемых этим положением и при отсутствии таковых для Церкви. Всякий дальновидный и сознательный ум не может не понимать, что Сов<етское> Государство, приобретая права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь, не может использовать их иначе как в интересах разрушения Церкви, и поэтому признание Церковью этих прав равносильно самоубийству».*¹

Понятно, почему богоборческим властям не удалось добиться согласия на такую «легализацию» ни от патриарха Тихона, ни от митрополита Петра, ни от самого митрополита Сергия во время его первого заместительства до ареста. Проект декларации,² составленный им тогда, в мае 1926 г., был выдержан вполне в церковном духе (поэтому, очевидно, и не был принят властями).

Категорически отвергли условия подобной легализации и митрополит Кирилл, и архиепископ Серафим Угличский. В феврале 1927 г. Е. А. Тучков специально прибыл в Вятскую тюрьму для встречи с митрополитом Кириллом, который там в это время содержался. Подчеркнув, что он не сомневается, что разговаривает с будущим патриархом, Тучков намекнул на возможность скорого изменения в

¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 39.

² См.: Акты Святейшего Тихона... С. 473–474.

судьбе заключенного митрополита и предложил ему условие легализации Русской Церкви:

«— Если нам нужно будет удалить какого-нибудь архиерея, вы должны будете нам помочь.

— Если он будет виновен в каком-либо церковном преступлении — да, — спокойно отвечал владыка Кирилл. — В противном случае я скажу: брат, я ничего не имею против тебя, но власти требуют тебя удалить, и я вынужден это сделать.

— Нет, не так, — нетерпеливо и резко возразил Тучков. — Вы должны сделать вид, что вы делаете это сами и найти соответствующее обвинение.

— Евгений Александрович, вы не пушка, а я не бомба, которой вы хотите взорвать изнутри Русскую Церковь, — с достоинством отвечал митрополит Кирилл».¹

После этого ответа митрополит Кирилл был вновь отправлен в ссылку на север Красноярского края в Туруханский район.

В марте 1927 г. Тучков вызвал в Москву архиепископа Серафима Угличского, исполнявшего обязанности заместителя местоблюстителя после ареста митрополита Иосифа. *«Повоспоминаниям келейника Владыки Серафима М. Н. Ярославского, власти предлагали архиепископу Серафиму кандидатуры в члены Священного Синода, которые принять он не согласился, предложив своих кандидатов, в частности, митрополита Кирилла Казанского. Известно, что на переговорах поднимался вопрос о легализации Церкви, они были таковы, что архиепископ Серафим не считал возможным их принять. Свой отказ он мотивировал тем, что считает себя не полномочным решать принципиальные вопросы без находящихся в заключении старших иерархов. По данным протопресвитера М. Польского, на вопрос следователя: “Кто же возглавит Церковь, если мы вас не выпустим?” — архиепископ Серафим ответил: “Сам Господь Иисус Христос”. Вскоре митрополит Сергей был освобожден,*

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 282–283.

и архиепископ Серафим передал ему управление Русской Православной Церковью».¹

Декларация митрополита Сергия

Деятельность митрополита Сергия после выхода из тюрьмы разительно отличалась от его прежней деятельности во время заместительства в 1925–1926 гг. *«Прежде чуткий и внимательный к голосу Епископата и Церкви, не переоценивавший свою личную роль — он теперь стал деспотичен и не считается с мнением иерархов; прежде ясно сознающий, где кончается компетенция государства и начинается посягательство на свободу Церкви — он теперь пошел на величайшее смешение кесарева и Божьего, на полное отдание последнего в жертву первого».²*

18 мая 1927 г. митрополит Сергей собрал на совещание несколько архиереев, составивших вместе с ним Временный Патриарший Священный Синод, для принятия ходатайства о регистрации исполняющего должность местоблюстителя и Временного при нем Синода. 20 мая из НКВД было получено разрешение на деятельность Синода, окончательно утвержденного в августе. 25 мая состоялось заседание Синода, и в тот же день был разослан циркуляр по епархиям, в котором архиереям рекомендовалось организовать при себе епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти.

«В то время как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границей в тюрьмы бросали по всей России не только Епископов, но и рядовое духовенство — Митрополит > Сергей получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда

¹ Косик О. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003. С. 304–305.

² ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 14.

стали известны имена Епископов, призванных им в Синод, о капитуляции М<итрополита> Сергия перед Сов<етской> Властью не могло быть большие сомнений. В Синод вошли Арх<иепископ> Сильвестр — бывший обновленец, Арх<иепископ> Алексий Хутынский — бывший обновленец, назначенный на Петроградскую кафедру от “Живой Церкви” после казни М<итрополита> Вениамина; Арх<иепископ> Филипп — бывший беглопоповец, т. е. переходивший из Православной Церкви в секту “беглопоповцев”, Митр<ополит> Серафим Тверской — человек, о связях которого с ГПУ знала вся Россия, которому никто не верил.¹

16/29 июля 1927 г. митрополит Сергей совместно с членами своего Синода выпустил «Послание к пастырям и пастве», получившее в дальнейшем известность как Декларация 1927 г. Послание было разослано по всем епархиям и приходам. И затем было опубликовано в «Известиях ЦИК» от 19 августа 1927 г.

В Послании сообщалось о создании Временного Синода и его легализации и выражалась благодарность «Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения». В надежде на легализацию церковных управлений на местах и на введение церковной жизни в мирное русло митрополит Сергей призывал церковных деятелей: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное

¹ ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 8.

*Варшавскому*¹, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза “не только из страха, но и по совести”, как учил нас Апостол (Рим. 13, 5)».²

Декларация вызвала большое смущение среди священнослужителей и мирян Русской Церкви. Впервые в столь категоричной форме заявлялось не только о полном подчинении Русской Церкви безбожному государству, подчинении не «за страх, а за совесть», но и о переходе Церкви от нейтральной лояльности и аполитичности к активной поддержке советской власти — все это было совершенно неприемлемо для православной совести. Многие пастыри отослали декларацию обратно автору, посчитав невозможным даже огласить ее текст своим пасомым.

Да и упоминание Варшавского убийства в декларации было неслучайным. Несмотря на желание и неоднократные попытки как самого митрополита Сергия, так и его последователей истолковать ключевые слова декларации о «радостях» и «горестях» в смысле радостей и горестей страны, а не советской власти, заявление о Варшавском убийстве как ударе, направленном в православных, не оставляет места никаким другим толкованиям, ясно показывая действительный смысл этих «радостей» и «горестей». Кроме того, в той же декларации абзацем выше Сергей призывал церковных людей «показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского Государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с **нашим правительством**».³

Не была принята декларация и в Петроградской епархии. Как писал о. Михаил Чельцов: «*Вышедшее послание поразило громадное*

¹ Имеется в виду убийство в Варшаве советского полпреда П. Л. Войкова (Пинхуса Вайнера), одного из организаторов расстрела Царской семьи в Екатеринбурге в 1918 г. Войков был застрелен на Варшавском вокзале русским гимназистом Борисом Кавердой, заявившем на суде, что он задумал и совершил это единолично, желая покарать Войкова за убийство Царской семьи.

² Акты Святейшего Тихона... С. 510–512.

³ Выделено составителем.

большинство верующих. Против трех основных мыслей его — о необходимости легализации церковного управления, о естественности для нашего заграничного духовенства отказаться от резких выступлений против советской власти и о желательности созыва Поместного Всероссийского Собора — возражать было нечего, это все принималось почти всеми. Но тон послания — какой-то угоднический и нецерковный, его многие слова и даже целые выражения не столько резали ухо, сколько возмущали ум и чувства.

Видалось, что церковная власть снова связала себя со светским правительством, подчинила себя ему, теряя свою свободу. И за что же? Пока только за учреждение и легализацию митр. Сергия и при нем состоящего Синода. Но что это за Синод? Имена членов его никому из нас ничего доброго не предвещали: все это имена vikариев или неизвестных епископов. А нахождение среди них имени Алексия, бывшего нашего vikария, а теперь архиепископа Хутынского, настраивало громадное большинство из нас против Синода...

Не знаем, с каким препроводительным наказом было передано из Москвы нашему Николаю (Ярушевичу) послание, будто бы — как потом сам Николай говорил у нас на празднике в сентябре — на усмотрение настоятелей храмов: хотят — читают, не хотят — не читают. Хорош наказ! Настоятель — к ответу, а митр. Сергий — в стороне. Николай также молчливо распространял по церквам это послание; он его без письма и без слов пересылал с благочинным: как хотят, так и поступают. Так, наш благочинный, придя на квартиру, увидел у себя на столе это послание — по количеству церквей его округа, — принесенное и оставленное какой-то женщиной.

Благочинные приняли и разослали, — опять без всяких слов — на усмотрение и ответственность настоятелей. Надлежащий порядок вещей — настоятель руководствуется и наставляет от епископа, а здесь епископ — в стороне, лишь наблюдает, что сотворит настоятель и что потом с ним сотворят прихожане или власть.

Один из благочинных — о. Сергей Тихомиров с Петроградской стороны — послание отослал назад к Николаю и отказался от благочиния. Первым обнародователем этого послания явился о. Николай Чуков. После всенощной он повел беседу на тему обстоятельств церковной жизни, вызвавших это послание и, Боже мой, какой шум и гвалт поднялся в церкви! Громадное большинство было против чтения и по существу против послания. Досталось и бедному Чукову... С таким же раздражением приняли послание во Владимирском соборе.

Такой прием посланию, естественно, заставил многих из нас быть более осторожными в обнародовании его. Его или не стали совсем читать, или с большими выпусками, или передавали на рассказ своими словами. И это стали делать после распоряжения Николая о необходимости прочтения его по церквам. Такое распоряжение было вызвано инсинуациями со стороны обновленцев — и против митр. Сергия, выпустившего-де послание с целью замазать рот большевикам, и против питерского духовенства, в своем контрреволюционерстве доходящего-де до ослушания своего митрополита.

Читали ли послание или не читали его где-либо, настроение против митр. Сергия и в значительной степени против нашего Николая у питерцев было резко отрицательное. Православие их, особенно первого, было взято под сильное подозрение, доверие к ним было подорвано. Духовенство наше, если и читало послание, все было против него. Викарии также не сочувствовали ему».¹

Политика митрополита Сергия и ее неприятие в Петроградской епархии

Какова была первая реакция митрополита Иосифа на июльскую декларацию, неизвестно. В своих показаниях после ареста в 1930 г.

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 456–457.

он указывал: «Я ничего не имел против того, что группа ленинградского духовенства и мирян на декларацию митрополита Сергия написали протест, требуя от последнего изменения взятого им курса церковной политики. Кто писал этот протест, я не знаю, но знаю, что его возили к митрополиту Сергию епископ Димитрий и профессор Абрамович-Барановский. И с тем, и с другим я встретился в Москве при ожидании приема митрополитом Сергием, где мною протест был прочитан».¹

Следует отметить, что, несмотря на неприятие декларации многими архиереями и клириками, дальнейшее разделение и отход от митрополита Сергия вызвала не столько сама по себе декларация, сколько последующая, основанная на ней церковная политика. В тех же показаниях митрополит Иосиф на допросе 30 сентября 1930 г. говорил: «Антисергианская организация началась с известной декларации митрополита Сергия, где он, высказав более или менее приемлемые для всякого честного советского гражданина мысли, в то же время допустил неприемлемые для церковного сознания действия, нашедшие свое выражение в целом ряде противоканонических мероприятий: переброска с места на место почти всех тогдашних архиереев, учреждение синода на неканонических началах, уничтожение вовсе некоторых епархий, произвольное слияние их, прекращение молитвы за привлеченное по гражданскому суду духовенство и тому подобное. Все это для Ленинградской епархии приняло особую остроту после того, как им без всякого законного канонического основания был смещен митрополит, на стороне которого было большинство духовенства и верующих мирян».²

О. Михаил Чельцов в своих записках отмечал:

«Но послание (декларация митр. Сергия), как и все, что на бумаге, недолговечно, как ни сильно было смущение и волнение, произведенное им, мало-помалу начинало утихать и утихло бы

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 309.

² Там же. Л. 320.

совершенно, если бы не было подогрето и сильно приподнято другим, посланию сопутствующим, нашу епархию всецело касающимся обстоятельством: недопущением освобожденного нашего митрополита Иосифа на жительство и для управления в нашу епархию, а перемещением его в Одессу...

Послание Сергия, действительно, дало свободу, хотя и неполную, некоторым архиереям, как говорили, до 30-ти, в том числе и нашему Иосифу. Но только освобожденные лишены были права возврата в их прежние епархии. Как приняли это ограничение другие епископы — не знаю; Николай говорил, что будто бы они все или почти все подчинились ему. Наш Иосиф не подчинился, запротестовал.

Получив право приезда в Москву, он (митр. Иосиф) не раз виделся и говорил с митр. Сергием и Тучковым: Сергей ссылался на Тучкова. Тучков то говорил, что советская власть никогда не пустит Иосифа в Питер, то вину за недопущение его сваливал на митр. Сергия, будто бы не желавшего из каких-то своих видов иметь Иосифа в Питере, то обвинял Иосифа в контрреволюционном воздействии на питерское население во время его двухдневного, в 1926 году, пребывания в Питере, то заподозривал его будто бы вместе с митр. Сергием в иоаннитстве¹.

12 сентября на сессии своего Временного Синода митрополит Сергий поставил вопрос о переводе митрополита Иосифа на Одесскую кафедру, и Синод принял об этом постановление. Вот что писал об этом Владыка Иосиф в своих показаниях на следствии в 1930 г.: «Около года спустя после моего удаления из Ленинграда, когда я уже был в Моденском монастыре, появилась известная декларация митрополита Сергия и вскоре за нею — мое перемещение в Одессу. Вызванный по этому случаю в Москву, и узнав, что перемещение вызвано интригами отдельных лиц из духовенства, я заявил, что нахожу перемещение по таким причинам — незаконным, сославшись на постановление собора, что никакой епископ, пре-

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 457.

свитер, диакон и даже псаломщик не могут быть перемещаемы, иначе как по одной из следующих причин: а) собственное желание, б) неизлечимая болезнь, и в) впадение в ересь и другое какое тяжкое преступление, подлежащее церковному суду. После такого заявления и требования, чтобы мое дело было передано на суд епископов, я с разрешения Москвы отбыл в Ростов Ярославский, где и жил зиму 1927 года, служба в Иаковлевском монастыре и не проявляя близкого участия в церковных делах».¹

По сведениям митрополита Иоанна Снычева: «Митр. Иосиф не скрыл своего протеста от Ленинградской паствы. Он не только поделился своими скорбями с прибывшим к нему епископом Димитрием Любимовым, vikar<ием> Ленинградской епархии, но и познакомил сего с содержанием письма, отправленного к митр. Сергию».² Слухи о переводе митрополита Иосифа встревожили Петроградскую епархию. Когда епископ Петергофский Николай (Ярушевич), утвержденный митрополитом Сергием управлять епархией на время отсутствия митрополита Иосифа, сделал в конце сентября распоряжение о прекращении поминать имя Владыки Иосифа, а вместо него возносить его, Николая, имя как правящего, это вызвало сильное волнение. Как писал о. Михаил Чельцов:

«Взволновались и духовные, и миряне. Прежде всего, стали обсуждать то, почему Иосифа не хотят пускать в Питер и кто не хочет? Сошлись на одном, казавшемся бесспорным, утверждении, что Иосифа не пускает советская власть совместно с Сергием и его Синодом. Причина: общее желание ввести у нас обновление. Советской власти-де во что бы то ни стало хочется насадить у нас обновление. Сергей с Синодом, сами не без сочувствия этому делу, не могут противиться советской власти после их послания».³

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 332.

² Иоанн (Снычев), митр. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 199.

³ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 458.

*«Когда стало известно, что их любимец и “страдалец” за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает протест против него, смущение народное достигло крайних пределов. Оно клокотало в народных сердцах и готово было могучей лавиной обрушиться на деяния митрополита Сергия и временного при нем Патриаршего Синода. То там, то здесь и особенно около храмов можно было видеть кучки людей, рассуждавших о происшедшем и открыто выражавших свой гнев против митр. Сергия».*¹

Временно управляющий Ленинградской митрополией епископ Петергофский Николай отправил доклад митрополиту Сергию о нестроениях в епархии. 1 октября 1927 г. митрополит Сергей назначил в Ростов, где проживал митрополит Иосиф, епископа Иннокентия (Летяева) из Краснодара. Жители города неблагоприятно встретили нового архиерея, усмотрев в его назначении желание Синода поскорее удалить из Ростова митрополита Иосифа. Несмотря на то, что Владыка Иосиф убеждал епископа Иннокентия приступить к служению, не обращая внимание на неприятности, тот был убежден, что не сможет управлять паствой, пока митрополит Иосиф пребывает в Ростове и, по его мнению, вмешивается в епархиальное управление, расстраивая церковную жизнь в епархии. Об этом епископ Иннокентий написал специальный рапорт и 10 октября 1927 г. отправил его митрополиту Сергию.

12 октября митрополит Сергей провел заседание Синода, на котором были заслушаны доклад епископа Николая, рапорт епископа Иннокентия и заявление митрополита Иосифа от 28 сентября. Синод принял постановление № 119, в котором было подтверждено прежнее решение о перемещении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру и предписано прекратить возношение его имени в Ленинградской епархии. 19 октября постановление Синода было направлено митрополиту Иосифу и епископу Иннокентию в Ростов, и епископу Николаю — в Ленинград.

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 200.

21 октября 1927 г. митрополит Сергей издал указ о поминании за богослужением советских властей и о запрете поминания всех епархиальных архиереев, находящихся в заключении: тюрьмах, лагерях, ссылках. Этот указ вызвал еще большую волну возмущения среди духовенства и прихожан по всей России. Свидетельствуя о грубом вмешательстве советских властей в вопросы церковной жизни, он явился закономерным следствием и продолжением того курса, который был провозглашен в июльской декларации митрополита Сергея.

30 октября митрополит Иосиф направил второе письмо в адрес заместителя патриаршего местоблюстителя об отказе подчиниться перемещению. По свидетельству митрополита Иоанна (Снычева): *«Митр. Иосиф пишет, что не он виноват в тех нестроениях, которые возникли в Ленинграде и Ростове, а те, кто тайно огласил первый указ, и Синод. Он считает, что его связь с ленинградской паствой не искусственная, о чем свидетельствует горячая любовь к нему пасомых. Жизнь в Ростове его не соблазняет, ибо имеет весьма скудные средства для своего существования. Послушание церковной власти оказывать он не желает, поскольку признает, что церковная власть сама находится в рабском состоянии...»*

*Характерно, что когда митр. Киевский Михаил (Ермаков) запросил митр. Иосифа телеграммой: “Благоволите уведомить Харьков Основа Зеленая 8 когда намерены прибыть на свою кафедру Одессу”, тот ответил: “Перемещение противоканоническое недобросовестное угождающее злой интриге мною отвергнуто”».*¹

По свидетельству митрополита Иоанна (Снычева), митрополит Сергей послал кого-то из членов Синода в Ростов для беседы с митрополитом Иосифом, в ходе которой Иосиф заверил, что он молча и добросовестно отойдет в сторону от церковной жизни и что ни на какой раскол не пойдет и даже подчинится незаконной

¹ Там же. С. 205.

над ним расправе — вплоть до запрещения и отлучения¹. Однако дальнейший ход событий не позволил митрополиту Иосифу отойти от церковных дел. Активно выступившие против новой церковной политики петроградские клирики и миряне обратились к Владыке Иосифу за поддержкой и духовным руководством. Верный своему архипастырскому долгу Владыка не мог оставить свою паству, как и не мог он молча наблюдать за разрушительными последствиями церковной политики митрополита Сергия.

С конца октября 1927 г. нестроения в Петроградской епархии увеличились. Народное негодование особенно усилилось после официального объявления епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем) в кафедральном соборе Воскресения Христова о перемещении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Какая-то надежда на умиротворение появилась в ноябре, когда митрополит Сергей известил о своем желании взять на себя управление Ленинградской епархией. По свидетельству отца Михаила Чельцова, до послания авторитет митрополита Сергия у петроградцев стоял высоко и, видимо, полагаясь на этот былой авторитет, митрополит Сергей рассчитывал навести порядок в епархии и заставить забыть о митрополите Иосифе. Однако из Москвы ему не позволили выехать. Как отмечает о. Михаил в конце своих записей:

«Ждали к Александрову дню² приезда митр. Сергия с большими надеждами. Когда же он не приехал, авторитет его совершенно упал в глазах большинства. Какое же ждать улучшение в церковных делах и успокоение в общецерковной и епархиальной смуте, коли он по рукам и ногам связан советской властью, коли она его держит как пленника или заложника?! И пошли о митрополите Сергии большие разговоры. Вот тут, копясь повсюду и во всем, вспомнили о почти что забытом послании

¹ Об этом также говорит и письмо митрополита Иосифа к архимандриту Льву от февраля 1928 г. См. Приложение.

² Память св. благов. князя Александра Невского, 23 ноября/6 декабря.

июльском его. Его стали читать и растолковывать, находить всякие отступления от чистоты Православия, угодничество перед советской властью, скрытую дверь в обновление и т. п. Вокруг послания образовался большой разговор людей ответственных и энергичных, чего не было в августе, когда был лишь бабий шум... В связи с этим старались многие все дальше и дальше отойти от митрополита Сергия и все более резко и требовательно говорить о возвращении митрополита Иосифа».¹

На защиту митрополита Иосифа встали его vikарии: епископы Димитрий Гдовский, Серафим Колпинский, Сергей Нарвский, Григорий Шлиссельбургский и ряд клириков, отказавшихся почитать епископа Николая. Среди них центральное место принадлежало известному и очень уважаемому настоятелю кафедрального храма, отцу Василию Верюжскому. «Церковная атмосфера все больше и больше накалялась. Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях, смущаемые разными церковными распоряжениями митр. Сергия и Синода, отказались совершенно выдавать денежные средства на содержание Епархиального Управления, перестали приглашать на богослужения еп. Петергофского Николая как сторонника сергиевской политики, а многие верующие в знак протеста перестали посещать те храмы, где возносилось имя Заместителя за богослужением. Волна недовольства все увеличивалась. Она коснулась не только простых верующих, но и низшего духовенства.

Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия. Они не согласны были с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель патриаршего местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и подчинение Божьего кесареви.

До времени они как-то еще мирились с новой политикой митр. Сергия и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда, по их

¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 468.

мнению, отрицательные плоды новой политики Церковной Власти были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался. На фоне народного недовольства видны были самые очертания его величины и широты.

Но, желая, однако, предотвратить так неминуемо надвигающееся разделение, группа духовенства и мирян г. Ленинграда решила предупредить об этом митр. Сергия и, если возможно, упротить его, чтобы он изменил намеченный курс церковной политики, от которого, как они были убеждены, исходило все зло.

Проф.-прот. Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митр. Сергию, в котором указал основные пункты, являющиеся причиной разделения¹ <...>. Содержание обращения важно в том отношении, что оно яр-

¹ Для установления мира в Ленинградской епархии и для предотвращения раскола, он упротил митрополита немедленно предпринять следующие меры:

1) Отказаться от намеченного курса порабощения Церкви государством;

2) Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаеваемых епископов;

3) Поставить временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его утверждении в смысле совещательного органа, чтобы распоряжения исходили только от имени заместителя Местоблюстителя;

4) Удалить из состава Синода пререкаемых лиц;

5) При организации епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, каноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата;

6) Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа (Петровых);

7) Отменить возношение имени заместителя патриаршего местоблюстителя;

8) Отменить распоряжение об исключении из богослужения молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть.

кими красками рисует нам не только морально-религиозное состояние церковного общества и особенно в Ленинградской епархии, но и с достаточным основанием вскрывает главные причины, породившие иосифлянский раскол. Судя по обращению проф. Верюжского, церковная смута в Ленинграде была вызвана не митр. Иосифом, а политикой, проводимой в жизнь митр. Сергием».¹

В ноябре 1927 г. в Ленинграде прошли собрания представителей духовенства Ленинградской епархии с участием настоятеля Киево-Печерской Лавры архимандрита Ермогена (Голубева) и профессора М. А. Новоселова. На этих собраниях были составлены обращения к заместителю патриаршего местоблюстителя от имени мирян Ленинградской епархии, от имени клира и от имени профессорско-преподавательского состава многочисленных институтов и академий Ленинграда.

Горячий декабрь 1927 г. — напрасные увещевания и разрыв канонического общения

В начале декабря 1927 г. в Петроградской епархии было решено, не дожидаясь ответа на письмо протоиерея Василия Верюжского, отправить в Москву представительную делегацию с епископом Дмитрием (Любимовым) во главе для личной встречи с заместителем патриаршего местоблюстителя, митрополитом Сергием. Прием у заместителя патриаршего местоблюстителя состоялся 12 декабря 1927 г. Митрополиту Сергию были вручены все три привезенные письма: от имени викариев Ленинградской епархии²; от группы свя-

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 210–211.

² Подписано архиепископом Гавриилом (Воеводиным), епископами Дмитрием (Любимовым), Сергием (Дружининым), Григорием (Лебедевым), Стефаном (Бехом) и Серафимом (Протопоповым).

щенников и мирян,¹ от имени верующих ученых Академии наук и профессуры ленинградских институтов.² В этих письмах поднимались практически те же вопросы, что и в письме-обращении отца Василия Верюжского. Ни на один вопрос митрополитом Сергием не был дан положительный ответ.

Через день после беседы с делегацией, 14 декабря 1927 г., митрополит Сергей передал одному из членов делегации письменный ответ на письмо протоиерея Верюжского, в котором, в частности, говорилось:

«1) Отказаться от курса церковной политики, который я считаю правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрассудно, но и преступно.

2) Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением, в значительной мере, тому обстоятельству, что отношение нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставалось неясным. Согласен, что перемещение часто — удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного <...>.

б) Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о. протодиаконы, в угоду известным настроениям, иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возглашение в демонстрацию. Ведь не нужно забывать, что богослужение (литургия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а

¹ Составлено магистром богословия, протоиереем Федором Андреевым.

² Составлено профессором Военно-Юридической академии С. С. Абрамовичем-Барановским.

публично, и потому подлежит правилам всяких публичных собраний. Моление же за власть является только естественным следствием нашего гражданского ее признания. Не поминали мы ее (Патриарх, впрочем, и сам поминал и делал распоряжение о поминовении) только потому, что не решались открыто сказать, что мы ее признаем».¹

Делегация возвратилась в Петроград с чувством горького разочарования. Сразу было созвано совещание духовенства и мирян. «С общего согласия решено было неотложно и официально объявить митр. Сергию о своем отходе от него. Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария-епископы: Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения представителю Московской патриархии.

Когда все уже было подготовлено, епископ Димитрий пригласил к себе на квартиру епископов Сергия (Дружинина) и Серафима (Протопопова), двух протоиереев: В. Верюжского и Ф. Андреева — своих единомышленников и епископа Петергофского Николая (Ярушевича) — заместителя временного управляющего Ленинградской епархией митрополита Сергия.

В присутствии указанных лиц оба епископа — Димитрий и Сергей — заявили Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митрополитом Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа,

Сие есть свидетельство совести нашея (2 Кор. 1, 12): невозволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с Заме-

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 218–219.

стителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, Митрополитом Нижегородским, и его Синодом и со всеми, кто единомыслен с ним.

Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести, отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение (“и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия”. Из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр. Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя Апостольское преемство чрез Патриаршего Местоблюстителя Петра, Митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального Митрополита, мы прекращаем каноническое общение с Митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет: и впредь до суда, “совершенного собором местности”, т. е. с участием всех православных епископов, или до открытого и полного покаяния пред Святой Церковью самого Митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет “да не преступаются правила отец”... и да не утратим помалу неприметно тая свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, освободитель всех человеков. (Из 8-го правила III Вселенского Собора). Аминь.

Подписи: Епископ Сергей
 Епископ Димитрий

Декабря 13 / 26 дня 1927 г.».¹

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 228–229.

Судя по всему, митрополит Иосиф не принимал участия в этой инициативе своей епархии. Вероятно, тогда еще он не думал об активном противодействии творимому беззаконию. В декабрьском письме 1927 г., в ответ на письмо иноков Александро-Невской Лавры, Владыка Иосиф писал, что «*восторжествовавшей, попустиением Божиим, силе зла противиться лишен силы*». Закончил Владыка письмо словами: «*О, великий ревнитель Православия и славы нашего Отечества! Введи нас не только в Твою земную, но и Небесную Обитель, недоступную никаким козням лукавых слуг зла и врагов Христова мира, правды и Имени!*»¹

Позднее концовку этого письма, изъятого при обыске, следствие предъявит митрополиту Иосифу в качестве обвинения.²

* * *

Узнав о событиях в Ленинграде, митрополит Иосиф обратился к епископу Димитрию Гдовскому с письмом.

«Дорогой Владыко!

Узнав от М. А. о принятом Вами решении, нахожу (и после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет. Одобряю Ваш шаг, присоединяюсь к Вам, но, конечно, помочь Вам, более существенно, лишен возможности. Время вспомнить и исполнить всем нам руководственное указание митр. Агафангела (пред отправлением в ссылку) и архиеп. Серафима Угличского на тот случай, когда мы будем лишены возможности правильно строить свое церковное дело, чтобы мы управлялись самостоятельно каждый, обращая все взоры и надежды наши к единственно законному Местоблюстителю Петру и будущему Поместному Собору всех наших Святителей, а не случайному подбору их отдельными лицами.

¹ Акты Святейшего Тихона... С. 541–542.

² Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воду слез...». М., 1998. С. 49.

Этого законного Собора только и должны сейчас добиваться всякие правители и Синоды и, если они бессильны сделать это, должны честно сами сойти со сцены и сказать открыто, что мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву и посмеяние... Помогите Вам Господь».¹

30 декабря 1927 г. митрополит Сергий собрал внеочередную сессию Временного Синода, на которой было принято постановление № 208 о запрещении в священнослужении епископов Димитрия и Сергия; епископу Николаю было поручено применить те же меры к священникам, заявившим об отходе. В тот же день епископ Николай запретил в священнослужении протоиереев Василия Вержужского, Феодора Андреева и других священников.

7 января 1928 г. митрополит Иосиф обратился к своей верной пастве с посланием:

«Для осуждения и обезвреживания последних действий митр. Сергия, противных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна все-терпящая бумага, да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвященителя митр. Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш православный судия, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И ес-

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 225–226.

ли бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков.

25 дек<абря> 1927 г.

7 января 1928 г.»¹

Антисергиевская оппозиция и начало «иосифлянского» движения

К началу 1928 г. категорическое неприятие церковной политики митрополита Сергия было выражено не только в Петроградской епархии. В показаниях на следствии 1930 г. митрополит Иосиф отмечал: *«К этому времени повсеместно в Союзе обсуждалась и резко более или менее критиковалась декларация митрополита Сергия и создавалось, развиваясь все более и более, протестующее против него течение, доходившее до того, что целые епархии в полном составе, во главе со своими управляющими архиереями отлагались от него и начинали управляться самостоятельно (Вятская, Великоустюжская и другие)»*.²

Вслед за петроградскими vicarями о прекращении общения заявило серпуховское духовенство, еще ранее епископ Глазовский Виктор (Островидов) и духовенство Вятской епархии, в январе 1928 г. отделились от митрополита Сергия епископ Великоустюжский Иерофей (Афоник), управляющий Воронежской епархией епископ Алексей (Буй) и ряд священников в Московской епархии,

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 231–232.

² «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 332.

Цит. по: «Я иду только за Христом...». Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год / Публ. А. Мазырина / / Богословский сборник. Вып. 9. М.: ПСТБИ, 2002. С. 407.

среди них протоиерей Валентин (Свенцицкий). В марте 1928 г. отделились викарные епископы Вятской епархии Нектарий (Трезвинский) и Иларион (Бельский), установившие связь с иосифлянами в Ленинграде, так же как и отделившийся еще раньше епископ Виктор (Островидов).

Протестное движение нарастало на Украине, Северном Кавказе, Татарии, Башкирии, Сибири. Многие из несогласных обращались к петроградским архиереям. Как отмечал митрополит Иосиф в своих показаниях на следствии: *«Не имея на местах духовного руководителя, с разных городов и местностей СССР приезжали к епископу Димитрию за руководством. Некоторые приезжающие осуждали ленинградцев, что они так поздно отошли от митрополита Сергия, что они уже давно это сделали, однако, не имея у себя руководителя, они приезжали в Ленинград, прося принять и разрешить недоуменные вопросы»*.¹

Официально Акт об отделении от митрополита Сергия был зачитан в кафедральном Соборе Воскресения Христова. 24 января 1928 г. в секретном донесении из Ленинградского ГПУ в Москву сообщалось: *«Церковная оппозиция в Ленинграде растет, причем с ее стороны был допущен захват Тихоновского кафедрального собора в свои руки — церковь Воскресения-на-крови. <...> Это торжество оппозиция отпраздновала торжественным богослужением при двух оппозиционных епископах и 9-ти священниках. После этого колебавшиеся церкви в Лесном, Полюстрове и на станции Володарская всецело примкнули к оппозиции»*.²

25 января 1928 г. митрополит Сергий на внеочередной сессии своего Синода принимает постановление № 17 об увольнении с кафедры епископа Димитрия и запрете его в священнослужении и

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 322.

² Цит. по: «Совершенно секретно. Срочно. Лично тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина / / Богословский сборник. Вып. 10. М.: ПСТБИ, 2002. С. 371.

предании каноническому суду. То же самое было принято в отношении епископа Сергия. От епископов Григория Шлиссельбургского и Серафима Колпинского, не поминавших имя митрополита Сергия, было потребовано незамедлительно ввести поминовение и заявить всенародно об осуждении епископов Димитрия и Сергия. К митрополиту Иосифу в Ростов в срочном порядке были направлены члены Синода: архиепископы Вологодский Сильвестр (Братановский), Костромской Севастьян (Вести) и Самарский Анатолий (Грисюк) с целью выяснения его отношения к отделившимся. Как отмечает митрополит Иоанн (Снычев): «*В постановлениях Синода были указаны два вопроса:*

1) С его ли ведома, согласия и благословения Преосвящ. Гдовский Димитрий и б<ывший> Копорский Сергей распространяют обращение и воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с заместителем патриаршего местоблюстителя?

2) Признает ли он резолюцию от 25 декабря 1927 года на рапорте Ленинградских викариев (его письмо от 25 декабря / 7 января)?

Вот эти два вопроса несомненно были поставлены митр. Иосифу. Вполне возможно, что ему задавались и другие вопросы, но о них нам ничего неизвестно. Что ответил митр. Иосиф членам комиссии на поставленные ими вопросы, остается тайной. Но одно является непреложным: той цели, ради которой совершалась поездка в Ростов, комиссия не достигла. И даже больше того, она в какой-то степени ускорила в нем (митр. Иосифе) решимость порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием».¹

6 февраля 1928 г. митрополит Иосиф вместе с группой архиереев Ярославской епархии официально подписал декларацию об отделении от митрополита Сергия. На следствии 1930 г. митрополит Иосиф рассказывал:

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 242–243.

«Мне известны следующие обстоятельства, сопровождающие отложение Ярославля от Сергия. Вызвав однажды меня в Ярославль, митрополит Агафангел сообщил мне, что деяния митрополита Сергия и его произвол в управлении вызывают серьезное против него возбуждение, что он (Агафангел) завален и телеграфными, и письменными просьбами, и требованиями взять бразды правления в свои руки и избавить их, таким образом, от всякой зависимости от Сергия, который каждому, начавшему возражать, угрожал запрещениями и другими репрессиями. Далее митрополит Агафангел сообщил, что у него имеется также проект собственной декларации, в которой он предлагает выступить против Сергия, что эта декларация одобряется всеми Ярославскими архиереями, что я приглашаюсь присоединиться к ней, как проживающий в пределах Ярославской епархии и обязанный этим самым к единомыслию с местными иерархами, среди коих я нашел свое убежище в своем изгнании. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом этой декларации, митрополит Агафангел обещал мне прислать ее с нарочным сразу, как только ее подпишет архиепископ Варлаам, который был в отлучке и к которому она была послана для подписи с нарочным.

Вернувшись в Ростов после этой беседы, я через несколько дней получил эту декларацию, уже подписанную тремя архиереями, и, найдя ее соответствующей требованию момента, также подписал ее. Затем подписал ее и Ростовский епископ Евгений. Всего было пять подписей — проживающих в епархии архиереев. Кем составлена эта декларация, с кем она обсуждалась у митрополита Агафангела, были ли у него какие собрания, я не знаю — в составлении ее я не принимал ни малейшего участия.

Прежде чем эта декларация получила широкую огласку, митрополит Агафангел и я были неожиданно вызваны в Ярославское ГПУ, где нас принял приехавший из Москвы товарищ Тучков (пославший также и за митрополитом Агафангелом).

Тучков задал Агафангелу вопрос, что такое затевается в Ярославле против Сергия, митрополит Агафангел сообщил сущность своей декларации и при этом спросил: как вы посмотрите на это выступление, не находите ли его контрреволюционным, должен-

ствующим вызвать с вашей стороны какие-либо неприятности (репрессии) для нас, или нет. Товарищ Тучков заявил, что он этого не думает, и никакого вмешательства в ваши дела со стороны ГПУ не предполагается. Затем, после некоторых разговоров о делах церковных, оба мы были отпущены с миром».¹

Встреча Тучкова с митрополитами Агафангелом и Иосифом накануне выпуска декларации — факт весьма примечательный. ОГПУ не препятствует выступлению против митрополита Сергия?! Однако здесь нет ничего удивительного. Создание разделений в церковной среде было одной из важнейших задач в политике ОГПУ по отношению к Церкви. В этом отношении очень характерны сводки донесений в Москву начальника секретного отдела Ленинградского ГПУ. Так, 26 ноября 1927 г. докладывая о положении дел в Петроградской епархии и развитии оппозиционного митрополиту Сергию движения, он сообщал об освобождении из заключения ряда клириков, которые примкнули к оппозиции, и подчеркивал своевременность такого деяния:

«Ибо при отсутствии этого мероприятия, можно было бы столкнуться с нежелательным для нас фактом — отсутствием вообще оппозиции.

Со стороны епископа Ярушевича против оппозиции принимаются меры — подчинить себе, но меры эти слишком слабые, и все они сводятся к тому, чтобы количественно ослабить оппозицию <...>.

С нашей стороны указывается Ярушевичу, что только твердость и более решительные меры, как-то — перевод с доходных в бездоходные церкви, перевод в провинцию, длительное запрещение служения — парализует оппозицию. В действительности же такая твердость скорее оппозицию подтолкнет к непримиримости».²

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 332–333.

² «Совершенно секретно. Срочно. Лично тов. Тучкову». С. 367–368.

15 декабря Е. Тучков на данном донесении в своей резолюции среди прочего написал: *«Сообщите, что мы повлияем на Сергия, чтобы он запретил в служении некоторых оппозиционных епископов, а Ерушевич¹ после этого пусть запретит некоторых попов»*.²

Спустя две недели это в точности было исполнено!³

¹ Имеется в виду епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

² «Совершенно секретно. Срочно. Лично тов. Тучкову». С. 369.

³ Заметим, что в предисловии к публикации упомянутых донесений, исследователь из Свято-Тихоновского института А. В. Мазырин дает объективную характеристику политике ОГПУ по разрушению Церкви: *«Как следует из публикуемых донесений и резолюций Тучкова на них, политика эта состояла в следующем. Спровоцировать в церковной среде разделение по принципу готовности идти на большие или меньшие компромиссы с властью. Возникновение оппозиции существующей церковной власти рассматривается как весьма важная задача. Подчеркивается, что отсутствие оппозиции было бы фактом, нежелательным для ОГПУ. Для укрепления ростков оппозиции даже специально освобождаются из заключения ряд лиц, которые, как ожидается, должны войти в ее состав. После того как оппозиция возникнет, главной задачей становится всячески способствовать росту взаимной неприязни двух церковных сторон...*

Церковь разделена на более или менее лояльные по отношению к власти стороны. Наступает время физического разгрома менее лояльных. При этом от более лояльной стороны требуется своеобразное церковное прикрытие этого разгрома...

Данная программа действий, очевидно, была не нова. Она почти копирует разработанный в 1922 году Л. Троцким сценарий использования в деле борьбы с Православной Церковью обновленческого движения (с той лишь разницей, что обновленцам нужно было захватывать церковную власть, а митрополиту Сергию — нет). Тогда, как известно, Троцкий предложил расколоть Церковь на два крыла: «черносотенное контрреволюционное» и «сменовеховское советское». «Чем более решительный, резкий, бурный и насильственный характер примет разрыв сменовеховского крыла

Ярославская декларация

В своих показаниях на следствии 1930 г. митрополит Иосиф высоко оценивает ярославскую декларацию:¹ *«Как вопль души, она жива в сердцах наиболее чутких церковных людей. Историческое ее значение неизгладимо и пойдет в глубь веков, чтобы когда-нибудь на свободно избранном и свободно действующем законном церковном соборе дать полноценный материал для выявления истинного виновника нынешней церковной разрухи. <...> Декларация была разослана по распоряжению митрополита Агафангела ко всем, запрашивавшим его советов и руководства, с разъяснением, что в силу постановления соборного, при отсутствии облеченной доверием центральной духовной власти или при невозможности сноситься с нею, архиереи на местах облачаются всею полнотою прав и управляются совершенно самостоятельно.*

с черносотенным, тем выгоднее будет наша позиция», — писал он 30 марта 1922 года. После этого, по мысли Троцкого, следовало “повалить контрреволюционную часть церковников”, опираясь при этом на “сменовеховское духовенство”, а затем, “не давая сменовеховским вождям очухаться”, превратить их начинание в “выкидьи”». (См.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 162–163).

С конца 1920-х годов в полемической церковной литературе многократно встречалась тема уподобления деятельности митрополита Сергия обновленческой. В ответ всякий раз указывалось на то, что такое уподобление некорректно: канонический статус митрополита Сергия был принципиально иным, нежели статус обновленцев. Это верно. Однако видно, что, если сравнить роли, отводимые властью обновленцам в 1922 году и митрополиту Сергию с его единомышленниками в 1927 году, то они действительно окажутся очень сходными». Цит. по: «Совершенно секретно. Срочно. Лично тов. Тучкову». С. 363–364.

¹ Полный текст Ярославской декларации приводится в Приложении I.

Подписанная и полученная и мною, эта декларация не могла не налагать и на меня соответствующих обязательств. Ленинградская группа духовенства, опротестовавшая произвол митрополита Сергия в моем перемещении и фактически уже отложившаяся от него, указала и мне на мой долг не покидать их на произвол судьбы и, если нет мне возможности и надежды быть в Ленинграде, все же не отнимать у них права считать меня их законным архипастырем. Непосредственное же управление может быть оставлено в руках епископа Димитрия, около которого сплотилось отложившееся от Сергия духовенство».¹

8 февраля 1928 г. митрополит Иосиф направил своим петроградским vicариям письмо, в котором сообщал об акте отделения Ярославских архиереев от митрополита Сергия:

«Акт, подписанный 27 января, настолько вызывается обстоятельствами времени и настроением верующих масс народа и настолько обстоятельно обосновывает данное отделение, что я, проживающий в Ярославской области, принял в нем участие и скрепил своею подписью. Таким образом, все распоряжения митрополита Сергия отныне для нас не имеют никакой силы. Это дает мне основание вновь опротестовать свое незаконное удаление от Ленинградской паствы и требовать канонически правильного решения этого вопроса надлежащим судом Православных епископов. А до такого решения я считаю себя не вправе предоставить вверенную мне паству (по смыслу 16-го правила Двукратного Собора) произволу не пользующихся нашим доверием церковных администраторов, перед Господом Богом и своею совестью приемлю долг принятия мер к умиротворению смущенной и взволнованной своей паствы. Для сего призываю прежде всего моих vicарных епископов к единомысленному со мною служению Ленинградской пастве. Преосвященному епископу Гдовскому Димитрию передаю временное управление Ленинградской епархией. Преосвященного Григория прошу также про-

¹ «Дело ИПЦ» Т. 11. Л. 332–334.

должать служение в св. Александро-Невской Лавре в звании ее единомысленного со мною наместника.

Пастырей и всех верующих, призывая на них Божие благословение, прошу и молю довериться нашему руководству и архипастырскому попечению, мирно и тихо продолжая дело молитвы, душевного спасения и Богослужения, смиренно повинуюсь гражданской власти, не находящей пока возможности допустить мое недостойнство до непосредственного молитвенного общения со вверенной мне паствой. Буду, находясь вдали, в постоянной молитвенной о ней памяти и попечении, прося возносить и мое имя за Богослужением по установленному порядку.

Да услышит Господь наши общие стоны и да благословит миром и тишиною нашу многострадальную Церковь.

г. Ростов-Ярославский

Ленинградский Митрополит Иосиф». ¹

В это же время митрополит Иосиф в своем письме-ответе архимандриту Александро-Невской Лавры Льву (Егорову) откровенно выразил свою отношение к церковной политике митрополита Сергия:²

«Дорогой Отче! До последнего времени я думал, что мой спор с митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу спокойно отойти в сторону, добровольно принеся себя в жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. И я был совершенно искренен, когда думал и говорил, “что ни на какой раскол я не пойду и подчинюсь незаконной расправе со мной — вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию”.

Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое “маленькое дело” вскоре же оказалось лишь малой крупницей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви

¹ *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 8–9.

² Полный текст письма приведен в Приложении I.

интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне оставалось удивляться отसेле не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию и слепоте тех других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, “спасают” Церковь, управляют ею, а не грубо оскорбляют ее, издеваются над нею, вписывают себя в число ее врагов, себя откалывают от нее, а не они откалывают тех, которые не могут терпеть далее этой вакханалии, грубого насилия и безобразно-кошунственной политики.

Может быть, я терпел бы это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой Отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать себя в значительной мере ответственным за несчастья Церкви. Ведь, как Вам неизвестно, — я один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободным предостережением на случай замены в возможности духовного падения. Конечно, такое духовное падение должно бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом, и соборным решением. Но какой суд и соборное решение возможны теперь при настоящих условиях? И каким судом и соборным решением со мной учинена расправа, допустимая по правилам лишь при большом грехе с моей стороны? Почему же, требуя суда и соборного решения в одном случае, вы допускаете отсутствие их в другом?

Не есть ли такой аргумент тоже благодарный материал для отдела несообразностей в логическом задачнике? Погодите, придет, мы надеемся, время, когда будем говорить о наших событиях и перед Судом. И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политиканам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь митрополиту Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть церков-

ного осуждения. Мы зовем Вас к укреплению Вашей силы в борьбе за независимость Церкви, только совсем не так, как Вы полагаете должным. Не согласием с поработителями этой Церкви и убийцами ее святой независимости, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства и лживых компромиссов и предательства интересов ее интересам безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и Его Церковью <...>.

Может быть, не спорю, “вас пока больше, чем нас”. И пусть “за мной нет большой массы”, как говорите Вы. Но я не сочту себя никогда раскольником, хотя бы и остался в единственном числе, как некогда один из св. исповедников. Дело вовсе не в количестве, не забудьте ни на минуту этого: Сын Божий, “когда вновь придет, найдет ли вообще верных на земле”. И может быть последние “бунтовщики” против предателей Церкви и пособников ее разорения будут не только не епископы и не протоиереи, а самые простые смертные, как и у Креста Христова Его последний страдальческий вздох приняли немногие близкие Ему простые души.¹

10 февраля 1928 г. митрополитом Сергием было утверждено постановление — «о раздорнической деятельности митрополита Одесского Иосифа (Петровых) и епископа бывшего Никольского Иерофея (Афоника)». В постановлении налагается запрет в священнослужении на обоих. 29 марта 1928 г. митрополит Сергей в обширном документе, так называемом «Деянии», оповещает Церковь о прервавших с ним общении иерархах, именуя их «нашими отщепенцами», «расколотворящими».

Обосновывая свою правоту, митрополит Сергей доказывает каноничность всех своих деяний — создание Временного Синода, увольнение архиереев и так далее. Обильно цитируя Священное Писание и святых мучеников и отцов Церкви, он утверждает, что его июльская декларация ни в чем не противоречит церковному Преданию. Митрополит Сергей обвиняет отделившихся от него яро-

¹ *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 7–8.

славских и ленинградских архиереев, а также епископов Глазовского Виктора (Островидова), Никольского Иерофея (Афоника) и Воронежского Алексия (Буя) в том, что *«они учинили раскол, порвали благодатный союз с Матерью Церковью и подлежат церковному суду и должному наказанию»*.¹ Он подтверждает запрещения, наложенные на этих архиереев (в том числе и митрополита Иосифа). Одновременно митрополит Сергей принимает все меры для примирения с митрополитом Агафангелом, помня его миролюбие и кротость, когда в 1926 г. последний уступил в споре о правах на местоблюстительство.

«29.03/11.04.1928 г. митр. Сергей и его Синод принимают постановление: предать суду епископов, запретить в священнослужении и уволить на покой митр. Иосифа (Петровых), еп. Иерофея (Афоника), еп. Евгения (Кобранова), арх<иеп.> Серафима (Самойловича), арх<иеп.> Варлаама (Ряшенцева). О митр. Агафангеле постановлено, что хотя он своими “раздорническими” действиями заслужил все эти прещения, но, с учетом его “прежних заслуг перед Церковью” и “болезненного состояния, ему дается месячный срок на покаяние, после чего он подлежит запрещению в священнослужении”».²

В этом постановлении в отношении митрополита Иосифа было заявлено, что он открыто порвал общение с заместителем патриаршего местоблюстителя, вступил явно на путь раскола, заявил после увещаний посланных к нему архиереев, что он *«решительно отходит и отмежевывается от митр. Сергея, игнорирует его распоряжения»*, что *«он призывает всех отделяющихся от заместителя патриаршего местоблюстителя объединиться около него, причем преподал благословение преосвящ. Виктору (Островидову) и Никольскому Иерофею (Афоннику) на рукоположение игумена Антония в сан епископа, предназначая последнего в епархию, не порученную ему»*.³

¹ Акты Святейшего Тихона... С. 587–601.

² Регельсон Л. Указ. соч. С. 153–154.

³ Акты Святейшего Тихона... С. 605–609.

10 мая 1928 г. ярославские архиереи, митрополит Агафангел, архиепископ Варлаам и епископ Евгений, обращаются к митрополиту Сергию с письмом, в котором сообщают, что не отвергают его власти как заместителя, и что не порывают с ним молитвенного общения и признают его власть как заместителя. Это весьма укрепило позицию митрополита Сергия. Однако в обращении ярославских архиереев был следующий пункт 5, в котором утверждалось, что *«распоряжения заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем»*.¹

Этот пункт никак не мог устроить митрополита Сергия, ибо фактически сводил на нет все его начинания, и это он прекрасно понимал. Недаром в постановлении своего Синода от 17 / 30 мая 1928 г. Сергей подчеркивал: *«С сожалением отмечая, что письменное заявление преосвящ^{енных} — митрополита Ярославского Агафангела, архиеп. Варлаама (Ряшенцева) и еп. Ростовского Евгения (Кобранова) от 10 мая 1928 г. не обнаруживает с желательной определенностью их сознания размеров и пагубности произведенного ими церковного соблазна; пятый же пункт заявления и совершенно отнимает надежду на устранение произведенного соблазна»*.²

Тем не менее, митрополит Сергий, используя неуверенность и нерешительность ярославских пастырей, торопится объявить об их полном отказе от прежнего заявления и примирении с ним. Ссылаясь на поспешность написания ими нового заявления и их устные заявления, он делает вид, что они ему полностью подчинились. На самом деле ярославские пастыри «примирились» с ним только на своем условии, и в дальнейшем не исполняли его многочисленных требований и указов о поминовании властей и т. п., что неминуемо вело их к окончательному разрыву. По свидетельствам очевидцев,

¹ Там же. С. 610.

² Там же. С. 615.

митрополит Агафангел был доведен до предела терпения требованиями упорствующего в своей разрушительной политике митрополита Сергия и незадолго до своей кончины готовился возобновить свой протест, но не успел. (См. в Приложении весьма ценное замечание об этом в письме митрополита Иосифа 1929 года.)

16 октября 1928 г. Владыка Агафангел отошел ко Господу. Утверждения о его полном примирении и согласии с митрополитом Сергием неоднократно будут встречаться в исторической литературе. Однако в памяти церковной святитель Агафангел останется как исповедник, не подчинившийся сергианской отступнической политике и вставший на защиту церковной свободы и, если и поколебавшийся решительно разорвать с тем, кто начал эту свободу попираť, то не по малодушию и страху, но по кротости и мягкости любвеобильного сердца, хранившего надежду на уврачевание заблуждения прегрешающего собрата архиерея и не подозревающего всей глубины этого заблуждения.

Характерно, что в первое время и сами «иосифляне», решительно отделившиеся от митрополита Сергия, не осуждали тех, кто продолжал сохранять общение с митрополитом Сергием, не соглашаясь при этом с его политикой. В знаменитой «иосифлянской» брошюре «Беседа двух друзей. О сергиевской смуте»¹ о таких клириках и мирянах говорилось, что их не только не должно осуждать, *«но почитать их как своих друзей, которые от них (иосифлян) разделяются не образом мыслей, но образом действий»*.

¹ Эта брошюра, написанная в 1928 г. идеологами «иосифлянства», протоиереем Феодором Андреевым и профессором Михаилом Новоселовым, входит в машинописный сборник «Дело митрополита Сергия: документы к церковным событиям 1927–1928 гг.». Китеж, 1929. Часть документов из него публиковалась в изданиях Русской Зарубежной Церкви. В недавнее время исследователи из Православного Свято-Тихоновского богословского института сообщили, что в процессе работы над следственным делом «Всесоюзной организации ИПЦ» в архиве ФСБ РФ обнаружен этот сборник объемом более 400 страниц. См.: Богословский сборник. Вып. 10. М.: ПСТБИ, 2002.

И далее авторы брошюры дают образное описание действий обеих групп: *«Действия отделившихся от митрополита Сергия епископов и клириков и неотделившихся можно образно представить в следующем виде. Первые, т. е. отделившиеся, как хирурги, сделали легкую операцию на теле больного, надеясь, что они своим отсечением предупредят ампутацию заболевшего члена. Вторые же, т. е. неотделившиеся, как любвеобильные родственники, свою любовью и преданностью утешают больного, представляя ему не так болезненно произведенную операцию. Те и другие имеют одинаковые намерения излечить тяжелобольного, хотя и действуют различно»*.¹

В ходе дальнейших событий, когда митрополит Сергей не только не исправлял ошибки, но все больше упорствовал в своей политике и, называя раскольниками и отщепенцами несогласных, подвергал их прещениям, им становилось ясно, что болезнь еще более усугубляется и не остается никаких иных методов лечения, кроме «хирургических». В связи с этим и оценки заблуждения митрополита Сергия со стороны «иосифлян» приобретают более строгий характер. Более требовательным становится и их отношение к единомысленным с ними. В этой связи весьма характерно суждение митрополита Иосифа о ярославских архиереях, примирившихся с митрополитом Сергием, в его письме к епископу Димитрию Гдовскому от 6 августа 1928 г.

«Дорогой Владыко! Да укрепит Вас Господь на Ваши святые труды для блага Церкви Его. Помолитесь, чтобы и мой “отдых” был на пользу и наилучшее, чем то, что мог бы я сделать трудами своими. Премного утешило меня сообщение о том, что Вы все бодро и терпеливо идете своим тесным путем. Эти сообщения премного устыждают меня в моем нетерпении и малодушии и дают мне новые силы и побуждения крепко стоять и впредь за дело Христово! Ярославские “дезертиры” меня как-то мало смутили и удивили. Да и в конце концов

¹ «Беседа двух друзей» // Православная жизнь. 1999. № 6. С. 20–21.

не в них дело и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. Самое их выступление в хронологическом отношении было позднее нашего и, если в свое время, казалось, было на пользу нам, то теперь — лишение этой “пользы” не составило для нас никакого вреда, оказавшись укором лишь для новых изменников и предателей истины и правды дела. Итак, мимо их — далее!.. Пусть они промелькнут как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути! Нам отставать по примеру их не приходится, чтобы не было в этом поощрения их малодушию и расслаблению. И от Господа бывали отпадавшие, уходившие от Него и оставлявшие Его в столь удивительном меньшинстве (12). Зато эти 12 (впрочем, и в этом маленьком числе оказался потом и еще “диавол” — *Ин. 6, 66–71*), выросли потом в то, что мы теперь хотим спасти и бережно охранить от новых предателей и разрушителей и что эти разрушители сумели опять умалить до “ничтожного меньшинства”. Но пусть опять и нас не смутит это! Будем крепко помнить, что большинством голосов (и подавляющим) была распята Сама Истина, и ссылающиеся теперь в свое оправдание на большинство — пусть лучше прочтут себе в этом жестокое обличение и укор, что и их “большинством” вновь распинается Христос — Истина! И как тогдашнее “большинство” к довершению печального сходства возглавляли и вдохновляли не какие-нибудь простые смертные, а поставленные Самим Господом для служения спасению верных Анны и Каиафы, так и теперь во главе новых распинателей Христовых видим тех, кого никак бы не следовало и не хотелось тут видеть. Кто даст себе труд углубиться побольше в смысл совершающегося, найдет множество других поразительных совпадений с тем, что показали нам Голгофа и Камень Воскресения. Вновь блеснут перед нами и Иуды, и Симоны, и удавившееся предательство, и покаявшееся отречение, и Симоны Киринейские, помогавшие крестоношению Христову, и “несмысленные и косные сердцем еже веровати”... и чувствовавшие “не сердце ли наю, горя бе наю... егда глаголаша” и т. д. ... И с особой живостью и радостью вновь чувствует сердце, что распятый большинством Христос все-таки опять воскрес, осиявая радостью верное ему мень-

шинство, а запечатлевшие Его гроб, запечатали для себя опять светлое видение и познание неумирающей Истины...».¹

Развитие «иосифлянского» движения

Вскоре после подписания Ярославской декларации и обращения к Петроградской епархии, митрополит Иосиф был вторично удален в ссылку. Он был арестован 26 февраля 1928 г. и вновь направлен в Николо-Моденский монастырь без указания сроков и причин ссылки, где находился под постоянным надзором без права выезда. Жил Владыка в келье со спальней, окна которой выходили во двор на храм. Он мог принимать посетителей, которые, как явствует из протоколов допроса, подвергались учету и порой обыскам.

В ссылке Владыку Иосифа постоянно навещали клирики и миряне. Они привозили письма, сообщения о событиях, спрашивали советов. Владыка передавал ответные письма, указы, распоряжения. Часто в монастырь к митрополиту навещались и родственники из Устюжны, благо до монастыря добираться было довольно близко — всего 35 км, а летом по Мологе ходили пароходы «Гаршин» и «Коловратский», капитаном одного из них был Александр Семенович Петровых — брат митрополита. На пароходе в гости к Владыке приезжала племянница Нина — приемная дочь сестры митрополита, Клавдии Семеновны Шишуновой. Только по большим церковным праздникам митрополиту разрешалось проводить службы в монастырских церквях. На эти службы стекалось много окрестных крестьян. Приезжали и земляки Владыки из Устюжны.

В апреле 1928 г. ссыльный митрополит предпринял последнюю попытку объяснить свою позицию гражданским властям в лице Е. А. Тучкова, направив в его адрес письмо с обоснованием своего отношения к властям и просьбой об освобождении из ссылки и возвращении в Ленинград. Получил ли ответ на свое письмо митропо-

¹ Акты Святейшего Тихона... С. 619–620.

лит Иосиф — неизвестно, но он был оставлен в ссылке в Николо-Моденском монастыре.

Несмотря на свою удаленность от Петроградской епархии и изолированность от основных событий и их участников, митрополит Иосиф считался главой антисергианской оппозиции, которую вскоре стали называть «иосифлянским» движением. Сам Владыка Иосиф даже в своих показаниях на следствии 1930 г., в которых по понятным причинам он старался преуменьшить свое участие и свою роль, тем не менее, признавал:

*«Отрицая свое руководство над антисергианским течением, я все же сознаю, что нужно же кому-нибудь было быть духовным руководителем и советником того духовенства и верующих, которые в силу лжи митрополита Сергия отошли от него и примкнули к нашей церковной группе, а так как кроме меня никого из митрополитов не было, то только этим я и объясняю, что ко мне со всего Союза приезжало духовенство и верующие за советами. После того как я был выслан в Моденский монастырь, своим заместителем я назначил епископа Димитрия, а после ареста последнего руководство перешло к епископу Дружинину Сергею. Первое время, епископ Димитрий являлся моим заместителем только по Ленинградской епархии, но впоследствии, когда антисергианское течение разрослось далеко за пределы Ленинградской епархии, я не мог ему запретить, да и сам с ним был согласен на то, чтобы всем обращающимся к нему за руководством, он давал советы. Сам епископ Димитрий по всем вопросам меня ставил в известность, спрашивал у меня как у своего митрополита советов и руководства».*¹

Интересное свидетельство об архипастырском руководстве митрополита Иосифа содержит письмо-обращение петроградского священника новомученика Николая Прозорова, направленное митрополиту Иосифу, вероятно, в феврале 1929 г. Отец Николай просит митрополита ответить на ряд важных вопросов, волновавших в то

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 309.

время всех пастырей антисергианской оппозиции: как принимать крещенных обновленцами и сергианами, как принимать клириков, рукоположенных сергианами, как отпевать невенчаных церковным браком. Очевидно, что ответы митрополита, как писал отец Николай, имели руководящее значение для всего иосифлянского духовенства.¹

Письма митрополита Иосифа переписывались и распространялись среди клириков и мирян антисергианской оппозиции. Широкое хождение имела следующая записка Владыки, написанная им после вызова агентами ГПУ и их требования представить письменный ответ на их вопросы: *«Толковать с вами — самое бесполезное и безнадежное дело, мы никогда не столкнемся. Вы никогда не сделаете того, чего я хочу. Я никогда не сделаю того, что вам нужно. Вам нужно уничтожение Христа, мне — Его процветание... По-вашему, мы мракобесы, по-нашему, вы настоящие сыны тьмы и лжи... Вам доставляет удовольствие издеваться над религией и верующими, таскать по тюрьмам и ссылкам ее служителей. Нам кажется величайшей дикостью, позором из позоров XX века ваши насилия над свободой совести и религиозными убеждениями человечества».*²

И хотя на следствии 1930 г. Владыка Иосиф подчеркивал, что он писал это в состоянии крайнего нервного возбуждения, и что эта записка выражает только его личное мнение, но он признавал очевидный факт, что эти и подобные мысли в его письмах из-за его резкости воспринимались отдельными лицами как *«директивные указания в антисоветском духе»*.³ На одном из допросов 1930 г. Владыка подтвердил, что он писал священнику Викторину Добродрагову о том, что: *«Борьба, которую ведет Советская власть с Истинной Православной Церковью,⁴ есть борьба не с нами,*

¹ Полностью письмо приводится в Приложении.

² «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 307–308.

³ Там же. Л. 342.

⁴ Вероятно, это письмо дает основание некоторым исследователям полагать, что термин «Истинно-Православная Церковь», который стали

а с Ним, Богом, Которого никто не победит, и наше поражение, ссылка, заточение в тюрьмы и тому подобное не может быть Его, Бога, поражением. Смерть мучеников за Церковь есть победа над насильем, а не поражение». Тогда же он заявил следователю: «Никакими репрессиями со стороны Советской власти наше течение не может быть уничтожено. Наши идеи, стойкость в чистоте Православия пустили глубокие корни».¹

С начала 1928 г. иосифляне начинают совершать тайные архиерейские хиротонии. Одним из первых был рукоположен в Серпухов епископ Максим (Жижиленко).² Весной 1928 г. в Ленинграде на квартире протоиерея Феодора Андреева проходит важное совещание, в котором участвуют епископ Гдовский Димитрий (Любимов), епископ Козловский Алексей (Буй), московский протоиерей Николай Дулов и профессор Михаил Новоселов. *«Важнейшим итогом совещания стало распределение сфер влияния. Владыка Димитрий поручил епископу Алексею управление всем югом России и Украиной, в том числе окормляемыми ранее им самим приходами, мотивируя это их удаленностью от Ленинграда. Епископ Козловский полностью признал руководство епископа Димитрия и уладил все спорные вопросы с ним».*³ Настоятель Владимирской церкви Сергей Бутузов, единомышленник епископа Алексея (Буя) в 1928 г., через полтора года заявил на допросе: *«Для меня и епископа Алексея Ленинград был святыней, и я верил всему, что оттуда исходило».*

Епископ Димитрий, помимо руководства Петроградской епархией, непосредственно окормлял приходы на Кубани, в Москов-

применять к иосифлянскому движению, впервые ввел в употребление именно митрополит Иосиф.

¹ «Дело ИПЦ» Т. 11. Л. 329.

² Жизнеописание священномученика Максима, епископа Серпуховского, приводит в своем двухтомном труде протопресвитер Михаил Польский «Новые мученики Российские» (Джорданвилль, 1957 г.).

³ Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999. С. 226–227.

ской, Тверской, Витебской и других областях. 25 декабря 1928 г. митрополит Иосиф возвел епископа Димитрия в сан архиепископа (См. указ об этом в Приложении).

Весьма укрепило позицию иосифлян известие о позиции патриаршего местоблюстителя митрополита Петра. В 1929 г. архиепископ Димитрий получил от епископа Дамаскина (Глуховского) достоверные сведения об отрицательном отношении митрополита Петра к политике митрополита Сергия. По просьбе Владыки Димитрия протоиерей Григорий Селецкий изложил эти сведения в письме митрополиту Иосифу от 17 сентября 1929 г. (См. это письмо в Приложении).

Значительную роль в иосифлянском движении играл профессор М. А. Новоселов¹ как в организационном плане, так и в экклезиологическом. Им был написан целый ряд документов, обосновывающих церковную позицию отделившихся от митрополита Сергия, например, составленный в марте 1928 г. документ «Почему мы отошли от митрополита Сергия» или брошюра «Что должен знать православный христианин», которая потом, по свидетельству историков, проходила почти во всех судебных процессах над иосифлянами в качестве вещественного доказательства.

Именно в этой брошюре утверждалось, что *«на современную нам гражданскую власть каждый христианин должен смотреть как на поущение Божие для нашего наказания и вразумления»; «христианство и коммунизм взаимно исключают друг друга, и борьба между ними неизбежна»; «введен гражданский брак, который в самом корне уничтожает идею семьи, установленную самим Богом, и получается скотская жизнь»; «патриотизм заменен интернационализмом и классовой борьбой»; «гражданская власть*

¹ Остается загадкой вопрос о его епископстве. Существует предание о том, что он был тайно рукоположен в епископа в 1923 г. Большинство исследователей подвергает этот факт сомнению, ссылаясь на отсутствие подтверждающих документов. Однако на одном из протоколов его допроса в политизоляторе в 1930-х гг. рукой следователя написано «епископ Марк».

предъявляет Православной Церкви требования оправдать ее противные христианству действия, т. е. признать революцию, которая есть насилие, и Церковь никогда оправдана быть не может»; «причина гонения на Церковь со стороны неверующей власти заключается в стремлении подчинить Церковь своему влиянию и через Церковь приготовить народ к будущему принятию антихриста как политического и духовного главы падшего человечества»¹ — все это вскоре станет главным обвинением «в контрреволюционных действиях» для арестованных. А самому М. А. Новоселову следствием будет отведена одна из решающих ролей в разрабатываемой версии «церковно-административного центра организации “истинно-православных”». Митрополит Иосиф в своих показаниях упоминает о приезде к нему М. А. Новоселова:

«Со мной Новоселов беседовал о положении в Церкви, создавшемся после декларации Сергия. Он говорил о том, что позиция декларации неприемлема для верующего народа и, в частности, для каких-то “ревнителей церковных из интеллигенции”. Имен кого-либо из представителей такого рода интеллигенции при этом не было названо. О нас же, представителях иерархии, говорилось, что и нам тоже пора сказать свое слово. Позже архиепископ Серафим Угличский показал мне, переслав, кажется, его письмо, Новоселова, в котором последний анализировал трех лиц с точки зрения пригодности их к возглавлению нового церковного течения. Относительно меня и Агафангела говорилось, что мы мало пригодны: я — как склонный более к созерцательной жизни, а Агафангел — как престарелый. Называя Серафима “сыном”, Новоселов выдвигал на эту роль его, как более молодого и энергичного. <...> На отход Агафангела и его группы, на их оформление в самостоятельное течение он (Новоселов) повлиял в том смысле, что подлил, как говорится, масла в огонь: он подтолкнул их на том пути — на котором они уже стояли <...>».²

¹ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 227–228.

² «Дело ИПЦ» Т. 11. Л. 337.

Митрополит Иосиф подчеркивал, что на него лично Новоселов особого влияния не имел, но имел влияние на митрополита Агафангела и архиепископа Серафима, и что Серафим подготавливал какой-то протест против декларации митрополита Сергия. Это было, вероятно, знаменитое послание архиепископа Серафима к Церкви, призывающее архиереев к самостоятельному управлению епархиями, с обращением в случае крайней нужды к митрополиту Иосифу¹.

Сам митрополит Иосиф не был причастен к этой инициативе, полагая, что в отношении митрополита Сергия уже достаточно сказано и сделано. (См. письмо митрополита Иосифа протоиерею в Приложении).

Гонения на иосифлян

Митрополит Сергей сразу же предпринял самые энергичные меры против оппозиции. Помимо запретов в священнослужении и других прещений² он назначил на Ленинградскую кафедру митро-

¹ Косик О. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003. С. 302–329.

² 24. 07/06. 08. 1929 г. митрополит Сергей и его Синод приняли постановление № 1864 об отношении к священнодействиям, совершенным «раскольничьим» клиром. В этом постановлении все таинства, совершаемые последователями митрополита Иосифа, епископа Димитрия и епископа Алексия (Буя), признаются наравне с обновленческими недействительными и повелевается: *«Обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство св. миропомазания; браки, заключенные в расколе, также завершать церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы: “Отец, Сын и Св. Дух”. Умерших в обновленчестве и в указанных расколах не следует хотя бы и по усиленной просьбе родственников отпевать, как и не следует совершать по ним заупокойную литургию. Разрешать*

полита Серафима (Чичагова), а затем направил в Ленинград для увещевания и разоблачения «раскола» епископа Мануила (Лемешевского), пользовавшегося большим уважением в Петроградской епархии после его успешной борьбы с обновленцами в 1922–1923 гг. Описывая деятельность последнего в Ленинграде, а затем в Серпухове, митрополит Иоанн (Снычев) утверждает, что благодаря епископу Мануилу был нанесен «*сокрушительный удар главным силам раскола*», и «*иосифлянское движение начало быстро падать*».¹ Однако в той же своей книге несколькими страницами выше митрополит Иоанн приводит список из 22 храмов, присоединившихся к иосифлянам в период с мая 1928 по осень 1929 г., то есть после «*сокрушительного удара епископа Мануила*»!² Современный историк М. В. Шкаровский в своих работах утверждает, что в Ленинградской епархии летом и осенью 1928 г. к иосифлянам присоединилось 25 храмов. Всего по уточненным архивным данным, в Ленинградской епархии к иосифлянам присоединился 61 приход, в том числе 23 — в Ленинграде.³

К лету 1928 г. иосифляне распространили свое влияние далеко за пределы Ленинградской области — в Архангельскую,⁴ Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Великоустюжскую,⁵ Вологодскую, Витебскую епархии. В Московской епархии иосифлянское движение охватило города Коломну, Волоколамск, Клин, Загорск, Звенигород и Серпухов, ставший центром движения, так как в мае 1928 г. сюда был назначен епископ Максим (Жижиленко). На Украине к иосифлянам присоединились клирики и миряне ряда приходов

только проводы на кладбище с пением “Святый Боже”». Цит. по: Акты Святейшего Тихона... С. 644.

¹ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 296.

² Там же. С. 261–262.

³ Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. С. 221.

⁴ С епископом Каргопольским Василием (Дохтуровым).

⁵ В епархии часть приходов увлек за собой епископ Никольский Иерофей (Афоник).

в Киеве, Харьковском, Сумском и Полтавском округах¹. В Воронежской области и на юге России десятки иосифлянских приходов возглавил епископ Козловский, управляющий Воронежской епархией Алексий (Буй), на Северном Кавказе к иосифлянам примкнул епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко), организовавший тайные монашеские общины в горах Причерноморья. Присоединились к иосифлянам также отдельные приходы в Татарии, Башкирии, Сибири, на Урале и в Казахстане.

По словам митрополита Иоанна (Снычева), *«все это было очень малым и незначительным проблеском жизни иосифлянского раскола. В главных же своих источниках он шел на замирание. Епископ Димитрий (Любимов) прилагал все свои старания приостановить это замирание. Он часто служил то в одном, то в другом храме и даже не считал за трудность посещение частных лиц, проживающих за городом в сельской или пригородной местности. Так, он неоднократно приезжал в г. Гатчину к некоей болящей схимонахине Марии Леляновой,² разделявшей с*

¹ Епископы Старобельский Павел (Кратиров), Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов).

² Эта «некая схимонахия» — замечательная исповедница, страдальца. Она была полным инвалидом, с 1917 г. прикованной к постели тяжелым недугом. Переноса со смирением и кротостью посланное испытание, через молитву и самоуглубление приобрела высокие духовные дары и среди них великий дар утешения скорбящих. Ее стали навещать многие страждущие в скорбях и печалях, и все находили у нее утешение. «Постепенно слава об этой необыкновенной монахини распространилась далеко за пределы города Гатчины. Матушка Мария жила в маленьком деревянном домике на окраине города. Посетивший ее в марте 1927 г. профессор И. М. Андреев рассказывает, что в ожидании приема он рассматривал многочисленные фотографические карточки приемной комнаты и нашел две: митрополита Вениамина и митрополита Иосифа. Митрополит Иосиф на своей карточке надписал трогательное посвящение матушке Марии, приведя большую цитату из своего труда — “В объятиях Отчих”, а митрополит Вениамин надписал кратко: “Глубокочитимой

ним одни мысли о современном положении Церкви... Характерно, что умиравшее движение иосифлян временами как бы пробуждалось и пыталось закрепиться слабыми корнями на поверхности церковной жизни. Однако сила Православия разрывала нити корней и не давала возможности укрепляться».¹

Но исторические факты со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в разгроме иосифлянского движения гораздо большую роль сыграла «сила» совсем иного рода,² а именно — широко-масштабные аресты духовенства и мирян во многих областях. В Ленинграде из 22 иосифлянских храмов лишь 6 перешли затем под управление митрополита Сергия, а 17 были закрыты властями. Несколько приходов епархии присоединились к иосифлянству осенью 1928 г., а нижний храм церкви Воскресения Христова (в Малой Коломне) стал иосифлянским 21 октября 1929 г.³

Первоначально чекисты не мешали оппозиции и даже провоцировали ее развитие, но при этом ситуацию держали под контролем

страдалице матушке Марии, утешившей среди многих скорбящих и меня, грешного»». (Цит. по: *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские... Ч. II. С. 255). В 1932 г. матушка Мария была арестована. Чекисты волокли по земле ее неподвижное скованное тело, а затем, раскачав, бросили в грузовик и увезли в тюрьму. Через месяц приносившим передачу в тюрьму сообщили, что матушка Мария умерла в больнице.

¹ *Иоанн (Снычев), митр.* Указ. соч. С. 300, 299.

² Та самая сила, которая и работу митр. Иоанна (а это была его магистерская диссертация в Московской Духовной академии в 1966 г.) сделала, по его же словам, «своеобразным памятником эпохи», в котором «не могло быть и речи об упоминании карательных антицерковных акций ВЧК-ГПУ-НКВД, расстрелов архиереев и священников, о зверствах палачей и всенародном исповедничестве», и «была исключена всякая возможность сочувственных отзывов о тех, кого официальная пропаганда клеймила как “реакционеров”, “мракобесов”...». См.: *Иоанн (Снычев), митр.* Указ. соч. С. 6.

³ *Шкаровский М. В.* Митрополит Иосиф (Петровых) и иосифлянское движение / «История Русской Православной Церкви в XX в. (1917–1933 гг.)». Материалы конференции в Сентендре, 2001. С. 343–344.

и внимательно следили, чтобы оппозиция не набрала слишком большой силы. Так, в секретном донесении Ленинградского ГПУ в Москву от 17 марта 1928 г. сообщалось об активной организационной работе оппозиции, распространении различных документов, направленных против митрополита Сергия, установлении письменной и путем разъездов связи с духовенством других епархий:

«Вся эта работа оппозиционных церковников приблизительно к половине февраля приняла настолько интенсивный характер и внушительные размеры, что среди сергиевцев стало наблюдаться состояние некоторой неуверенности и растерянности. К этому времени от митр. Сергия и его управляющего Ленинградской епархией епископа Николая Ярушевича официально отошло 8 церквей. Количество же хотя и признавших Сергия, но не упоминающих его имя в богослужениях, было значительно больше.

*Чтоб несколько парализовать дальнейшее развитие и усиление оппозиции, нами был арестован ее наиболее ярый и фанатичный представитель, допускавший в своих речах антисоветские настроения — священник Измаил Рождественский и с ним вместе иподиакон и слушатель богословских курсов, ездивший с поручениями от оппозиции к сосланным церковникам — Сергей Апланов».*¹

Летом-осенью 1928 г. были арестованы видные священники Василий Бондырев, Сергей Тихомиров и Феодор Андреев. Отца Сергия отпустили, отец Василий был расстрелян, отец Феодор заболел туберкулезом горла и был в начале 1929 г. отпущен умирать домой без приговора. В мае 1929 г. он умер, на его похороны собрались тысячи людей, по словам очевидцев, со времени похорон Достоевского Петербург не видел такого скопления народа.

Тогда же, весной 1929 г., начались ширококомасштабные репрессии против иосифлян и антисергианской оппозиции в целом. Исследователи отмечают четыре главных этапа этих репрессий, в резуль-

¹ «Совершенно секретно. Срочно. Лично тов. Тучкову». С. 375–376.

тате которых к началу 1933 г. с легальной церковной оппозицией практически будет покончено.¹

На первом этапе гонений с марта по ноябрь 1929 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности были арестованы священнослужители и активные миряне из антисергианской оппозиции в Ленинграде, Москве, Ярославле, Воронеже, Вятке. Среди арестованных были тайный епископ Максим (Жижиленко), епископы Иларион (Бельский) и Алексий (Буй), получившие по три года Соловецкого концлагеря, и М. А. Новоселов (тайный епископ Марк), получивший 3 года политизолятора.

С осени 1929 г. по апрель 1930 г. последовала вторая волна репрессий — многочисленные аресты в Ленинграде, Центрально-Черноземном районе, на Кубани, Украине, Северном Кавказе. 29 ноября 1929 г. был арестован архиепископ Димитрий Гдовский, тогда же последовали аресты других иосифлянских клириков. Двое из них, протоиерей Сергей Тихомиров и иерей Николай Прозоров, 3 августа 1930 г. были приговорены к расстрелу. Архиепископу Димитрию расстрел из-за преклонного возраста заменили приговором к 10 годам концлагеря.

С апреля 1930 г. по февраль 1931 г. следуют новые аресты в Ленинграде,² Москве, Украине, на Юге России и Казани в основном по обвинениям в создании «филиалов контрреволюционной церковно-монархической организации „истинное православие“». К следствию привлекаются и ранее осужденные, например, епископ Максим (Жижиленко) по делу о «московском филиале ИПЦ»; епископ Алексий (Буй) — по делу «о воронежском филиале ИПЦ».

Приговоры по этим делам были жестокими. По делу о «московском филиале» 18 февраля 1931 г. к расстрелу были приговорены

¹ См.: *Осипова И. И.* Указ. соч.; *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

² Только за один день 18 февраля 1931 г. в Ленинграде было арестовано около 500 человек, из них 270 монашествующих. Таким образом, почти все иосифлянское духовенство было репрессировано. Оставшиеся на свободе перешли к тайному служению.

17 человек, среди них и епископ Максим (Жижиленко), 12 человек получили по 10 лет лагерей. По делу «воронежского филиала» 28 июля 1930 г. 12 человек были приговорены к расстрелу, среди них и епископ Алексей (Буй). Но в отношении него приговор был отменен, так как он был вывезен в Москву и привлечен по новому делу — «Всесоюзного центра контрреволюционной монархической организации “Истинно-Православная Церковь”».

Это дело разрабатывалось центральными органами ОГПУ с осени 1930 г. почти параллельно с делами «филиалов» на местах. В Москву свозились архиереи, клирики и активные миряне, рассматриваемые следствием как руководители Центра, производились новые аресты, привлекались уже ранее осужденные. 28 января 1931 г. ОГПУ был выпущен циркуляр о препровождении обвинительных заключений по местным организациям «истинно-православных» начальнику секретного отдела Я. Агранову. Со всей страны в Москву направлялись шифротелеграммы о ликвидации «филиалов ИПЦ».

Очевидно, что осуществлялся какой-то общий план разгрома церковной оппозиции, объединенной по версии чекистов в единую организацию под названием «истинно-православных церковников» или «Истинно-Православной Церкви». В специальном введении в обвинительном заключении по следственному делу Всесоюзного центра Истинно-Православная Церковь под заголовком «История возникновения организации» «летописцы» ГПУ повествовали о борьбе Православной Церкви с советской властью «с начала Октябрьской Революции», указывали на существование внутри так называемой «Тихоновской церкви» «наиболее непримиримо настроенных к Соввласти кругов мирян, духовенства и иерархов, монархистов по убеждениям и связанных с к/р монархическими организациями», которые после декларации митрополита Сергия сформировали якобы «к/р монархическую организацию церковников “истинно-православных”».

По чекистской версии, «руководителями к/р церковников в Москве» (где решающая роль отводилась профессору М. А. Ново-

селову) был создан в Ленинграде *«достаточно влиятельный, спаянный общей ненавистью к Сов. власти и готовый к борьбе за идеалы “старой Руси” — самодержавие и православие, церковно-административный центр организации “истинно-православных” вокруг храма Воскресения-на-крови»*. Во главе этого Центра следствие поставило митрополита Иосифа (Петровых), архиепископа Димитрия (Любимова), епископа Сергия (Дружинина), епископа Василия (Докторова), являвшихся, по мнению следствия, *«махровыми монархистами»*. В отношении митрополита Иосифа особо отмечалось, что его *«церковно-политические взгляды ярко выражены в изданном им дневнике “В объятиях Отчих”, напоминающем творения Иоанна Кронштадтского, церковного апологета монархизма»*.

Митрополит Иосиф в деле «Всесоюзного Центра ИПЦ»

Митрополит Иосиф был арестован в Николо-Моденском монастыре 12 сентября 1930 г. и привлечен к следствию по делу «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников “Истинно-Православная Церковь”». ¹ Арестованный Владыка сначала содержался в одной из ленинградских тюрем, затем был этапирован для дальнейшего следствия во внутреннюю тюрьму ОГПУ в Москве. Предъявленные обвинения, как явствует из анкеты, заполненной митрополитом Иосифом 17 ноября 1930 г., заключались *«в руководстве контрреволюционной организации и в создании монархических церковных групп»*. *«Оба обвинения с негодованием мною отвергнуты»*, — написано рукой митрополита Иосифа, а в графе «Примечания заключенного» им приписано: *«Более подробно опро-*

¹ По некоторым сведениям, арест произведен 9 сентября 1930 г., хотя последние данные о прекращении деятельности монастыря относятся еще к концу 1929 г.

вержение обвинений дано в особом заявлении на имя Ленинградского областного Прокурора, поданном 15 ноября с<его> г<ода> через начальника Ленинградского ДПЗ.

С 22 сентября Владыка допрашивался в Ленинграде, а со второй половины ноября — в Москве. С первых же допросов Владыка отвергал какую-либо политическую окраску антисергианского движения и отрицал свою руководящую роль: *«Я сам значительно позднее втянут был в это течение, и не оно шло и идет за мной, а скорее я плетусь в хвосте за ним, не сочувствуя многим его уклонам вправо и влево»*.¹

Рассказывая о неприятии антиканонических деяний митрополита Сергия в Ленинградской епархии, Владыка подчеркивал чисто церковный характер антисергианской оппозиции: *«Недовольные Сергием решили прервать с ним общение как с администратором и управляться в своей общине самостоятельно с зарегистрированными при Храме Воскресения-на-крови духовными руководителями, митрополитом Иосифом и епископом Димитрием, которому и были мною переданы соответствующие полномочия. Никакого другого оформления, политического или церковного, эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковной деятельностью, чуждой гражданской политике»*.² Критику митрополита Сергия Владыка Иосиф не рассматривал как критику власти.

В своих собственноручных показаниях 27 сентября 1930 г. он писал: *«Лакейский подход Сергия к Власти в его церковной политике — факт неопровержимый. И вся Советская печать гораздо злее и ядовитее нас высмеяла это лакейство³ и в стихах,*

¹ «Дело...». Т. 11. Л. 305 об.

² Там же. Л. 320.

³ Так, уже в сопроводительной статье к опубликованной в газете «Известия» Декларации митрополита Сергия писалось: «Только наиболее тупые и заскоружные представители духовенства неспособны были понять и увидеть, что политическое равнение по пастве, по трудовому

и особенно в фельетонах, и юмористических иллюстрациях. Почему же нам это воспрещено?

За хранение и распространение этой критики людей преследуют, как за хранение чего-то антисоветского. Правда, здесь прорываются иногда вопли, как будто бы и Власть задевающая. Но ведь это неизбежно, как одна крайность при другой, как невольная отрыжка тех подхалимств, до которых дошел наш недавний “господин-лакей” Сергей. В этих же воплях, в этой отрыжке — нет однако же **активного** противодействия Власти, а простое подчеркивание контрастов. В самом деле, если Сергию — по пословице — “плюнь в глаза, ему все будет Божья роса”, то мы говорим, что плевков есть плевков, и только. Сергей хочет быть лакеем Советской власти, — мы хотим быть честными, лояльными гражданами Советской Республики с правами человека, а не лакея, и только».¹

Во время допросов митрополит Иосиф неоднократно формально отмежевывался от всех антисоветских выпадов движения и заявлял о своей лояльности советской власти. На допросе 5 октября 1930 г. митрополит Иосиф заявлял: «Я отмечаю все антисоветское и каюсь в ошибках, от которых, повторяю, так трудно всякому уберечься. Я готов на все, что нужно, **в пределах возможного** (выделено Составителем), для восстановления доверия ко мне власти и доказательство моей лояльности к ней»². На другом допросе он просил о снисхождении: «Я прошу вновь Власть простить мне мои ошибки, о коих выражаю искреннейшее сожаление, и принять мое “честное” (и отнюдь не лакейское) заверение, что сознательным врагом и вредителем Власти никогда не был и быть

народу — необходимое условие сохранения за церковью того, что у нее еще осталось, и, прежде всего, сохранения тех доходов, которые простодушная паства им еще доставляет». Среди церковников // Известия ВЦИК. 1927. № 188 (3122). 19 августа.

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 330.

² Там же. Л. 327.

не могу в силу своего далеко не дворянского происхождения и в силу того, что никогда не был особым сторонником старого режима, с коим у меня посему даже были в прошлом немалые недоразумения (прекращение мною в 1905 году всякого поминовения царской фамилии за Богослужением, за это лишение на некоторое время возможности священнослужения, перевод на худшее место, лишение наград, повышений по службе и т. п.)»¹

Вместе с тем, заявляя, что никакой контрреволюции не терпел и не потерпит в своем окружении, Владыка Иосиф подчеркивал: «Но, конечно, и совестью своей торговать не намерен, и всякую попытку использовать свои силы вопреки декрету о невмешательстве в дела чисто церковные и духовные встречу отпором, ничуть не боясь погрешить этим против Власти Гражданской, если только она верна своим же собственным декретам и духу своих постановлений о свободе веры и совести каждого».²

Отстаивая свое право сочувствия антисергианству и отрицая какую-либо политическую его окраску и контрреволюционную антигосударственную направленность, митрополит Иосиф ссылаясь на советские законы: «Ведь у нас столь красивые (но уже ли лживые?) декреты о свободе совести, об отделении церкви от государства, о свободе всякого вероисповедания, о невмешательстве в чисто церковные дела, о запрещении поддерживать одну религиозную организацию в ущерб другой. И если законы пишутся для того, чтобы их исполнять, то не там ли настоящая контрреволюция, где эти революционные законы не исполняются, и этим самым они только роняются, уподобляясь “филькиным грамотам”?»³

Вероятно, заявляя о своей лояльности (то есть законопослушности), митрополит Иосиф несколько не кривил душой, поскольку говорил о подчинении провозглашенным советским законам, которые

¹ Там же. Л. 331.

² Там же. Т. 4. Л. 651.

³ Там же. Т. 11. Л. 306–307.

формально не заставляли христианина идти против совести, а при их соблюдении могли даже обеспечить вполне сносное существование Церкви и верующим. Однако, ясно, что к тому времени митрополит Иосиф уже прекрасно понимал, что эти, как и многие другие, советские законы, остаются лишь пустым звуком и служат для построенной изначально на лжи власти лишь цивилизованным прикрытием ее жесточайших гонений на Церковь, которые она также лживо отрицает и преподносит как борьбу с политической контрреволюцией. *«С точки зрения власти, — говорил Владыка на допросе 5 октября 1930 г. — борьба с религией подводит под угрозу репрессий всякого верующего человека. Вот и в моем деле: я категорически отказываюсь от обвинений меня в активной контрреволюционности и в антисоветской деятельности. Но оправдаться в этом трудно, потому что мы стоим на разных точках зрения по существу спорных пунктов. Простое слово, сказанное в защиту своей точки зрения, является обидным для иначе настроенной власти, и, следовательно, уже “антисоветским”»*.¹

И хотя по поводу найденной у него рукописи, которая имела широкое хождение среди иосифлян,² митрополит на одном из первых допросов в Ленинграде выражал сожаление, что мог допустить такие мысли, и утверждал, что они были написаны им в состоянии крайнего нервного возбуждения при вызове к следователю и не были сразу уничтожены только потому, что в суматохе рукопись куда-то завалилась. Но очевидно, что именно эта «завалившаяся» рукопись, а не запротоколированные показания на допросах, выражала сокровенные мысли и истинное отношение Владыки к богоборческой власти.

3 сентября 1931 г. был вынесен приговор по делу «Всесоюзного Центра ИПЦ». Все обвиняемые были разделены на две группы. По версии следствия, первая группа, *«левая, ограничившаяся в то время объявлением митрополита Сергия изменником и созда-*

¹ «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 327.

² См. выше, в главе «Развитие иосифлянского движения».

нием собственного центра во главе с митрополитом Иосифом Петровых», и вторая, так называемая правая, не только «объявившая митрополита Сергия изменником, но и связавшаяся идейно с руководящим центром “имяславия” на основе его программы — свержения советской власти (“власти антихриста”) и восстановления монархии. Вторую группу (правую) возглавлял архиепископ ленинградский — Димитрий Гдовский».¹

Всего по делу «Всесоюзного Центра ИПЦ» было осуждено 32 человека. Участники «правой» группы получили по 8–10 лет лагерей, епископ Алексей Буй и протоиерей Анатолий (Жураковский) были приговорены к расстрелу с заменой на 10 лет заключения в лагерь. Участники «левой» получили по 3–5 лет концлагерей или ссылки. Митрополит Иосиф (Петровых) был осужден «на пять лет концлагеря с заменой на ссылку на тот же срок в Казахстан».²

После завершения дела «Центра ИПЦ» богоборческие власти начнут новый этап массовых репрессий. Согласно своему плану, после создания разделения в церковной среде и расправы с церковной оппозицией, то есть менее лояльной (или вернее, менее покорной), они приступят к уничтожению остальной, более лояльной части. И теперь церковная принадлежность не будет играть особой роли — в тюрьмах и лагерях окажутся даже самые преданные сторонники митрополита Сергия. Разделяя судьбу своих прежних оппонентов, они на своем горьком опыте убедятся во всей бесполезности заявлений и «проявлений» верности советскому правительству, в тщетнос-

¹ Осипова И. И. Указ. соч. С. 41.

² Столь «мягкий» приговор одному из руководителей «Всесоюзного центра ИПЦ» (по версии чекистов) по сравнению с расстрельными приговорами десятков монахов и священников по делам «филиалов ИПЦ» в регионах, объясняется, вероятно, тем, что отправка известных архиереев в ссылки давала возможность чекистам выявлять оставшихся на свободе и ушедших в подполье истинно-православных иереев и мирян, которые должны были связываться со своими пастырями, чтобы помочь им в заключении. См.: Осипова И. И. Указ. соч. С. 41.

ти надежд на мирное течение жизни в результате компромисса с богоборцами, за который они заплатили церковной свободой.¹

Последние годы жизни

О жизни митрополита Иосифа в ссылке известно немного. Перед отправкой в ссылку он увиделся на свидании в тюрьме с сестрой Клавдией, которая специально приезжала в Москву навестить брата. В сентябре 1931 г. Владыка Иосиф был отправлен в Алма-Ату, оттуда — в Чимкент, и затем по распоряжению Чимкентского ОГПУ — в село Ленинское Каратасского района. Вероятно, к этому времени относится его рассказ, переданный по воспоминаниям его прихожанки в очерке протопресвитера Михаила Польского: *«Он жил в хлеву со свиньями в плетеном сарае, спал на досках, отделенный от свиней несколькими жердями. Холод и жару, всякую непогоду и тяжелый воздух он переносил в этих условиях. Однажды змея, держась за жердь его потолка, спустилась над его головой. Эти условия и были, очевидно, причиной его болезни»*.²

Ко времени встречи этой свидетельницы с Владыкой — 1936 г. — он жил уже в других условиях. Ему разрешено было найти квартиру. Заботившийся о нем его тайный постриженник, архимандрит Арсений (Борис Григорьевич Корди) из Алма-Аты устроил ему комнату и содержал Владыку материально, он же *«заботился о его еде не только в сытости, но и с соблюдением диеты, (Арх<им.> Арсений) достал ему сперва цитру, затем фисгармонию, что*

¹ К 1939 году на свободе вместе с митрополитом Сергием осталось всего четыре архиерея. Десятки епископов и тысячи священнослужителей были расстреляны. *«Подавляющее большинство из тех священнослужителей, которые оставались в живых, находились в лагерях и ссылках. Церковная организация была разгромлена... К 1939 году на всей территории России осталось лишь около 100 соборных и приходских храмов»*. См.: Цыпин В., прот. История Русской Церкви. М., 1994. С. 103–107.

² Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 2.

для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он перекладывал псалмы на музыку и пел».¹

С какого времени Владыке Иосифу было позволено жить в более-менее сносных условиях — неясно. В книге М. Польского говорится, что митрополиту было разрешено жить в Чимкенте.

В публикации В. Антонова, со ссылкой на магнитофонную запись беседы с Ниной Алексеевной Китаевой, также утверждается, что Владыка жил «на окраине Чимкента на Полторацкой улице, около арыка, за которым простиралась нераспаханная степь. В небольшом казахском глинобитном доме он занимал комнату с верхним светом, обставленную очень скромно: в ней стоял грубо сколоченный стол, топчан, на котором спал митрополит, и пара стульев. Вставал владыка в шесть утра, и каждое утро один служил за аналоем, на который ставил небольшой резной складень. Кончив службу, он шел на базар за покупками, завтракал, немного отдыхал и садился читать. Книги ему присылали или давали местные ссыльные. Часто из России приходили с оказией посылки или деньги, поэтому митрополит жил, не нуждаясь».²

Вести хозяйство Владыке помогала его землячка, монахиня — бывшая учительница из Устюжны — Коранатова Мария Ивановна, с которой Владыка дружил с детства.³ Мария Ивановна помогала Владыке

¹ Там же. С. 4.

² Антонов В. «Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде» // Возвращение. 1993. № 4. С. 52.

³ В Устюжне до сих пор сохранилось предание о трогательной истории этой дружбы. Ваня Петровых и Маша Коранатова были самыми неразлучными друзьями с детства. Но что-то произошло накануне отъезда Вани на учебу, и они поссорились. При расставании Ваня якобы сказал, что когда он станет священником, то Маша еще поцелует ему руку. На что Маша ответила: «Ни за что!»... Как было на самом деле, неизвестно. Но в первых записях в дневнике Владыки Иосифа «В объятиях Отчих», где он пишет о трудностях и борьбе, претерпеваемой перед монашеским постригом, есть упоминание о том, что у него была невеста М. Вполне вероятно, что это и была Мария Коранатова.

еще во время его ссылки в Николо-Моденском монастыре. Из ее письма в ПСК от 7 августа 1931 г. известно, что в 1930 г. из-за вздорожания жизни в Устюжне она переехала в Модно, где до получения комнаты в сельсовете жила у митрополита Иосифа, которого, по ее словам, она знала еще мальчиком, а ее отец помог ему в свое время получить образование. Мария Ивановна пользовалась столом митрополита Иосифа, готовила ему обед, стирала. Через четыре месяца после ареста митрополита, 7 января 1931 г. она была арестована и заключена в тюрьму. Через три месяца ей дали вольную ссылку в Западную Сибирь, сначала направили в Новосибирск, а оттуда — в Томск, в Переселенческий лагерь. В письме на имя Е. П. Пешковой Мария Ивановна пишет:

«Вскоре меня вызвали и велели представить мои бумаги, но вот беда. Моих бумаг нет. Я ходила в Управление ПП ОГПУ, где мне обещали сделать запрос. Вот уже живу здесь три месяца, подстилкой и одеялом служит мне мое пальто (ватное), в головах дорожная маленькая подушечка. Теплой одежды не имею, пенсии лишили, что-нибудь заработать не могу. Я сейчас состою старостой барака и получаю 750 граммов хлеба, вот и весь мой заработок. Лучшие годы прошли в учительском труде. Сейчас на здоровье очень отозвалась дорога по пересыльным Домзакам. Меня арестовали 7 января 1931 г. в г. Устюжне Ленинградской области. Сейчас живу в г. Томске I в Переселенческом Лагере, Барак № 7. Пожалуйста, будьте добры, помогите мне достать мое дело, или вернее, копию с него из Устюженского ОГПУ. Я заслуженное наказание перенесу с терпением и, быть может, найду работу по своей специальности. Научите меня, к кому обратиться и в чем состоит вольная высылка. Помогите, если можете!»¹

Вероятно, по ходатайству Е. П. Пешковой дело М. И. Коранатовой было найдено, и ее вольная высылка определена. По крайней мере, известно, что в 1933 г. Мария Ивановна уже пребывала в Казахстане.²

¹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 640. Л. 288.

² По свидетельству семьи протоиерея Григория Синицкого, в ссылкеном углу Средней Азии они познакомились со многими замечательными

9 июля 1932 г. Владыка Иосиф был арестован в селе Ленинское и отправлен в Чимкент. При аресте у него был произведен обыск и изъяты письма и другие документы. Поводом к обыску и аресту послужил приезд к митрополиту некоей Параскевы Николаевны из Ленинграда. В своих показаниях Владыка отмечал, что эта женщина ему была малознакома и заехала к нему по пути в Ташкент по просьбе его знакомых передать необходимые ему посылки — лекарства, минеральную воду, виноградный сок и легкие вина, в которых Владыка нуждался по рекомендации врача после перенесенного воспаления брюшины.

Следует отметить обширность связей и переписки митрополита. Около двух десятков писем, только обнаруженных при аресте, было привезено ему злополучной посетительницей. И это, конечно, исключительно «легальная» переписка, состоящая, по словам митрополита, лишь из сообщений о посылках, просьбах о молитве, справках о здоровье, и иногда чисто духовных вопросов, которые задавались в основном монашествующими. Из нескольких десятков адресов в его записной книжке, по которым митрополит Иосиф вынужден был тогда же на допросе давать объяснения, лишь три принадлежали его

людьми, единомышленниками и прежде всего это были митрополит Иосиф (Петровых) и его «заботница» Мария Ивановна Коранатова, с которыми Синицкие подружились в Аулие-Ате. После переезда в Самарканд в 1934 г. Синицкие переписывались с Владыкой и Марией Ивановной. Более того, через Синицких митрополит Иосиф осуществлял переписку с другими архиереями. В 1937 г. М. И. Коранатова была арестована и в ноябре приговорена к 10 годам лагерей. Срок отбывала в сельскохозяйственной колонии № 9 на станции Чамолган Туркестано-Сибирской железной дороги. В семье Синицких сохранились ее пасхальное послание 1936 г. и письма из колонии с 1940 по 1942 гг. По всей видимости, она умерла в 1942 г., так как в последних письмах писала о своем тяжелом болезненном состоянии. См. об этом: *Медведев Г. Н., Медведева Н. А.* «От южного города до «южного городка»». К 60-летию со дня кончины протоиерея Григория Синицкого // *Богословский сборник*. Вып. 8. М.: Изд-во ПСТБИ, 2001. С. 380.

родственникам, остальные — духовенству, монашествующим и мирянам из Ростова, Ленинграда, Москвы, Устюжны, Новгорода, Ташкента, Алма-Аты и других мест. Среди них были и малознакомые и даже незнакомые митрополиту люди, в том числе и ссыльные, которые тем или иным образом узнав о его положении, старались ему помочь и присылали продуктовые посылки и деньги.

На допросе 11 июля 1932 г. Владыка Иосиф подчеркивал, что никаких писем и словесных поручений он приехавшей женщине не давал, кроме благодарности и поклонов за присланное, а на привезенные ею письма собирался отвечать по почте: *«Еще раз подтверждаю и готов заверить какую угодно клятвою, что с привезшею мне эти письма и посылки Параскевой Николаевной я не посылал никому решительно ни единой строчки. Слух, будто с нею отправлена мною чуть ли не целая кипа писем и бумаг — сущая клевета, быть может, вызванная тем, что в обратный путь она везла кошель с дорожными сухарями и своими дорожными принадлежностями. Я готов на какую угодно ответственность (вплоть до расстрела), если мне покажут и докажут хоть одну строчку, посланную мной с нею и где-нибудь обнаруженную при обыске»*.¹

Очевидно, что митрополит должен был соблюдать величайшую осторожность в переписке, зная с каким пристальным вниманием следят власти за каждым его шагом: *«С самого дня моего ареста перед последней ссылкой (12 сентября 1930 года) я твердо и окончательно решил взять себя в руки и не давать совершенно ни малейшего повода и основания обвинять меня в церковной (как называют) контрреволюции. Если прежде я действительно позволял себе в этом отношении некоторые неосторожности, касаясь в письмах (посылаемых иногда и не почтою) чисто (правда) церковных дел и вопросов, то теперь ни в одном моем письме не найдется строки, могущей послужить мне обвинением. И мои знакомые, посылающие мне посылки и письма (без по-*

¹ Архив УФСБ СПб. П-80743. Т. 3. Л. 458.

сылки я вообще существовать бы не мог, не имея никакого заработка и не имея возможности приобретать необходимые продукты), зная, за что я так много страдал, научились быть осторожнее и, щадя меня, не касаются совершенно опасных в моем положении вопросов, и вся наша переписка состоит исключительно из сообщений о посылках, просьбах о молитве и благословениях, справок о здоровье и т. п. с одной стороны, и в моих ответах о получении посылок, о новых просьбах, то одного, то другого необходимого в жизни предмета и т. п., с моей стороны».¹

Вероятно, эта осторожность помогла в данном случае митрополиту Иосифу. Понятно, что общение по церковным вопросам велось через доверенных людей, а не через почту и случайных знакомых. И поэтому в обнаруженных у митрополита письмах, в том числе и брошенных им в печку, власти на этот раз, вероятно, не нашли ничего предосудительного. Владыка был освобожден, но оставлен в Чимкенте на оставшийся срок ссылки.

В октябре 1933 г. он направил письмо в Политический Красный Крест с просьбой ходатайствовать о его досрочном освобождении по состоянию здоровья и престарелости или же позволения отбывать ссылку в Вологодской области, поближе к родственникам в Устюжне.

Однако вскоре после получения ответа о том, что его ходатайству дан ход, Владыка был арестован и под стражей отправлен в город Аулие-Ата,² откуда его должны были везти еще дальше на грузовике за 125 верст в Нижний Талас, глухое место в голодной степи, населенное лишь враждебно настроенными и не говорящими по-русски казахами. Из-за осенней распутицы отправка задержалась, и Владыка был помещен в тюрьму, где его продержали семнадцать дней среди воров и бандитов, выдавая в день по 100 грамм хлеба и кружке сырой воды. Затем его выпустили, позволив до отправки в Ниж-

¹ Там же. Л. 449.

² С 1936 г. переименован в Мирзоян, с 1938 г. — в Джамбул.

ний Талас проживать на вольной квартире в Аулие-Ата (по адресу: Парковая улица, дом 9). Оттуда 19 декабря 1933 г. митрополит Иосиф отправил новое письмо на имя Е. П. Пешковой, описывая свое бедственное положение и повторяя свою просьбу.

В переводе в Вологду было, очевидно, отказано, единственно, что удалось добиться Е. П. Пешковой — это спасти Владыку от гибельной высылки в Нижний Талас. Письмо от 13 марта 1934 г., где Владыка благодарит ПКК за присланную посылку, отправлено им из Аулие-Ата (по адресу: Рувимская улица, дом 24). 9 апреля 1935 г. митрополит Иосиф был освобожден из ссылки,¹ но оставлен на проживание в городе Мирзояне (бывший Аулие-Ата) без права выезда из Казахстана (по адресу: Рувимская улица, дом 43). По данным некоторых публикаций, Владыка Иосиф работал бухгалтером на медном комбинате, однако, это не подтверждается ни официальными источниками, ни воспоминаниями автора этого очерка.

С какого времени митрополит Иосиф совершал тайные богослужения — точно неизвестно. В книге протопресвитера М. Польского приводится рассказ участницы катакомбных богослужений в тайной подземной церкви в Алма-Ате в 1936–1937 гг.:

«Вырытая в земле церковь была в квартире (доме) архимандрита Арсения. В передней был люк, покрытый ковром. Снималась крышка, и под ней — лестница в церковь. В подвале в одном углу было отверстие в земле, заваленное камнями. Камни отнимались и, совсем согнувшись, нужно было проползти три шага, и там был вход в крошечный храм: много образов, горели лампы. Митрополит Иосиф очень высокого роста, и все же два раза при мне тайно приезжал сюда и проникал в эту церковь. Создавалось особое настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженными во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная

¹ По данным Управления Комитета Национальной Безопасности Южно-Казахстанской области (письмо Южно-Казахстанского УКНБ от 15. 07. 1997 г.).

собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же было слышно под землей, то все ожидали окрика или стука ГПУ. Весь 1936 год и до сентября 1937 года все обходилось благополучно. Мой сын пел здесь с одной монахиней. 26 августа приехал Митрополит Иосиф и удостоил нас посещением по случаю дня моего Ангела. Какой это чудесный, смиренный, непоколебимый молитвенник! Это отражалось в его облике и в глазах, как в зеркале. Очень высокого роста, с большой белой бородой и необыкновенно добрым лицом, он не мог не притягивать к себе, и хотелось бы никогда с ним не расставаться. Монашеское одеяние его было подобрано, также как и волосы, иначе его сразу арестовали бы еще на улице».¹

В то время тайные катакомбные богослужения совершались по всей стране. О катакомбных богослужениях иосифлян в Петроградской епархии писал их непосредственный участник, профессор Иван Михайлович Андреев, оказавшийся в эмиграции после войны:

«Еще с 1928 года начались в Петрограде отдельные тайные богослужения по домам. После 1930 года количество тайных богослужений значительно увеличилось. А с 1937 года можно считать Катакомбную Православную Церковь вполне оформленной. В остальной России, особенно в Сибири, катакомбные церкви создались несколько раньше. В Москве катакомбных богослужений было недостаточно, и многие москвичи “окормлялись” в Петрограде. Никакого административного центра и управления катакомбными церквями не было.

Духовными руководителями считались митрополит Кирилл и митрополит Иосиф. Главой Церкви признавался законный местоблюститель патриаршего престола митрополит Петр Крутицкий, а после его смерти — митрополит Иосиф. В 1929–1930 гг. в Соловецком концлагере, где оказались вместе несколько “иосифлянских” епископов (Максим Серпуховский, Виктор, викарий Вятский, Иларион, викарий Смоленский

¹ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. II. С. 1–2.

и Нектарий Трезвинский), — были тайные хиротонии. Появились тайные епископы и огромное количество тайных священников. Мне лично известна лишь Петроградская область и происходившие в ней тайные катакомбные богослужения за период с 1937 по 1941 г. включительно. Затем мне пришлось встретиться с участниками катакомбных богослужений в 1942–1945 гг. (из разных мест России): после 1945 года у меня сведений мало.

В Петрограде и Петроградской области с 1937 по 1941 год было чрезвычайно много катакомбных богослужений. Где только эти богослужения не происходили! На квартирах некоторых академиков, профессоров Военно-Медицинской Академии и Петроградского университета, в помещении морского техникума, школе подводного плавания, в школе взрослых водного транспорта, в помещениях больниц, в некоторых учреждениях, куда вход был только по пропускам. Очень интенсивно шли тайные богослужения в пригородах Петрограда и более отдаленных от него местечках: в Шувалово, Озерках, деревне Южки под Левашево, на станции Поповка, в Колпино, Саблино, Чудово, Малая Вишера, Окуловка, на станции Оксочи (в детской колонии им<ени> Ушинского), в Гатчине (на квартире почтителей знаменитой подвижницы матушки Марии), в Елизаветино, Волосово, Ораниенбауме, Мартышкино, Стрельне (где подвизался замечательный священник о. Измаил¹) и многих других местах».²

Накануне войны участница вышеописанных богослужений митрополита Иосифа в катакомбной церкви в Алма-Ате посещала тайные богослужения в Москве и позднее вспоминала:

«Возвратившись в Москву после трехлетнего моего добровольного пребывания в ссылке вместе с сыном, я узнала очень

¹ Новосвященномученик Измаил Рождественский.

² Андреев И., проф. Воспоминания о Катакомбной Церкви в СССР // Луч Света. Джорданвилль, 1970. С. 124–125.

скоро о существовании и здесь тайных иосифлянских церквей, т. е. не о церквях, а о богослужениях в тайных комнатах, где собирались иногда по 20–25 человек. Служение шло шепотом, со строгим контролем молящихся, ввиду возможности предательства. Приходили обычно на рассвете по условному знаку. Большею частью осторожно стучали в водосточную трубу у окна, где кто-нибудь стоял, прислушиваясь.

Один старый монах священник о. Александр Гумановский самоотверженно ездил всюду, куда его звали, и даже в больницах умудрял его Господь приобщать больных. Сидя около них, как посетитель, он исповедывал и затем, как бы подавая лекарство или питье, приобщал. До прихода немцев в Можайск в 1941 г. я жила тихо в этом городе и ездила на тайные богослужения в Москву».¹

Были ли какие-то связи у тайных иосифлянских общин с митрополитом Иосифом? Вероятно, ответ на этот вопрос можно найти в архивах карательных органов, до сих пор остающихся малодоступными исследователям. Известно, что митрополит Иосиф вел переписку, как правило, не прямо по почте, а через доверенных лиц. Также известно, что при последнем аресте у митрополита была изъята переписка (121 лист!). Но имена адресатов, содержания этих писем, как и весь этот бесценный исторический документ, который мог бы не только осветить последние годы жизни митрополита Иосифа, но и в целом лучше понять ход церковных событий в 1930-х гг., вероятно, погребен в недрах архива КНБ Казахстана.²

Совсем недавно были опубликованы протоколы двух допросов митрополита Иосифа³ из следственного дела 1937 г., находящегося в этом архиве. При всей своей специфике даже эти документы со-

¹ Польский М., протопресв. Указ. соч. С. 4

² Архив Комитета Национальной Безопасности Казахстана

³ В книге: Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004.

держат свидетельства об обширных связях митрополита Иосифа с клириками и паствой разных епархий. Так, Владыка говорит о посещении его духовенством, о привезенных монахиней Анастасией Куликовой письмах от священников Измаила и Михаила Рождественских, в которых они, по его словам, *«подтвердили свою верность мне и просили помочь в духовном общении со мною»*. Владыка упоминает также о приезде к нему некоего иеродиакона из Курской области, который являлся *«посланцем объединившегося там против Сергия духовенства, и просил помочь им советом в том, как и чем доказывается прavoта отделения от Сергия»*. Показывает также о приезде иеромонаха и священника из Вятской епархии, которые сообщали о настроениях в их епархии и подчеркивали, что взоры многих верующих обращаются к митрополиту Иосифу и что они просят вступить с ним в более деятельные отношения.¹

Митрополит Иосиф поддерживал также связь со многими ссыльными архиереями. Составитель жития митрополита Кирилла Казанского, А. В. Журавский, пишет о том, что переписка между ссыльными архиереями велась конспиративно, *«жизнь научила их не особенно доверять почтовым отделениям, поэтому помимо условных слов и сокращений применялась и система “конспиративных” адресов. Митрополиту Иосифу наиболее важная почта приходила через священника Ветчинкина, проживавшего в Ташкенте, и через о. Григория Синецкого и его дочь Фаину, проживавших в Самарканде. Иногда, когда и почте нельзя было довериться, письма доставляли доверенные монахи или монахини»*.²

Со ссылкой на тот же ведомственный архив А. В. Журавский указывает, что митрополит Иосиф вел переписку с архиепископом Херсонским Прокопием (Титовым) и архиепископом Серафимом (Самойловичем). А с января 1937 г. установил переписку и с митрополитом Кириллом, сосланным в 1935 г. также в Казахстан в поселок Яны-Кур-

¹ Архив УКГБ Казахской ССР по Чимкентской области. Ф. 1. Д. 02455. Л. 48–53; Цит. по: Журавский А. В. Указ. соч. С. 601–606.

² Журавский А. В. Указ. соч. С. 355.

ган. На допросе 14 июля 1937 г. митрополит Иосиф показывает, что с митрополитом Кириллом он лично знаком не был и видел его единственный раз в жизни в 1909 г., но в январе 1937 г. он направил к нему с архимандритом Арсением письмо, в котором *«свидетельствовал владыке свое глубочайшее почтение, говорил, что преклоняюсь перед его мужественным стоянием в его борьбе за церковные интересы. Это было с моей стороны пробным камнем для выяснения отношения митрополита Кирилла ко мне и установившейся за мной репутации главаря особого церковного движения. От митрополита Кирилла Арсений привез ответ, который вполне удовлетворил меня»*.¹ В дальнейшем переписка велась через священников Ветчинкина и Григория Сеницкого.

Архимандрит Арсений во время встречи с митрополитом Кириллом передал ему фотографию Владыки Иосифа и высказался о желательности встречи и беседы двух иерархов. Эта встреча была особенно необходима в связи с тем, что вновь обострился вопрос о местоблюстительстве, поскольку в конце 1936 г. было официально объявлено о смерти патриаршего местоблюстителя, митрополита Петра (Крутицкого).² После этого сообщения митрополит Сергей объявил себя местоблюстителем. Однако он не имел на то никаких канонических прав, более того, со смертью местоблюстителя кончались и его заместительские права, и он должен был передать церковную власть митрополиту Кириллу.³

Ссылаясь на документы следственного дела из Чимкентского архива, А. В. Журавский пишет: *«Ссылные архиереи высказались за то, чтобы главой Русской Православной Церкви признать митропо-*

¹ Там же. С. 605–606.

² Несмотря на то, что тот продолжал томиться в одиночном тюремном заключении и был расстрелян только 10 октября 1937 г.

³ В мае 1926 г. в письме митрополиту Агафангелу митрополит Сергей писал: *«Если почему-либо митрополит Петр оставит должность местоблюстителя, наши взоры, естественно, обратятся к кандидатам, указанным в завете, т. е. к митр. Кириллу, а потом и к Вашему Высокопреосвященству»*. Цит. по: Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 461.

лита Кирилла как последнего из оставшихся в живых кандидата в местоблюстители патриаршего престола, на которого указывали в своих завещательных распоряжениях и Святейший Патриарх Тихон, и митрополит Петр Крутицкий. С этим решением согласился и митрополит Иосиф, хотя именно он являлся возглавителем движения, имеющего наибольшее число последователей. Все это происходило в первые месяцы 1937 года».¹

Установление общения между митрополитами Кириллом и Иосифом и даже признание последним главенства митрополита Кирилла — факты немаловажные для истории Русской Церкви. В некоторых публикациях можно встретить утверждение о том, что поскольку митрополит Иосиф имел крайне строгое мнение о сергианском отступлении, то «мягкая» позиция митрополита Кирилла была совершенно неприемлема ни для него, ни для его сторонников, многие из которых обвиняли и самого митрополита Кирилла в «отступлении» и «ереси». Однако в церковном Предании оба эти иерарха остались бескомпромиссными обличителями сергианского заблуждения, духовными руководителями ушедшей в катакомбы Русской Церкви. С конца 1930-х гг. они почитались святыми мучениками и в Катакомбной Церкви на родине, и в Русской Зарубежной Церкви. А в их единовременной мученической кончине, весть о которой каким-то чудесным образом стала известна Церкви, видели промыслительное указание их духовного единения и единомыслия.

Обнаруженные в последнее время документы из ведомственных архивов полностью подтвердили это церковное предание. «С именем митрополита Иосифа, — отмечает А. В. Журавский, — обычно связывают руководство наиболее непримиримых иерархов, доходивших до признания неблагоприятности таинств клириков, находившихся в церковном общении с митрополитом Сергием. Но к концу 1930-х годов для представителей всех направлений этого “неповиновенческого” движения стало очевидным, что разница в их взглядах в действительности есть разница в религиозном темпе-

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 353.

раменте».¹ В этом отношении весьма характерно письмо митрополита Кирилла священнику Евлампию Едемскому-Своеземцеву, которое приведено другим современным церковным историком, диаконом Александром Мазырином, в его основательной научной работе о митрополите Кирилле. В этом письме в ответ на сообщение о. Евлампия о вступлении в общение с епископом Нектарием (Трезвинским), отрицавшим благодатность сергиевского духовенства, митрополит Кирилл писал: «Думаю, что в Вашем положении и я поступил бы так же. Пусть есть некоторая разница в степени, какую определяется воздержание Ваше и его от объединения с митрополитом Сергием, но воздержание такое признается необходимым и вновь прибывшим поселенцем. По существу это звук одного и того же клавиша, но у одних — с некоторым нажимом на педаль, у других — без него. Дизель, стоящий при ноте И. Прекрасного, не может производить какофонию, особенно ввиду все более усиливающейся тугости на ухо Валаамского (он именинник 28 июня²)».³

“И. Прекрасный”, очевидно, не кто иной, как митрополит Иосиф (по наименованию прекрасным ветхозаветного патриарха Иосифа), — отмечает далее диакон Александр Мазырин. — Как видно, митрополит Кирилл со своей стороны не ставил преград для установления общения с ним и его последователями (“иосифлянами”). Впоследствии, благодаря такой позиции святителя Кирилла, братское общение двух митрополитов действительно было установлено. Но для этого и митрополиту Иосифу с его сторонниками необходимо было сделать свои шаги навстречу священномученику Кириллу, не требуя, в свою очередь, от него “постановки дизеля” и “нажима на педаль”».⁴

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 351.

² 28 июня / 11 июля — день памяти препп. Сергия и Германа, Валаамских Чудотворцев.

³ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 4. Л. 378, 379 об.

⁴ Мазырин А. В. Священномученик митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003. С. 422–423.

О церковной позиции митрополита Кирилла в 1937 г. лучше всего свидетельствует одно из его последних писем, изъятых при последнем аресте и обнаруженных недавно в следственном деле в Чимкентском архиве. Это черновик письма митрополита Кирилла иеромонаху Леониду от 23 марта 1937 г. В комментариях он не нуждается: *«По поводу Ваших недоумений относительно сергианства могу сказать, что те же самые вопросы и в такой же почти форме были обращены ко мне из Казани десять лет тому назад, и тогда я отвечал на них утвердительно, потому что считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую он сам осознает и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбиравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что митрополит Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митрополит Сергей отходит от Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать удовлетворения духовных своих нужд, потребностей с совестью, сомнящуюся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры — грех. Ложь нельзя исправить ложью и, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству.*

С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против

затеи митрополита Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности. С правосл<авными> предстоятелями сей епархии находился в постоянном общении епископ Виктор при своей жизни; у них же искали и находили руководство после смерти епископа Виктора послушные ему верующие Вятской епархии».¹

Во время следствия на допросе 20 августа 1937 г. митрополит Кирилл на вопрос, что он писал о митрополите Иосифе, ответил: «Да, я в этом письме писал о том, что считаю митрополита Иосифа Петровых своим единомышленником».²

Последний арест и мученическая кончина

24 июня 1937 г. митрополит Иосиф и митрополит Кирилл были арестованы по одному и тому же обвинению.

23 июня 1937 г. в секретной справке, составленной в Управлении НКВД для Чимкентской прокуратуры, сообщалось, что «в Южно-Казахстанской области существует контрреволюционная организация среди церковников, центр которой находится в Чимкенте. Задачей контрреволюционной организации является подготовка контрреволюционных кадров к свержению советской власти».³ Среди активных членов организации — архиереев, иереев и монашествующих — в числе первых были названы митрополиты Кирилл (Смирнов) и Иосиф (Петровых), а также епископ Евгений (Кобранов). «Во время обыска и ареста митрополит Кирилл и митрополит Иосиф вели себя спокойно и с достоинством. Митрополит Иосиф даже начертил своей рукой на предъявленном ему

¹ Архив УКГБ КазССР по Чимкентской области. Ф. 1. Д. 02455, приложение; Цит. по: Журавский А. В. Указ. соч. С. 597–598.

² Журавский А. В. Указ. соч. С. 367.

³ Там же. С. 358.

ордере: «Ордер читал и недоумеваю, почему нет санкции прокурора. И. С. Петровых». Изъятая переписка (у митрополита Иосифа — 121 лист) была приобщена к инициализированному властями следственному делу».¹

7 июля 1937 г., через две недели после ареста, двум старцам-митрополитам, 74-летнему Владыке Кириллу и 64-летнему Владыке Иосифу, а также епископу Евгению были предъявлены обвинения. Митрополит Иосиф от подписи под предъявленным ему обвинением отказался, и следователь вместо подписи обвиняемого митрополита написал «контрреволюционер».

«Условия содержания заключенных в Чимкентской тюрьме были невыносимы. Тюремная стража, выполняя поручения следователей, не давала заключенным спать, пытаясь довести арестованных до крайнего изнеможения. Еда была несносной, вода пахла гнилью. Этими условиями заключенные подготавливались к допросу. Известно, что некоторые уже на этом этапе сдавались, подписывали любые “признания”, лишь бы поскорее быть осужденными и через то избежать ужасных условий содержания в тюрьме.

Первым на допрос был вызван епископ Евгений. 25 июня следователь потребовал от владыки Евгения: “Дайте показания о Вашей контрреволюционной деятельности”. Но последовал ответ: “Контрреволюционной деятельностью я не занимаюсь и по этому вопросу сказать ничего не могу”. На чем первый допрос и завершился.

Следующим был вызван к следователю митрополит Иосиф. Допрос, состоявшийся 14 июля, принес следствию только один результат — владыка Иосиф признал свою виновность в руководстве “нелегальной религиозной организацией”, политические обвинения (антисоветскую или контрреволюционную деятельность) он не признал. На вопрос, в чем заключалось руководство нелегальной организацией, митрополит Иосиф отвечал, что в “руководстве местными религиозными организациями и в содействии им; в сношениях с

¹ *Журавский А. В.* Указ. соч. С. 359.

руководителями этих местных организаций; в подпольной форме отправления религиозных обрядов”. Через 9 дней (23 июля) в следственном деле появляется документ под названием “Показания обвиняемого Петровых Иосифа”, где уже нет вопросов и ответов. Документ представляет собой будто бы “чистосердечные признания” митрополита Иосифа в “контрреволюционной деятельности” и руководстве им “контрреволюционной организацией”.

По казенной стилистике письма и стандартной для подобных “признаний” форме эти показания должны быть отнесены несомненно к творчеству самих следователей. Ни одного нового свидетельства не дано в этом документе в сравнении с предыдущими показаниями митрополита Иосифа, и, следовательно, подобную бумагу мог составить кто угодно. Раболепное самооговаривание и вовсе делает невозможным признание авторства за митрополитом Иосифом. Иными словами, мы смело относим данный документ к разделу “Spuria” (подложный). Вопрос только в том, чья подпись стоит под этим фальсифицированным документом — вынужденного к тому (различными методами “следственного дознания”) митрополита Иосифа или же эта подпись такая же подложная, как и авторство “показания обвиняемого”. Для окончательного разрешения этой проблемы потребуется, конечно, соответствующая экспертиза, но и без экспертизы стоящая под “показаниями” подпись вызывает сомнение в принадлежности ее митрополиту Иосифу. Сомнения усиливаются, если вспомнить, что митрополит Иосиф отказался поставить свою подпись под постановлением по предъявлении ему обвинения и привлечении в качестве обвиняемого».¹

Следует отметить, что процессы 1930-х гг., и особенно 1937 г., наряду с жестокостью дознания отличались и крайней степенью лживости. Известно, что часто и протоколы допросов, и признание вины, и даже сами подписи обвиняемых фальсифицировались. Порой протоколы заранее составлялись самими следователями. Мы не знаем, что происходило в тот злополучный 1937 г. в Чимкентской тюрьме, и каким пыткам могли быть там подвергнуты митрополит Иосиф и остальные аресто-

¹ Там же. С. 361–362.

ванные, так же как никогда по документам карательных органов мы не сможем узнать всей правды о последних днях жизни многих новомучеников. Ибо в отличие от документов гонений первых веков христианства (римские судебные акты стали основой для составления мартирологов Церкви), документы гонений последних времен изначально, как и вся система власти, их породившая, основаны на лжи и насквозь ложью пропитаны.

Единственно, в чем не приходится сомневаться, это в вынесенных приговорах и их незамедлительном исполнении. 19 ноября 1937 г. по постановлению Тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области митрополиты Кирилл и Иосиф и епископ Евгений были приговорены к расстрелу.

Выписка из протокола заседания Тройки сухо сообщает «суть обвинений»: *«СМИРНОВ Константин (Кирилл) Иларионович, рождения 1863 г., адм<инистративно> ссыльный, бывший митрополит, неоднократно судимый за к<онтр>-р<еволюционную> деятельность, находящийся в ссылке 19 лет. Обвиняется в том, что являлся руководителем Всесоюзной к<онтр>-р<еволюционной> повстанческой организации церковников, в задачу которой было поставлено свержение советской власти, установление монархического строя, восстановление патриаршества с главенствующей ролью над государственной властью в управлении страной. Являясь первым и единственным заместителем быв<шего> Патриарха ТИХОНА, к<онтр>-р<еволюционной> организацией был назначен в будующие патриархи Русской Церкви. Для достижения поставленной цели СМIRНОВЫМ был достигнут блок с главарями так называемых религиозных течений Иосифом ПЕТРОВЫХ и Ф<еодором> ПОЗДЕЕВСКИМ на общей платформе прекращения разногласий и вражды между духовенством, развертывания активной к<онтр>-р<еволюционной> деятельности и борьбы с советской властью».*

На это обвинение последовало постановление Тройки: *«СМИРНОВА Константина (Кирилла) Иларионовича РАССТРЕЛЯТЬ. Личное имущество конфисковать».*

Подобные же постановления о расстреле были вынесены на заседании Тройки УНКВД и в отношении митрополита Иосифа и епископа Евгения. Обвинение митрополита Иосифа формулировалось следующим образом: «Обвиняется в том, что являлся руководителем контрреволюционной повстанческой организации церковников, заместителем главы контр-революционной организации СМИР-НОВА Кирилла. Участник и руководитель нелегальных совещаний, на которых были выработаны методы проведения к<онтр>-р<еволюционной> повстанческой деятельности. Организатор к<онтр>-р<еволюционных> ячеек в разных местностях, как Ю<жно>-К<азахстанской> области, так и СССР»¹.

20 ноября 1937 г. приговор был приведен в исполнение.

«ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление Тройки при УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 г. о расстреле Смирнова Константина (Кирилла) Иларионовича, Петровых Иосифа Семеновича, Кобранова Евгения Яковлевича приведено в исполнение 20 ноября 1937 г<ода> [в] 24 часа.

Ст<арший> Инспектор 8 отд<ела> УНКВД

Лейтенант Гос<ударственной> Безоп<асности> К-в ».²

По сообщению Южно-Казахстанского УКНБ, место расстрела и захоронения останков — неизвестны. По данным биографического справочника «За Христа пострадавшие...», место массовых расстрелов и захоронений в 1937–1938 гг. — Лисий овраг под Чимкентом.

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 370.

² Там же. С. 371.

Послесловие Михаила Сахарова

Митрополита Иосифа незадолго до его мученической кончины навестили родственники: сестра Клавдия Семеновна Шишунова со своей приемной дочерью Китаевой Ниной Алексеевной и внуком Мишей, которому в то время шел пятый год. В настоящее время из всех родственников Владыки Иосифа автор этих строк остался последним, кто видел Владыку живым. Правда, по воспоминаниям бабушки и матери, это посещение они относят к 1938 г., и в книге протопресвитера Михаила Польских имеются воспоминания клириков о встрече с митрополитом Иосифом в Казахстане в 1938 г. Я же, как свидетель родственной встречи, ничего не могу сказать о времени встречи, так как был еще слишком мал, хотя все в дальнейшем полученные материалы от КНБ Казахстана говорят о том, что эта последняя встреча произошла именно летом 1937 г.

От того времени в памяти остался спор моей бабушки (очень набожной женщины, строго соблюдавшей все посты) с Владыкой:

«— Да, Каля, свари Мишутке-то яичко.

— Нельзя, Владычко, — пост!

— Да яичко-то от черной курицы, и грех-то для младенца невелик. Уж я ему прощение вымолю!»

Владыка жил в невзрачном глинобитном домике, где у него был складной аналой, за которым он проводил долгие часы, совершая богослужения.

После того как моя мать вместе со мной уехала из Казахстана, бабушка оставалась у Владыки еще недели две. Больше никто из многочисленной родни митрополита Иосифа ничего не слышал о его судьбе. И если раньше до нас доходили какие-то весточки через посещавших его в Казахстане прихожан или клириков, то после сентября 1937 г. все как отрезало. Бабушка (сестра митрополита) неоднократно обращалась к власти имущим — ответа о судьбе брата не было. Бабушка умерла в 1972 г., так и не узнав ничего об участи Владыки.

В 1956 г., во время хрущевской «оттепели», дело по обвинению митрополитов Кирилла, Иосифа и епископа Евгения было «пересмотрено», и в «Заключении по следственному делу» помощника прокурора Южно-Казахстанской области по спецделам утверждалось: *«Исходя из изложенного полагал бы: решение Тройки УНКВД от 19 / XI-37 г. считать правильным, к пересмотру данного дела оснований не имеется»*.¹

Лишь спустя более тридцати лет митрополиты Кирилл и Иосиф и епископ Евгений были реабилитированы. 7 мая 1989 г. Заключение № 1609 о реабилитации митрополита Иосифа (Петровых) было утверждено прокурором Чимкентской области Казахской ССР Шведюком В. Ф.

Заместитель начальника УКНБ по Южно-Казахстанскому округу в ответ на мои запросы сообщил: *«В соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года “О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов,” Петровых И. С. реабилитирован. В соответствии со статьей 16 Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года “О реабилитации жертв массовых политических репрессий” родственники имеют право на ознакомление с документами только непроцессуального характера. В этой связи выслать, к сожалению, в Ваш адрес копии допросов, протоколов не представляется возможным»*.²

В ноябре 1981 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Заграницей, под председательством ее Первоиерарха Филарета (Вознесенского), митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского, митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в составе Собора Новомучеников и Исповедников Российских причислен к лику святых как возглавитель Церкви Тайной.

¹ Журавский А. В. Указ. соч. С. 375.

² Письмо от 8 июня 1997 г., № 10/1-с.

В 1984 году изографом Свято-Троицкого монастыря (Джорданвилль, штат Нью-Йорк, США) иеродиаконом Андреем (Ерасовым) воссоздан на иконе лик нового исповедника Церкви Российской, святого священномученика Иосифа Петроградского. Подлинник иконы хранится в храме Святых Царя-Мученика и всех Новомучеников и Исповедников Российских (Вильмуассон, Франция).

Лик священномученика Иосифа Петроградского запечатлен также на иконе «Собор святых Новомучеников и Исповедников Российских, от безбожников убиенных», написанной ныне покойным архимандритом Киприаном (Пыжовым) — также насельником Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

Приложение I

Архипастырские документы и письма митрополита Иосифа

**Письмо митрополита Иосифа
инокам Александро-Невской Лавры
от 12/25 декабря 1927 г.**

Сердечно благодарю верную дружину св. Благоверного Великого князя Александра Невского, охраняющую его обитель, за дорогое сочувствие, участие и молитвы о мне, недостойном!

Не судил Господь послужить обители Угодника, как хотелось от всей души! Но пусть и душевное усердие мое вменится в самое дело! Пусть не моя вина будет в том, что данный мне некогда во сне завет Угодника («не уходить на покой») как будто видит свое нарушение. Сам-то я, во всяком случае, ни о каком покое не прошу и просить не нахожу возможным, никаких других назначений принять не считаю себя вправе (в силу 15-го правила 1 Вселенского Собора), но и восторжествовавшей, попущением Божиим, силе зла противиться лишен силы. А потому смиренно преклоняю свою страдальческую главу суду Божию и заступничеству Св. Угодника, а вашей, други мои, любви и молитвенной памяти прошу и впредь. Пусть и один незабвенный день 30 августа (12 сентября) 1926 г. соединит нас навеки в неразрывный союз взаимной любви и молитвенного общения, в каковом да сподобит нас предстать престолу Божию Св. Благоверный князь своею молитвенною помощью.

О, великий ревнитель Православия и славы нашего Отечества! Введи нас не только в Твою земную, но и Небесную Обитель, недо-

ступную никаким козням лукавых слуг зла и врагов Христова мира, правды и Имени!

(Здесь приводится текст 15-го правила I Вселенского Собора, запрещающего перемещения епископов и клириков с одного места на другое. — *Составитель*).

Привет всем и благословение.

Митрополит Иосиф

* * *

**Обращение ярославских архиереев
к митрополиту Сергию (Страгородскому)**

Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященному Сергию,
Заместителю Патриаршего Местоблюстителя

Ваше Высокопреосвященство!

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917–1918 гг. далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашей отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали долгом своей совести быть в единении с Вами и в иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божьей помощью и при содействии мудрейших и авторитетных из собратий наших во Христе — епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани — Собору, который уврачует живое и жизнеспособное Тело Церковное от постигших его, по попущению Промысла Божия, недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью чем дальше, тем в большей степени вызывает неудовольствие и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата, смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью, управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе «Патриарший Синод». Но ни порядок организации этого «Синода», Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части своей проявивших даже неустойчивость своих православно-церковных убеждений (отпадение в обновленчество и — один — в раскол беглопоповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно противоканонические.

В своем обращении к чадам Православной Церкви 29.07.1927 г. (н. ст.) Вы в категорической форме объявляете такую программу Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдержавшие Ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему не нужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важного условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия — свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Его Церкви.

Чадам Церкви, и, прежде всего, конечно, епископату, Вы вменяете в обязанность — лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти; всегда были, есть и будем истинными и добросовестными гражданами нашей родной страны, но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым

Вами политиканством и заигрыванием и не обяывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возвещенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потерпела Церковь и раньше.

По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое перемещение епископов, часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение викариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т. п.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь по нашему глубокому убеждению явным нарушением канонических определений Вселенских и поместных соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917–1918 гг. и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству:

Мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность перед Богом за вверенных нашему паствуруководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту Святой Православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозной церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви, неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, митрополиту Крутицкому, и через него сохраняем каноническое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквами. Остава-

ясь неизбежно на таком твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить своими паствами в деле угодения Богу и душевного спасения САМОСТОЯТЕЛЬНО — в строгом согласии с Словом Божиим, общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917–1918 гг., с неотменными распоряжениями высшей Церковной Власти предсоборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета.

Настоящее решение наше остается в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного митрополита Петра.

Агафангел (Преображенский), митрополит Ярославский.

Серафим (Самойлович), архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии, бывший Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

Митрополит Иосиф (Петровых), третий из указанных Патриаршим местоблюстителем Заместитель.

Архиепископ Варлаам (Ряшенцев), бывший Пермский, временно управляющий Любимским викариатством.

Смиренный Евгений (Кобранов), епископ Ростовский, викарий Ярославской епархии.

1928 г. 6 февраля.

(Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 573–574).

* * *

Резолюция митрополита Иосифа

Митрополит Ярославский Агафангел с прочими епископами Ярославской церковной области отделились также от митрополита Сергия и объявили себя самостоятельными в управлении вверенными им паствами, к чему я присоединил свой голос. По сему благому примеру нахожу благовременным открыто благословить подобное же правильное отделе-

ние части Ленинградского духовенства со своими паствами. Согласен на просьбу возглавить это движение своим духовным руководством и молитвенным общением и попечением; готов не отказать в том же другим, желающим последовать доброму решению ревнителей Христовой истины. Молю Господа, да сохранит всех нас в единомыслии и святой твердости духа в переживаемом Церковью новом испытании.

М<итрополит> И<осиф>.

(Польский М., протопресв.

Новые мученики Российские. С. 8).

* * *

Указ митрополита Иосифа о возведении в сан архиепископа епископа Дмитрия Гдовского

Божиею благодатию

Смиренный Митрополит Иосиф

3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем Заместителей

Призвав всеусердно благословение Божие и молитвенное содействие, благоизволение Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона и Его Преемника Местоблюстителя Патриаршего Престола, Митрополита Петра, призвавшего и мое недостоинство к участию в продолжении Апостольской преемственности и служения, — нахожу благовременным и неотложно необходимым и достойным делом, чтобы почтен был заслуживший просимого:

возведения в сан Архиепископа Преосвященный Дмитрий, Управляющий Ленинградской Епархией.

Да утвердит дело сие Пастыреначальник, Зиждитель и Хранитель Церкви Господь и Спаситель наш, Кому угодно было поставить нас в необходимость действовать так, чтобы <нуждами> времени и препятствиями в соблюдении точности «не стесняемы были пределы управления» (37-е правило 6-го Вселенского Собора)!

25 дек. 1928 г.

Митр<ополит> Иосиф

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 103).

* * *

**Письма митрополита Иосифа
отцу Николаю Прозорову. 1928–1929 гг.**

Дорогой о. Николай!

Пока мне неизвестно, что писал архиепископ Серафим (Угл.) <ичский>¹, не решаюсь что-либо писать ему. Боюсь не попасть в тон его намерений и предприятий. Да и в конце концов мне все равно, что бы он ни писал. Если они бросили одного меня и сделали козлом отпущения, это на их совести, а подлости человеческой в пример для подражания я не возьму никогда, тем более, что никакая измена от страданий все равно не избавит, так пусть уж лучше буду страдать за идею, а не за измену ей.

Некоторые наскоки (узнаете об этом у Владыки Димитрия) делаются на меня, но пока что я равнодушно обхожу их без удовлетворения, потому что об этих вещах можно говорить только на свободе и при условии свободы духа и совести, не связанных никакими страхами и угрозами. А пока сего нет, от меня не услышат ни одного слова ни в оправдание, ни в защиту.

Возможности возвращения в Л.<енинград> я не верю, и этим не ослабляюсь, а даже укрепляюсь больше в решимости стоять за правое дело.

Чем меньше тут моего личного благополучия и заинтересованности, тем лучше для дела.

Господь да хранит Вас! Супруге Вашей — благословение.

Будьте здоровы и во всем благополучны.

М.И

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 106–106об).

¹ Вероятно, речь идет о распространявшихся летом 1928 г. слухах о временном примирении архиеп. Серафима с митр. Сергием.

* * *

Дорогой о. Николай!

Премного утешен Вашим дорогим и ободряющим письмецом и премного благодарю Вас за Ваше участие и утешение.

Принеся себя в жертву за всех Вас, я всецело в Вашей зависимости. Ваша верность, твердость и ревность — моя жизнь, сила и спасение. Ваша измена, расслабление и равнодушие — моя гибель, мое поражение и уничтожение.

Некто из нынешних сказал: «народ пойдет за “белым клобуком”». Личность тут не при чем...». Жизнь должна испробовать этот взгляд на деле.

Если «легализовавшиеся» восторжествуют всецело, как уронится этим «народ»! Если же этого не случится, как он поднимется и еще в наших страдальческих глазах! Мы убедимся тогда, что стоило пострадать за этот народ, и не тяжки будут за него эти страдания.

Но если... если иначе...

Да избавит Господь от непосильных страданий!

Простите, сейчас я не в силах писать много.

То ли вследствие постигшего меня недуга (простуда), то ли от слишком глубокого внутреннего переживания постигшей меня вторично беды изгнания — я сильно ослабел духом и не могу настроиться на подобающее настроение.

Не оставляйте меня в молитвах Ваших и участия своего по временам не лишайте.

Да хранит Вас Господь!

М.И

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 108–109).

* * *

Письмо-обращение отца Николая Прозорова к митрополиту Иосифу

9/22 февраля

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший и дорогой наш Святитель!

По благословию Высокопреосвященного Владыки Димитрия осмеливаюсь просить Вас дать нам ответ на вопросы, выдвинутые пастырями Пензенской Епархии из присоединенных к нам приходов. Эти ответы будут для нас как руководство и на будущее время:

1) Православные приходы окружены теперь или живцами и обновленцами, или сергианцами. Но население смежных приходов имеет обоюдные родственные связи, и потому часто приносят в православные храмы младенцев, крещенных обновленцами и сергианцами. Нужно ли помазывать их Св. Миром? На практике крещенных <младенцев> обновленцами уже помазывают Св. Миром — а как быть с крещеными сергианцами?

Ответ:¹ *Обновленческих — да, помазывать Св. Миром, но «Сергиевских» — пока нет! Ибо они — «Сергиевские» по недоразумению, в стадии происходящего еще разрешения этого дела.*

2) Три месяца тому назад Еп. Кириллом Пензенским² некто псаломщик Панов рукоположен в священники в тот же приход, где был псаломщиком. Теперь приход и он думают перейти к нам. Как быть с Пановым? Каким образом его принять?

Ревностные прихожане не хотят признавать его рукоположение. Наше духовенство там в смущении и запрашивает нас. Вопрос серьезный, а потому мы и обращаемся к Вашему Высокопреосвященству за разъяснениями.

¹ Ответ митрополита Иосифа.

² Кирилл Соколов — на Пензенской кафедре с сентября 1928 по 1933 г.

Ответ: Принять надлежит после велегласного исповедания присоединяющимся истины. Для успокоения «ревностных» можно рекомендовать священнику покорно принять некоторую епитимию — в виде временного воздержания от священнодействия (недели 2–3 и до месяца).

Относительно рукоположения надлежит руководствоваться практикой, установленной при Патриархе для приема посвященных обновленцами: эти посвященные разделялись на несколько категорий: принявшие рукоположение от архиереев старого поставления (уклонившиеся в обновленчество) принимались покаянием и епитимией (вроде указанной выше). Тем же порядком разрешалось принимать тех, которые приняли посвящение, хотя и от новых архиереев, но принявших свою хиротонию от старых и без нарушения правил церковных (неженатых и т. д.). Только принявшие посвящение от женатых епископов и с нарушением церковных правил отменялись совершенно и рассматривались как непосвященные.

3) Гражданские браки, т. е. открытое блудодеяние и мерзкое богохульство, в провинции входят в силу. Батюшки просят благословения лишать христианского погребения лиц, бывших в этих грехах и умерших, не очистив себя покаянием. Или же отпевать их на дому, а не в храмах? Вот меры борьбы с развратом, предлагаемые пастырями.

А Вы, дорогой Владыко, как смотрите?

Ответ: Правильно, но в отдельных случаях возможны некоторые снисхождения. Например, кто-нибудь из непвенчавшихся все время сознавал свой грех и не успел по надлежащему исправить его или не смог. Таких, хотя и на дому, ради уменьшения скорби родных, прилично отпевать. Явных и злостных богохульников отпевать было бы соблазном. Пусть хоронят по-безбожному. Точно так же и неввенчавшихся по злобе и отчуждению от Св. Церкви, без всякого сознания греховности своей жизни.

Я оставляю здесь место для ответа, дабы не утруждать Вас лишним писанием. Во всем другом же у нас пока мир и благополучие. Не хватает только Вашей Святыни. Дождемся ли?

Мало надежды. Жду вас сюда.

Да хранит Вас Господь Бог и укрепит. Ведь дышим Вами (*и не легко, вероятно?*)

Прошу молитв и Святительского благословения.

Ваш покорный и преданный послушник, грешный иерей Николай Прозоров.

Дорогой отче! Привет и благословение. И спасибо за помощь Владыке.¹ Берегите его!

М.И

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 111–111об).

* * *

Письмо митрополита Иосифа неизвестному петроградскому протоиерею. 1929 год.

Дорогой о. Протоиерей!

Благодать Божия, нас укрепляющая, утешающая и вразумляющая, да облегчит труды во благо св. Церкви и вознаградит их добрыми плодами, каковыми мы, пастыри, должны считать прежде всего преуспевание дела Христова, полагая в этом и свое собственное высшее благо и утешение!

Познакомлю Вас с свежими событиями моего уединения. По счастливой случайности, свидетельницей их оказалась м<ать> Анастасия, которая может дополнить и пояснить Вам многое, чего не уместить на страницах бумаги. Дело такого рода. Неожиданно получаю из Углича, от батюшек Арх<иеп.> Серафима Угличского (находящегося в ссылке), кипу бумаг — своего рода целый клубок проектов, намерений, предприятий. Сообщаю... : Влад<ыка> Серафим

¹ Имеется в виду архиепископ Димитрий Гдовский. — Прим. Составителя.

вдруг надумал выпустить по адресу Сергия новое его вразумление и вместе подтвердить неизменность Ярославской декларации прошлого года (до майского добавления к ней). Написанное им воззвание подверглось, однако, цензуре сначала М. А. <...>¹, а потом и его Угличских друзей. И тот, и эти внесли большие изменения. Особенно интересным является проект Угличан. Они, находя, что мы, Ленинградцы, не нашли себе много последователей только потому, что недостаточно канонично обставили свой отход, предлагают восполнить этот пробел так (мысль, поданная им в, вероятно, известной Вам «Беседе 2-х друзей» — вроде наших «ответов востязующим»): в соборных определениях 1917–1918 годов есть пункт (10) и (8) в главе о Патриархе, что в случае превышения им прав делается двукратное братское представление и предупреждение, в случае безуспешности коего виновный объявляется подлежащим суду и т. д. Только при этом условии совесть-де может быть развязана, и наше дело задержалось в своем развитии именно от несоблюдения этого условия.

В таком духе Угличане составили новый проект братского увещания к м<итр>. Сергию с указанием сроков, по истечению коих, в случае его упорства, совесть всех объявляется развязанною, он передается суду, и Заместительство автоматически переходит к следующему.

Как будто все хорошо, правильно, благообразно и по чину. Конечно, хорошо бы все это обсудить сообща, и, может быть, у многих действительно после этого развязалась бы совесть, и дело Сергия стало бы разлагаться со стихийной быстротой. Но вот что меня смутило. По соборному определению, такое представление Сергию должно последовать от не менее $\frac{2}{3}$ членов Синода или архиереев. Затрудняясь выполнением этого условия, Угличане находят достаточным (ввиду особых условий «военного» времени), если такое представление сделают и такой порядок соблюдут... мы два: я и Серафим!!

Поистине, утопающие ухватились за соломинку и хотят ею спастись. Подумав, я решил, что это едва ли поведет к желаемому результату, проекта их не подписал пока, а ответил прилагаемым при

¹ Фамилия вырезана. — Прим. Составителя.

сем письмом,¹ которое Вам откроет более подробно мое отношение к этой стадии нашего дела. Интересно бы знать Ваш взгляд на это. Мне думается, это что-то похоже на: «после драки кулаками не машут»! Быть может, Владыке Серафиму Угличскому нужно что-то сделать для реабилитации себя после скандального присоединения к майскому разъяснению. Но я тут не при чем. Я считаю совершенно ликвидированным свое дело с Сергием, и 2-й раз тревожить кучу этого навоза не хочется.

Важным побуждением для возобновления драки с Сергием послужило то, что — как оказывается — Агафангел незадолго до смерти высказывал намерение возобновить свой протест против действий Сергия, коими он вновь доведен был до пределов терпения; <митрополит Сергей> понял майские «уступки» в смысле полной ликвидации основной декларации. Агафангел настойчиво подтверждал, что она остается в силе, а ему сыпались требования об исполнении не приведенных в исполнение указов спорных (о поминовании властей и т. д.). Это (а также лживые доносы Сергия, опорочивающие все наше дело) и вызывало в Агафангеле желание вновь начать потасовку, чего он, однако, не успел. Это самое и думает теперь сделать за него Серафим, притягивая меня к участию.

Стоит ли это затевать? Будет ли толк? Не все ли сказано и сделано? Стоит ли идти на новые — риск и, быть может, более строгие репрессии?

Хотелось бы проверить Вашими суждениями свою позицию. И свои действия. Только недавно я говорил Вам, что время нам умолкнуть и не спорить с любителями споров, и вдруг... искушение!

Посвятите Владыку во все это дело, я не пишу ему самому, чтобы не обременять его излишним балластом, не имеющим для нас практического значения.

А все же это ему небезынтересно.

Матушка Ан <астасия> кое-что еще добавит.

¹ В материалах следственного дела упомянутого письма не обнаружено.

Бедный Владыка Д<имитрий>! Такой груз выпал на Его долю. Помогите Ему Господи! Да и вы, о. Протоиерей, облегчайте его Вашу помощью, советом и трудами.

Да поможет Вам во всем Господь!

Семье Вашей благословение Божие и Покров Царицы Небесной!

М.И

Знакомы ли Вы с «Беседой 2-х друзей»? Это интересная вещь! Говорят, она была в Питере.

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. С. 121).

* * *

Ответ на письмо архимандрита Льва <Егорова>

«Дорогой Отче! До последнего времени я думал, что мой спор с митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу отойти спокойно в сторону, добровольно принеся себя в лучшую жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. И я был совершенно искренен, когда думал и говорил, «что ни на какой раскол я не пойду» и подчиняюсь незаконной расправе со мной — вплоть до запрещения и отлучения, уповая на одну правду Божию. Но оказалось, что жизнь церковная стоит не на точке замерзания, а клокочет и пенится выше точки простого кипения. Мое маленькое «дело» вскоре же оказалось лишь малой крупичей столь чудовищного произвола, человекоугодничества и предательства Церкви интересам безбожия и разрушения этой Церкви, что мне оставалось удивляться отселе не только одному своему покою и терпению, но теперь уже приходится удивляться и равнодушию или слепоте всех других, которые еще полагают, что попустители и творцы этого безобразия творят дело Божие, «спасают» Церковь, управляя ею, но дело выходит наоборот, они грубо оскорбляют ее, издеваются над нею, вписывают себя в число ее врагов, себя откалывают от нее, а не они откалывают тех,

которые не могут терпеть далее этой вакханалии грубого насилия и безобразно-кошунственной политики.

Может быть, я терпел бы и это. Моя-де хата с краю, как теперь Ваша. Но, дорогой Отче, я вдруг с особой болью стал чувствовать и себя в значительной мере ответственным за несчастья Церкви. Ведь, как Вам неизвестно, я — один из Заместителей Патриаршего Местоблюстителя, который связан страдальческим долгом не просто заменить арестованного предшественника, но быть ему и свободным предостережением на случай замены в возможности духовного падения. Конечно, такое падение должно бы в нормальных условиях жизни церковной сопровождаться и судом, и соборным решением. Но какой суд и соборное решение возможны теперь при настоящих условиях жизни? И каким судом и соборным решением с Архиереем, со мною, учинена расправа, допустимая по правилам лишь при большом грехе с моей стороны? Почему же, требуя суда и соборного решения в одном случае, Вы допускаете отсутствие их в другом?

Не есть ли такой аргумент тоже благодарный материал для отдела несообразностей в логическом задачнике? Погодите, придет, — мы надеемся, — время, когда будем говорить о наших событиях и судьбах. И кто тогда будет более обвиняемым, еще большой вопрос. А пока дело обстоит так: мы не даем Церкви в жертву и расправу предателям и гнусным политикам и агентам безбожия и разрушения. И этим протестом не сами откалываемся от нее, а их откалываем от себя и дерзновенно говорим: не только не выходили, не выходим и никогда не выйдем из недр истинной Православной Церкви, а врагами ее, предателями и убийцами ее считаем тех, кто не с нами и не за нас, а против нас. Не мы уходим в раскол, не подчиняясь М<итр>. Сергию, а вы, ему послушные, идете за ним в пропасть Церковного осуждения. Мы зовем вас и укрепляем ваши силы на борьбу за независимость Церкви, только совсем не так, как вы полагаете должным. Не согласим с порабителителями этой Церкви и убийцами ее святой независимости, а громким и решительным протестом против всякого соглашательства, лицемерия и лживых компромиссов предательства ее интересам

безбожного мракобесия и ожесточенной борьбы со Христом и Его Церковью.

Неужели Вы не видите несогласимое ничем противоречие и несообразность в вашей дилемме: «Снимаете ли Вы с нас послушание Вам тем, что уходите в раскол, или, подчиняясь М<итр>. Сергию, укрепляете и в нас силы на борьбу за независимость св. Церкви». Я уйду в раскол?! Подчинение Сергию — борьба за независимость Церкви?! Что вы говорите, милый мой! Да над этим посмеется любая ленинградская старуха!

Может быть, не спорю, вас пока больше, чем нас. И пусть «за мной нет большой массы», как Вы говорите. Но я не сочту себя никогда раскольником, хотя бы и оставался в единственном числе, как некогда один из св. исповедников. Дело вовсе не в количестве. Не забудьте ни на минуту этого: «Сын Божий, когда вновь придет, найдет ли вообще верных на земле?» И может быть, последние «бунтовщики» против предателей Церкви и пособников ее разорения будут не только не Епископы и не Протоиереи, а самые простые смертные, как и у Креста Христова Его последний страдальческий вздох приняли немногие близкие Ему простые души.

Итак, дорогой Отче, не судите меня строго, особенно Вашим Вальсамоном. Полагаю, что он был далеко не то, что сами авторы св. правил в понятном каждому смысле и без толкователей, и что во всяком случае этот Вальсамон не может быть авторитетным и верным толкователем наших событий, непредусмотренных никакими толкователями и правилами.

Не судите же меня строго и четко усвойте следующее:

1. Я отнюдь не раскольник, и зову не к расколу, а к очищению Церкви от сеющих истинный раскол и вызывающих его.

2. Указание другому его заблуждений и неправоты не есть раскол, а попросту говоря — введение в оглобли разнуздавшегося коня.

3. Отказ принять здравые упреки и указания есть действительно раскол и попрание истины.

4. В строении Церковной жизни участники — не одни только верхушки, а все тело Церковное, и раскольник тот, кто присваивает

себе права, превышающие его полномочия, и от имени Церкви держат говорить то, чего не разделяют остальные его собрания.

5. Таким раскольником показал себя Митрополит Сергей, далеко превысив свои полномочия и отвергнув и презрев голос многих других святителей, в среде коих и сохраняется чистая истина.

6. Вскользь Вы упоминаете, что в числе путей к истине Христос указал нам еще один новый путь: «да любите друг друга», каковый путь, по-видимому, вы считаете упущенным из виду при моих действиях. На это я Вам напомним, Отче, дивное заключение Митрополита Филарета в слове о любви ко врагам: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь». (Т. 1. С. 285. Слово в Нед. 19. Ср. еще Апостола любви *Ин.* 1, 10–11).

Защитники М<итр>. Сергия говорят, что каноны позволяют отлагаться от Епископа только за ересь, осужденную собором; против этого возражают, что деяния М<итр>. Сергия достаточно подвоятся и под это условие, если иметь в виду столь явное нарушение им свободы и достоинства Церкви, единой, святой, соборной и Апостольской.

А сверх того, каноны ведь многое не могли предусматривать. И можно ли спорить о том, что хуже и вреднее всякой ереси, когда вонзают нож в самое сердце Церкви — ее свободу и достоинство. Что вреднее: еретик или убийца?

«Да не утратим помалу, неприметно, той свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков» (8-е пр. III Вселенского Собора)».

М.И

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 3. Л. 174об–177).

(Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 7–8).

Письмо митрополита Иосифа духовным чадам¹

Душе, тоскующей среди невзгод и бурь
нынешнего житейского моря.

Не ложно слово Господа, обещавшего пребывать с нами до скончания века и сохранять Церковь Свою неодолеваемою вратами ада, то есть и на краю погибели. Да, сейчас мы на краю погибели, и многие, быть может, погибнут; Церковь Христова умалится, быть может, опять до 12-и, как в начале своего основания. Ведь не могут не исполниться и такие слова Господа: «Сын Человеческий придет обрящет ли веру на земли?» Все делается по предведению Господню, люди тут не могут ни прибавить, ни убавить ни на одну йоту. Нежелающие погибнуть — более застрахованы от гибели, и можно сказать: ад будет только для тех, которые сами желают его. Так эта истина да пребудет прежде всего утешением и подбодрением для унывающих от событий мира сего. Лишение храмов Божиих и подобных преждему пышных Богослужений с обилием молящихся, блестящими сонмами священнослужителей, ангельски подобным пением хоров и т. п. — конечно, печально и жалости достойно, но от нас не отнято внутреннее служение Богу в тишости и умиленности, и сосредоточенности в себе духа. Подобно тому, как известные челюскинцы, лишенные носившего их корабля, не погибли, а сумели создать себе сносную жизнь и на обломках обманчивой плавучей льдины, пока не были вознесены от грозившей поглотить их пучины на крыльях самолетов, так и мы, после жалостного крушения наших духовных кораблей, не должны предаваться панике и терять самообладание и надежду на спасение, а должны спокойно начать приспособляться к новой обстановке и изошряться на все способы, хотя и в менее пышных формах, продолжать свой молитвенный труд служения Господу и наслаждения Им «во псалмах и пениях и пес-

¹ Письмо написано митрополитом Иосифом в Казахстанской ссылке, вероятно, в 1934 г. Подлинник письма не сохранился. Переписанные копии хранились в иосифлянских общинах.

нях духовных», как молились первое время Апостолы и все верующие христиане.

Разве были тогда наши величественные храмы, колокола и пышные службы? И разве отсутствие всего такого мешало возгораться такую любовью к Господу, какой не достигали все последующие века?

А пустынноики и пустынноицы, добровольно проводившие вдали от храмов Божиих десятки лет, разве не более заслуживают нашей святой зависти, чем живущие среди храмов и пышных Богослужений и при всем том не достигшие такой близости к Богу и наслаждения Им?

Вы, лишенные недавних радостей молитвы в храмах Божиих, помните — вы не освобождены от обязанности молитвенно устроить свою жизнь и не лишены возможности этого, помимо возможности иметь около себя постоянных служителей Христовых и пользоваться их духовной поддержкою и окормлением. Вы и без них должны проводить жизнь так, как-бы сами были своими жрецами, закалая свою жизнь в жертву Господу терпением всех скорбей и лишений, непрестанною к Нему молитвою души, памятованием о Нем с любовью и благодарностью за все Его милости и скорби, и радости, и жаждать Его спасения, когда Он пошлет Ангелов Своих восхитить Ваши души от земных горестей и опасностей и на крылах вознести вас к Себе, где не будет «ни болезни, ни печали, ни воздыхания». А до того и для того обзаводитесь все печатными и письменными Богослужебными и молитвенными книгами и «пойте Богу нашему», пойте разумно, как умеете и сколько успеете в молитвах своих молитвенных домов, углов в особо посвященное Ему время, свободное от других забот и трудов.

Богослужебные наши книги — неисчерпаемый источник утешений духовных, и кто же не имеет возможности пользоваться ими? Одна Псалтирь чего стоит: она пронизывает собою, как канва, все другие наши молитвенные книги и песнопения.

Не ослабевайте же, не падайте духом, и благодать Божия с вами.
Аминь.

«В объятиях Отчих».

Дневник инока¹

«Уединенная, безмолвная, самоуглубленная, Богомысленная жизнь инока — ценна, обильна и отрадна многими минутами божественно-благодатного озарения, Богопознания и самопознания, составляющими все его счастье на земле и залог спасения и будущего богатства на Небе. Записыванием всего, что могло делаться достоянием бумаги из этих минут, составила настоящая книга, из коей всякий да видит, как самые окаянные грешники, подобные мне, не отвергаются любовью Отца Небесного, не обманываются надеждою на милосердие нашего Спасителя, не лишаются благодатного утешения Духа Божия — Утешителя!...

Да подвижут же, Господи, дивные милости Твои ко мне — беззаконных и нечестивых к вразумлению и исправлению, нерадивых к усердию, слабодушных к ревности, отчаянных к надежде, подвижающихся к терпению и приумножению подвига — всех Тобою спасаемых — к доброму и неуклонному шествию по пути спасения.

26 августа 1904 г.

¹ По третьему полному изданию: А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905–1914. Т. I–XI. Выдержки распределены по темам, где они приведены без указания даты, но с сохранением той нумерации, под которой они были опубликованы в данном издании. В некоторых случаях сохранена орфография и пунктуация оригинала.

О внутренней жизни и Богообщении

77

Будем жить более внутреннею жизнью, и в сем самоуглублении откроем мир, несравненно более всего видимого и временного достойный нашего изучения, интереса, труда и забот: откроем душу, столько нуждающуюся в нашей непрестанной чистке и заботливом ограждении от угрожающих ей на каждом шагу опасностей, падений, искушений; откроем душу, заключающую неизсякаемые источники для духовной беседы с Богом, для приятия Его неизглаголаных сладких вещаний, рождающую из себя столько величайших утешений и умиления при размышлении о излитых на нее и изливаемых всегда благодеяниях Божиих.

2189

Стучи Господу в двери твоего собственного сердца. Он там, за этими дверями, связанный твоим небрежением, косностью, леностью, нерадением. Услышав твой стук, твое пробуждение встрепнется, и Он, сбросив оковы, коими ты Его заключил, разобьет и твои оковы, и изведет с Собою на свет и свободу истинной жизни.

2191

Есть отдых от трудов, есть отдых и вообще от жизни, от ее скорбей, тяжестей, монотонности, многозаботливости. Отдохни жить, когда чувствуешь, что тяжело жить. Брось все, поживи исключительно молитвой, Богомыслием, Богослужением, Богоугождением, и почувствуешь прилив новых сил — жить и терпеть. Странник не все идет, а нет-нет, да и посидит, и потом опять идет и идет. Так и ты — регулируй жизнь умелым, здоровым, благовременным отдыхом.

112

Трудись, веди свое дело, все равно, хотя бы ты не замечал от него очевидных плодов: ты и не должен видеть их в здешней жизни. Трудись во благочестии не для внешних самолюбивых, самохвальных, тщеславных, корыстных целей, а для своей души. Трудись во искании и стяжании Спасителя в терпении и неотступности: и уже этот труд — великое для тебя приобретение: он нужен всегда, ибо он пресуществляет постепенно твою душу и всю природу в то состояние, которое наилучше способно воспринять Спасителя.

245

Познавай, старайся познавать Вседержителя Господа не в грозно-величественных, поражающих даже безчувственные сердца знамениях Его силы и проявлениях, а тихих, незримо благодатных веяниях этой силы в глубинах твоего сердца: тогда найдешь и привыкнешь открывать и ощущать Его гораздо более славные чудеса над твоею душою, каждую минуту находящейся под Его воздействием и могущей эти воздействия обратить в неизсякаемый источник чудес, милостей и благодатной помощи для очищения сердца и обновления души — последняя цель всяких чудес и желаний.

432

Возлюби Господа живую, сердечную, глубокою, неустанною непрерывною любовью и приобретешь великое благо, великое сокровище. Без любви ко Господу не будет у Тебя ни охоты, ни услады в службах Божиих, ты будешь тяготиться или скучать во время их, рассеиваться и утомляться, сомневаться в важности, полезности и спасительности установлений Церковных и подвигов. При любви же Божией ты всею душою привязан будешь к Церкви и ее уставам, лучше которых нельзя придумать для обнаружений и выражений и для питания нашей любви ко Господу. Утомляться во вре-

мя службы ты не только не будешь, но и придя домой, найдешь в себе любовь и силу продолжить твоё славословие Господу: Он придет с тобою и в дом твой и здесь подвигнет душу и сердце твоё к пище Ангельской, т. е. к славословию Ему, хвале и служению. И не только Церковными установлениями, постами и т. п. не будешь тяготиться, но и сам наложишь на себя добровольные обеты и службы Господу, Который поистине «возстань и легай» с любящими Его...

529

Любовь к Господу Богу не приходит вся сразу; но как нежное роскошное растение, она тоже растет, развивается, живет и возрастает постепенно. Это нежное деревцо жизни нашей также требует своего постоянного и самого внимательного ухода, поливки, света, тепла, солнышка. Подогреваясь участием в Божественной Литургии, этом чудном акте Божией любви к человечеству, ежедневным богомыслием, прибеганием к Богу и возвещением Ему всех наших нужд, печалей, немощей и болезней душевных и телесных, сыновним доверием и покорностью св. воле Господа Бога во всем, любовь ко Спасителю мало-помалу с незаметною постепенностью возрастает в тот пламень, который будет способен греть и освещать нашу жизнь светлее и теплее солнышка. Господь Бог тогда будет всецело царить в душе; частое прибегание к Нему и всегдашнее сопребывание в Нем, в мысли о Нем воспитает в нас дивное сладкое чувство близости к Нему, общности с Ним, а отсюда и любви. Известно, как привязываются люди к тем, кого судьба сближает с ними, и долгое время заставляет жить общими интересами. Так, Господь Бог пусть будет соприсутствовать тебе во всех твоих делах, предприятиях, мыслях, чувствах, бедах, скорбях и напастях. Тогда Он поистине сольется с тобою, будет неотделим от тебя, ты во всем будешь искать только Его, Его помощи, Его одобрения, защиты и утешения.

586

Долго я не имел возможности насыщать жажду Божественного общения и не знал ее настоящей цены, силы и сладости и необходимости. Благодарю Тебя, Господи мой, что даруешь мне сие! Не отъими сего благодатного дарования Твоего, в котором одно из действительнейших средств очищения сердца от всяких тлетворных пристрастий, обновления его и водворения в нем Духа Божия.

699

Два знания я имею о Боге: 1) со слов других, из чтения книг и т. п. и 2) по собственному опыту, по собственному усвоению и откровению Бога в душе моей, свойственному всякому человеку. Так точно, как и во всяком знании. Я могу знать о существовании и о свойствах какой-нибудь страны, города, местности со слов других, из чтения описаний, и могу сам воспринять впечатления от данной местности, поставив мои чувства к ней в такие отношения и близость к ней, чтобы эта местность воздействовала на меня непосредственно. И как человек, впервые видя необычайные свойства известной местности, ее чудеса, хотя и знает уже хорошо о них по описаниям, тем не менее, ахает и изумляется, воспринимая их непосредственно своими чувствами, так и в знании о Боге, приходя в непосредственное соприкосновение и восприятие Божественных воздействий на душу, испытывает некоторое сладкое, отрадное, возвышенное чувство изумления пред постоянно новыми и новыми откровениями его душе свойств и знаний Бога! В сем неопикуемом изумлении я воскликнул сегодня душою моею за Божественной утреней: Господи! Дивна сила Твоя! Непостижимо величие Твое! Неопикуема красота Твоя! Необъятны могущество Твое и власть Твоя! Неизреченно милосердие Твое! Неизъяснимо долготерпение Твое и человеколюбие! Все в Тебе Божественно-чудно, Божественно и необъятно, Божественно-безпредельно!...

2549

Господи! Чувствую я — Ты отступаешь от меня, конечно, потому, что я сам прежде отступил и все более и более отступаю от Тебя все большим и большим расслаблением моим, погружением в суету и шум, свойственный более мирской жизни, засорением души трудами и делами для моего звания и жажды духовной неподходящими, излишними, бесполезными. Господи! Отступаю я от Тебя, потеряв прежнюю крепость, свободу и жар любви к Тебе, допустив сердце мое уязвиться плотскими помыслами и желаниями, допустив в нем внедриться чуждому Тебе чувству привязанности, которое лелеется во мне, все более и более овладевая мною, вырастая в целого «идола» и кумира, способного соперничать с Тобой в праве на поклонение и служение. И вот Ты — уходишь, добровольно, покорно, без протестов и сопротивления. Но... мне жаль Тебя, до слез, до нестерпимой боли жаль Тебя. А если так, я не хочу изменять Тебе, не хочу огорчать Тебя! Даруй же, Господи, быть Твоим всецело, всегда, в чистоте, безраздельности и безупречности!

О молитве

207

Могу ли я быть уверен, что Господь слышит мою молитву (недостойную, грешную)? Могу ли я быть уверен, что молитва моя не «в недра мое возвратится»? Могу ли я быть уверен, что Господь тут, около меня, во время моей молитвы, слышит-слушает ее, кротким, любовным взглядом Своим упокоивается на мне, к Нему припадающем? Могу ли я, недостойный и окаянный, столькими изменами Ему и падениями себя запятнавший, дерзать мечтать о таком Его снисхождении к Его последнему из достойных? Писание говорит, что я *должен* быть уверен в этом, если прибегаю искренно, тепло, умиленно и сокрушенно, а, следовательно, и *могу*. И могу, и

должен! Должен только при этом смиренно оставить Господу право исполнить или нет мою молитву, исполнить сейчас или позднее, целиком или частью.

208

Дерзновение молитвы дается и воспринимается по мере очищения от грехов и исправления своей жизни. И замечательно, это дерзновение является не результатом сознания, что я «что-то» сделал для Господа и имею право на исполнение своей просьбы Ему. Нет, дерзновение является как-то *способностью* души, в которой она не отдает отчета, откуда она, приобретена или привзошла со вне и стала твоим свойством. Прежде, чем сознание хотело бы найти дерзновение в душе как результат своего угождения Богу и условие успешности молитвы, как уже оно находит дерзновение как свойство души, «состояние», факт, необъяснимый ни заслугами, ни усердием молитвы. Это удел совершенных — со всею ясностью и очевидностью находить в себе дерзновение для молитвы и владеть им, как готовым всегда к их услугам условием молитвы.

210

Опытно познал я, что когда, несмотря на все развлекающее и рассеивающее в молитве, иногда несмотря на возмущающие душу условия, при которых приходится совершать Св. Богослужение, — несмотря на все это, употребишь усилия совершить службу Божию усердно и благоговейно, Господь вознаграждает сторицею труд своего служителя, обильно посылая в душу «Дух Свой благий, гласящий безгласен» и благодатное озарение светлыми мыслями.

433

Если не находишь в себе веры живой, пламенной, сердечной ко Спасителю, прилично тебе, подобно отцу евангельского бесноватого,

«со слезами» воскликнуть: «Верую, Господи, помози моему неверию!» О, мудрое неверие, превосходящее многих веру! Представь себе: кроткий упрек Спасителя: «Вся возможна верующему!», беснующегося отрока, убитого горем отца, слезы его, минуты ожидания, надежды, момент сомнения и взрыв веры, вырвавшийся вдруг из-за облаков неверия: «Верую! Помози неверию!»...

648

Есть ли смысл молиться Господу Богу от бездождия, безведрия и т. п., когда все это обыкновенные явления, вмешиваться в которые человеку значит выражать свое недовольство ими, а Богу — значит, творить чудо по человеческой неуютности известного явления? — Есть смысл и весьма важный. Со времени грехопадения весь мир, по слову Божию, погряз во зле; «обыкновенные» явления в нем смешались с «необыкновенными», вредоносными; порядок и гармония на каждом шагу во всем сопровождаются ненормальностями, уклонениями, карательными за грех человека. Природа из слуги человеку стала деспотом. И вот, страдая от безведрия или бездождия, мы можем и должны обращаться к Господу за помощью, ибо такова деятельность Его против зла, что Он в пришедшей к расстройству природе одни болезненные явления попускает — для нашего вразумления, другие усиливает — для показания Своего праведного гнева, другие ослабляет, в изъявление Своего милосердия. И мы можем преклонять Его на это милосердное ослабление губительных явлений в мире именно раскаянием и очищением грехов своих, служащих источником и основанием всех наших бед и несчастий, и расстройств — и в мире физическом, и нравственном и т. п.

651

Благословен Ты, Господи! Отверзи моя уста и сердце на хвалу и благодарение Тебе! После продолжительных и сильных ливней по всей нашей св. Обители вознесены были моления о ведре, и на дру-

гой же день сильнейший ветер разогнал все облака, и к вечеру все успокоилось в благодатной тишине! Явная милость Божия! Хотя враг и смущает сомнением в том, нашептывая, что это так и само по себе сделалось бы. И что слишком было бы много требовать от Господа — в такое короткое время так легко изменить всю погоду! Но, лукавый безумец, что же трудно для Господа? И не для человека ли некогда Он создал и весь этот мир, и строй природы? Не по Его ли слову некогда в одно мгновение прекращались бури и умолкали ветры! А ведь Он — вчера и днесь той же и во веки! Все, все сделает Он для человека, лишь бы и человек готов был все сделать для Него!

657

Хорошо не оставлять и не сокращать обычного молитвенного правила даже при усталости и недостатке времени. Господь не погнушается и таким усердием, в поспешности и озабоченности, а за то леньность наша и нерадение лишают возможности жить на счет наших послаблений и угождений нашей легкой уставаемости и недосугам. Они являются ведь для сего и туда, где правило откладывается и по другим более уважительным причинам.

1160

Когда после продолжительной молитвы и стояния тебя одолевает чувство усталости и расслабления, принеси Господу в молитву и это твое состояние, которое будет не менее угодно и приятно Его сердцу, как и то, когда ты приносил Ему в службу свежие силы и бодрый дух.

1118

Нет удобнее времени для молитвы, как ночь. Ничто не отвлекает в это время человека, он весь в себе, весь готов к молитве и погружению в Бога, тогда как обыкновенно днем на каждом шагу к этому

выступают препятствия и отвлекающие восприятия чувств — шум, доносящийся с улицы, и щебетание птиц, и резкость дневного света и даже простое представление о том, что теперь днем все суетится, грешит, волнуется, и как-то невольно заражает поползновением на то же; а ночью все спокойно, везде тишина, располагающая и душу к умиротворению, умолкают страсти, как звери неистовые, возбуждающиеся от дневного света; и ничего не стоит в это время между Богом и душою: все готово к их соединению и сладкой беседе.

2003

Отдай молитве лучшую часть дня, если не имеешь возможности осуществлять совершеннейшее — «непрестанно молитесь». А то мы откладываем на молитву время ни на что негодное, время утомления, скуки, безделия, дремоты и расслабления всех сил умственных и физических, истощаемых часто трудом, ничего общего не имеющим с молитвой. Неудивительно, что и плода от такой молитвы не видим.

3634

Мы просим у Бога часто богатства, довольства, земных благ и т. п. И Слава Богу, что Он иногда не исполняет такой нашей просьбы. Но вот есть просьба, какой Он никогда не отказывает: это просьба о прощении грехов, благодати Св. Духа. Проси же, грешник, достойный всякого сожаления, что менее всего об этом просишь, хотя более всего в этом нуждаешься.

3702

«Восставше от сна... Ангельскую песнь вопием ти»... Ангельская песнь не словами только ангельскими, но и чувствами, пламенностью, страхом и трепетом ангельскими — должна быть приносима Господу Богу. А мы не только иногда не ангельскую, но и не челове-

ческую песнь приносим: бессознательное бормотание и безчувственное рукомахание, и думаем — так и надо, довольно с нас.

3812

Концом всех твоих молитвенных желаний и прошений ко Господу да будет повержение себя во всецелую волю Божию. Мы часто желаем бесполезного нам, и Господь, видя это, не посылает нам желаемого, но если человек слишком сего добивается и готов потерять веру в силу Бога, не исполняющего нашей молитвы, Господь может попустить человеку желаемое им, но вместе с тем и все иногда столь плачевные последствия сего, от коих Господь хотел бы предохранить нас.

3813

Молитвы, готовые в книгах и молитвах, нужны как средство для воспитания в нас молитвы и духа молитвенного. Мы должны приучиться молиться не словами только их, а собственными излияниями духа и сердца. Как бы стал ты беседовать с отцом или матерью, прося их о том или другом, так приучи себя беседовать и с Господом Богом.

4025

Народ запрещал слепцам вопиять ко Христу о помиловании. Но они не успокаивались и продолжали усиленнее взывать: «Помилуй ны, Господи, Сыне Давидов!» Так и нам мешают взывать ко Господу бесчисленные неразлучные спутники — грехи и слабости наши. А мы, не как слепцы, слушаем запрещающих нам и бросаем дело Божие и молитву, бросаем вблизи Исцелителя просить исцеления и Его благодатной помощи.

4263

Не говори, что не можешь молиться. Это, значит — отказываться и от всего того, что добывается лишь молитвой. Если не можешь сегодня молиться, постарайся завтра. Если не можешь дома, ищи свою молитву в церкви. Если же не найдешь ее в церкви, ищи в другой. И все-таки ищи, ибо только ищущие обретают и получают.

О плаче и сокрушении**58**

«Никогда не видели Его смеющимся, но часто видали плачущим» (свидетельства древних о Спасителе). О чем Ты плакал, Господи? — Ты лил слезы человека за грехи человеческие, Тебе чуждые, Тебе неизвестные. Приими же и наши слезы, слезы из глубины сердца грешного, грех изведавшего и от греха к Тебе обращающегося! Сколько и для нас утешения в этих слезах — единственное, что мы можем принести Тебе в искупление за грех!

79

О, как пагубно для души всякое празднословие, многословие, смех, веселость, гортанобесие! Как убивается ими молитвенное настроение, ревность, пламенность, умиленность и сосредоточенность служения Господу! Что для почивающего сном шум и неистовство, то для души почивающей в Господе — смехотворство и празднобеседование...

81

Избегай ставить себя в шуточные, излишне-словоохотливые и смехотворные отношения к ближним твоим. Через это в присутствии

их, например, при Божественной Литургии, смутишься духом и, вспоминая свое гортанобесие, потеряешь кроткого Духа Божия. Будь всегда со всеми строго сосредоточен, серьезен, хотя и не угрюм, любезен, но и умерен в веселии, ласков, но и не многословен, не смехотворен. Учись всему сему от пастыря о. И. Сергеева.

1736

Правила о монашествующих угрожают тяжким наказанием монаху даже за то, если он рассмеется паче осклабления (улыбки)! Для чего такая строгость? Для воспитания высшего благоговения, высшей серьезности и умиленного отношения к жизни как дару Божию и Его откровению, ибо жизнь наша действительно должна быть таковым откровением и как бы «воплощением» в нас Божиим, воплощением Его священнейших заповедей, Его законов, Евангельской чистоты, невинности и благоухания, несовместимых ни с каким легкомыслием, выражением коего является смех.

3710

Монах без дара слезного то же, что прекрасно снаряженный корабль без воды и без плавания. Не имея дара этого и не стараясь приобрести его, он не имеет одной из самых сильных уз своей слабости и поползновения на всякий грех.

3711

Высшая степень проникновения тайнами Божиими, благодеяниями воплощения Сына Божия и безпредельною Его любовью — слезы умиления. Они — истинное мерило духовной зрелости человека для Царствия Божия и общения со святыми. При них не пойдет человеку на ум никакая суета и сладость мирская, ничто греховное, незаконное, недостойное звания христианского.

3809

Представь, сколько слез льется на земле в то время, как ты скажешь от избытка телячьей радости. Сколько нищеты, голода, холода несут многие, когда ты гогочешь и суесловишься в праздных беседах и сытых обедах...

3769

Господи! Дай мне слезы умиления. Прошу Тебя, повелевший просить, ищу сего всем сердцем у Тебя, повелевшего искать. Толку о сем в двери милосердия Твоего по Твоему повелению, Господи! Дай мне слезы умиления!

3543

Скорбение души — один из законов ее природы, ее роста, движения, воспитания, очищения. И желать его ослабления, быть может, равносильно самоуничтожению. Все в природе развивается из страдания и путем страдания.

Об аскетизме**656**

Дивная животворящая сила сокрыта Господом в добродетели воздержания и верности Его заповедям. Возьмем, напр., пост: как он чудно живителен для души и целителен для тела! И так во всем: всякая добродетель уже сама в себе несет человеку такое или иное благословение душе и пользу телу. А Господь и это вменяет нам в подвиг ради Его, хотя этот «подвиг» сам по себе есть великое сбережение души для будущей жизни и предохранение всего себя от тлетворных заражений зла и разрушения.

Возлюби Господа живою сердечною, глубокою, неустанною безпрерывною любовью, и приобретешь великое благо, великое сокровище...

Большую силу для возгревания любви Божией и духа умиления имеет частое, по возможности, ежедневное посещение служб церковных и внимательное выслушивание всего поемого и читаемого с разумением смысла и значения всего совершающегося...

2300

Хорошо не искать «развлечения» даже в красотах природы, и во всяком случае, может быть полезнее жизнь без этого развлечения и отвлечения, нежели с ним. При самой скучной внешней обстановке жизни, в голых пустынях св. подвижники умели извлекать из глубин своей неразвлекаемой ничем души сладчайшие минуты общения с Господом. Нарочно уходили они для этого в самые глухие места, темные пещеры, голые степи и т. п., и здесь расцветала пышно их Богозарная красота и Ангельская жизнь во плоти.

2219

Люди умудрились заставить себя есть без алчбы и пить без жажды, придумывая всевозможные пития и явства. Потеряли они то истинно-человеческое нормальное состояние, когда и хлеб кажется вкуснее изысканных кушаний, и вода простая — усладительнее всяких напитков.

2240

Для чего у нас столько забот и всяких средств сделать кушанье как можно вкуснее? Для того, чтобы есть нехотя, без нужды, сверх меры, для удовольствия. Для того у нас и напитки всевозможные — чай, кофе и т. д. Мы не понимаем и не знаем удовольствия — есть один хлеб и пить одну воду, потому что не знаем действительной

нужды нашего организма, а не избалованной нашими прихотями и сластолюбием.

3746

Представь, что Господь снова на земле, окруженный Своими учениками. Он зовет тебя. Тебе надо предстать пред Его лице. Как ты явишься к Нему, одетый богаче Его во многие одежды, а Он лишь — в самых необходимых и обычных? Как явишься к Нему, в сапогах и калошах, а Он — в сандалиях? Он сидит на камнях, а ты сейчас только с мягкой мебели? Он, едва утоливший голод скудную трапезую, а ты — после сытного обеда? О, сколько много найдет совесть упрекнуть тебя, если бы тебе довелось идти ко Господу!

1193

Истинно-благочестивая, Богоугодная, праведная жизнь невозможна без самого беспощадного непрестанного понуждения себя на все доброе, без самого усиленного выдержанного обуздания своих греховных наклонностей и слабостей, без самого упорного и неотступного насилия над своею ленивою, сластолюбивою, эгоистическою неженкою-плотию! Не хочется молиться — молись нарочно! Хочется чего-нибудь поесть сладкого, вкусного — не ешь: рядом поставь с собою, и все-таки не ешь! Хочется сократить молитву, ускорить ее — нарочно затяни, удлини! Хочется соснуть лишний часок, сверх самого необходимого — нарочно спеши встать. Не хочется рыться в кармане, чтобы подать просящему — нарочно поройся, даже сходи домой, и принеси оттуда, и подай больше, чем хотел бы вначале. Не хочется служить молебен и совершать другую какую-либо требу богомольцам, после службы, когда ты и устал, и изголодался, и несвободен — нарочно победи себя — и вспомни о себе и о своей плоти лишь после удовлетворения всех. Не бойся довести так себя до совершенного изнурения: плоть наша слишком коварна: всегда склонна преувеличивать усталость и слабость

тела, наслаждение отдыха, приятность покоя и необходимость подкрепления сил!...

О милостыне

80

Призывая в молитве невидимых нам друзей Божиих, не забудем прибегать к ходатайству и видимых друзей Его и наших — нищих и нуждающихся братьев наших. Поможем им и деньгами, и ласковым словом, которое многие из них так редко слышат, — и возопиют они о нас ко Господу, и Он, не видя в самих нас достойного Его милостей, ради милуемых нами не отвернется от нас. Скажи им просто: «Нате, родные мои, св. милостыньку и молитесь за меня: имя мое — “окаянный грешник!”...»

754

Сколько счастья, утешения и самого тонкого возвышенного наслаждения вызывает радость на лице бедняка от души искреннею и необходимою ему помощью! Какое великое сокровище, может быть, покупаешь на презренный поистине металл, обыкновенно или безразлично скопляемый без всякого употребления, или расточаемый на дела суетные, бесцельные и недостойные. О, богачи! Какого блаженства не цените вы в ваших руках, не умеете извлечь и губите своею безрассудною жизнью!

941

Известная истина: ни богатство, ни бедность сами по себе ни губят, ни спасают человека, а лишь такое или иное отношение к ним. И из богатых многие просияли великими угодниками Божиими, и

бедных в рубище видим на изображениях Страшного Суда ведомыми во ад. Среди самих Апостолов, окружавших Господа, не имевшего на земле где главы подклонити, видим не только людей бедных, но и состоятельных, напр. Иоанн Богослов. Да и что такое богатство? «Если ты имеешь две рубашки», а у другого только одна, а то и одной нет, ты по сравнению с ним богат, и посему-то вторая половина начатого изречения гласит: «дай неимущему!» (Лк. 3, 11). Точно так же и во всем.

Если у тебя в кармане хотя бы 2 копейки, а у другого нет и одной, и он нуждается в ней, ты, по сравнению с ним, богат, и, не поделившись с ним, осудишься за немилосердие. Любопытный пример того, как одно и то же богатство одному служит во спасение, другому в погибель — представляют: с одной стороны св. Иоанн Милостивый, патриарх Алекс<андрийский>, много творивший добрых дел золотом, (что значит, конечно, и имевший его), и один инок, лишенный христианского погребения игуменом своим только за то, что после его смерти найдена была у него златница.

1065

Как поступать, когда сомневаешься в добросовестности обращающегося за помощью материальною, и после того как все-таки окажешь помощь, начинаешь снетаться иногда жалостью к напрасно, как кажется, брошенным деньгам? Если первое еще не преступно, то последнее уже совсем недостойно человека благочестивого, а я часто страдаю именно этим недугом людей, питающих к деньгам более пристрастия, чем они сами по себе заслуживают. Думается мне, что если даже и сомневаешься в честности просящего, это еще не основание для отказа. Как бы он ни был недобросовестен, ему нужны деньги, хотя бы и не всегда на то точно, на что он просит. А за путь, избранный им для удовлетворения этой нужды, ответит сам просящий. Точно так же редко может случиться, чтобы выпросивший на нужду положил деньги в карман только для того, чтобы любоваться ими. Бывает более то, что просят на одну нужду, облекая

ее в более трогательные формы (ведь к этому приучило нищих наше же нечувствие), а изводят деньги на другую, менее насыщенную. Хотя бы и так, отказывать нет основания. Есть — давай; много дать затрудняешься, дай меньше. Если бы тебе сказали: «Сейчас ты будешь преставлен от земли», не бросил ли бы ты все, что есть у тебя без всякого сожаления не только в руки нищих, а и прямо на землю и не устремил ли бы все силы и помыслы свои превыше земли? Поступай так и в подавании милостыни: расточи, дай убогим и всем просящим по заповеди Христа, лишь бы были деньги, да хоть какое-нибудь желание. Если же душу одолевает какое смущение или недоверие к искренности трогательного тебя своею нуждою, скажи в сердце твоём Господу: «Господи! Ради Тебя даю, хотя и не хочется! Дай пользу моей жертве, какую Сам изволишь!»...

1208

В своём равнодушии и немилосердии к бедным мы часто оправдываем и успокаиваем себя тем, что сами имеем мало, и охотно помогли бы бедным, если бы имели больше. Неосновательное и казуистически жалкое оправдание! Господь две лепты вдовицы, составлявшие последнее её достояние, поставил гораздо выше щедрых жертв богачей «от избытка». Таким образом, тогда-то наша жертва особенно и ценна, когда мы сами имеем мало, и чем меньше мы себе оставляем из немногoго, тем больше привлекаем благоволения в очах Божиих! Тогда-то и спешу поделиться с бедными, пока имеешь сам мало! Ибо тогда-то ты и имеешь возможность проявить большую щедрость, милосердие к ближнему и любовь ко Господу милосердия. Не дожидайся избытка средств для благотворения, потому что, во-первых, никогда можешь этого не дожидаться и не сделать ничего, во-вторых, дождавшись избытка, уже не так легко окажешь истинное милосердие, достойное Заповедавшего оно!... Давай бедным сразу, как только заведется что давать! Давай до тех пор, пока есть что давать! Если имеешь и свои нужды, но удовлетворение их предвосхитила просьба неимущего о помощи, отбрось свою нужду и дай про-

сящему! А тем более, не имея в виду никаких собственных близких неотложно-насушных нужд, — не удерживай, не накапливай, не храни денег, но спеши с ними на помощь нужде и страданию! Вот будет истинное милосердие, истинное христианство, истинное монашество и Богоугождение!...

О монашестве

1

Жизнь в объятиях Отца Небесного — воистину это жизнь монашеская. Монах — это очнувшийся распутный сын, для которого все прошедшее, настоящее и будущее слилось и замерло в один нескончаемо долгий момент сладчайшего самозабвения на груди Отеческой...

Вопль покаянной мольбы еще на устах, но сердце-сердце уже давно услышало ответ и само успело ответить своим воплем, воплем счастья от исчезновения в неизследимой бездне всепрощения и милосердия Божия!..

546

Тяжкий грех нерадивого, недостойного инока не только пред Господом, но и пред обществом, на копеечки которого он живет безбедно, ест и пьет досыта, не платя за это примерною Богоугодною жизнью...

965

Всем, которые призывают монашествующих к служению миру обычными человеческими средствами и силами (устройство школ, больниц и т. п.), нельзя ли ответить следующей весьма поучительною страничкою Евангелия: в дому Лазаря возлежал Спаситель... у ног Его — Мария, в порыве сердечной признательности к возлюб-

ленному Учителю, столько Благодетельному, льет драгоценное миро. Поднимается знаменитый протест, начатый столь небеззнаменательно Иудео: «К чему такая трата? Сколько нищих можно бы ценою этого мира облагодетельствовать, и не жестокость ли к ним то, что делается вместо этого благодаяния?!»

Известен ответ на это Господа, которому с трепетом должно внимать каждое исполненное истинно-монашеских намерений сердце: «Не дейте ея, да в день погребения Моего соблюдет е. Нищия бо всегда имате с собою, Мене же не всегда имате!»... (Ин. 12, 7–8).

Итак, монах (мы разумеем именно монаха, а не пародию на него) есть сострадатель Господа, льющий пред Ним драгоценнейшие всякого мира постоянные источники слез покаяния, умиления и умилоствления. Монах есть тот, которому сказано: «Остави мертвых погребсти своя мертвецы», хотя бы это был родной отец! (Мф. 8, 22). Монах есть тот, о котором сказано: «Не угодно есть нам, оставльшим Слово Божие, служити трапезам», хотя бы это были трапезы для убогих вдовиц (Деян. 6, 2).

Монах есть безотлучно приседающая у ног Иисуса Мария, которой ни на минуту не следует быть Марфой, служащей не «единому на потребу». Правда, Господу принадлежит это изречение — «Мне сотвористе»... напивавшие алчущего, напоившие жаждущего! Но когда Сам Он, алкавший и жаждавший, возлюбил более усердие Марии, насыщавшей у Его ног свою духовную алчбу и жажду, и упрекнул Марфу, хлопотавшую более о телесных нуждах, то этим — думаю — отнимает всякие основания упрекать монашество за то, что оно по идее своей предпочитает более неотлучное внимание глаголам Господа, нежели школы и больницы, т. е. заботу о телесных нуждах ближнего, имеющих безразличное отношение к его спасению.

Но, может быть, это покажется жестокостью и противоречием заповеди о любви к ближним. Да, это так и есть, если монах неистинный, если он имеет деньги, если он имеет свободное от Богомыслия и молитвы время, если он сохраняет соприкосновение с миром, чего всего у совершенного инока быть не должно...

В достигших совершенства иноках открывает Господь дар и «служения ближнему», но это уже гораздо более совершенный дар, чем всякая земная любовь и дела человеческого милосердия: это было именно служение спасению ближнего нравственною помощью, советами (старчество) в затруднительных случаях жизни, имеющих значение для спасения, и немощах душевных и телесных (в последних опять-таки сколько нужно это делу спасения). Но замечательно, что и здесь монах сохраняет вполне законную свободу служения Господу в целях личного своего спасения. Величайшие из подвижников тяготились даже и таким служением ближним, как их духовная польза и спасение, ибо, притекая во множестве к подвижнику, они день и ночь докучали ему и разлучали его от Господа, к Которому безраздельно устремлена была вся душа его. Многие из подвижников положительно не выносили этого и бежали опять в леса и пустыни. Из них многие уносили с собою даже и дар чудотворения, которым они могли оказать живущим в мире столько благ, гораздо более ценных, чем все больницы и школы мира. Упрекать ли этих св. Боголюбцев в жестокости и нарушении закона любви к ближнему!?!...

Впрочем, нельзя не согласиться и с тем, что иные — обязанности по отношению к ближнему монаха-пустынника, который ничем от мира не пользуется и не зависит, и иные — монаха, окруженного миром, хотя бы и отделенного от него каменной оградой. Раз монахи позволяют, чтобы мир служил им «от имений своих», долг и любви, и правды требует, чтобы и монах послужил несчастным и нуждающимся мира — все равно благотворительными ли то заведениями, или частною помощью. Иначе — его отношение к миру ничем не лучше будет недостойной монаха эксплуатации мира.

1285

Монах — жертва Господу тех, кто не всегда может приходить молиться, кто не умеет как должно молиться, кто не все понимает в молитве и кто не всегда способен молиться. На монаха более всего указывает наставление Златоуста мирянам: «Сотвори имя твое зна-

емо, да в церкви Божией молитва за тя к Богу яко фимиам возносится: и свеща твоя всегда да светится в церкви и просфора твоя также» (Пролог, Апр. 27). Монах именно и есть как бы постоянная благоуханная молитва мирянина, его свеща, всегда светящаяся за него в церкви, его просфора, за него всегда подаемая!

1275

Монашество есть, между прочим, сильный молчаливый протест против развращенности, пресыщенности и многомятежной суетности мира. Для силы этого протеста не нужно количество протестующих; достаточно их качественное превосходство в устройении жизни по истинно-разумным и жизненно-здоровым началам скромности, воздержания, целомудрия и нестяжания.

1281

Что худого, по-видимому, в том, если бы я на земле пожил как человек, напр. в браке? Для чего это нужно — отказывать себе в том, в чем не отказывают миллионы людей и в том числе множество людей достойнейших? Для чего это насилие над природой, когда полный здоровья и сил человек отказывается от счастья родительства — насилие, редко проходящее совершенно безнаказанно для физической и духовной природы человека? — Для засвидетельствования и лучшего удовлетворения высшей жажды человека в Боге. Безраздельно иметь Его предметом всех помышлений и попечений, — жить вечною жизнью, которая поистине начинается для девственника уже здесь на земле, где он старается жить, как «ангелы Божии на небесех». Недаром Спаситель, для определения того, как «живут ангелы Божии на небесех», счел достаточным противопоставить этому в людях просто то, что они «ни женятся, ни посягают!» Отказ от брака драгоценен, как выражение того, что человеку дороги высшие интересы, не имеющие ничего общего с землей и все полагающие за ее пределами.

1379

Я оставил в «мире» все, что только может быть в нем наиболее привлекательного и способного овладеть душою, сердцем и всею моею жизнью. Я «запретил» себе все, что служит в нем к удовлетворению многих сильных и трудноодолимых потребностей, слабостей и влечений человеческих. Но эта жертва и самоизменение могут остаться одним «пустоцветом» и жестоко отомстить за себя и даже допустить такое или иное «возвращение» всего оставленного и вычеркнутого из моего жизненного обихода, если взамен оставленного и вычеркнутого я не заполню душу и жизнь соответствующими возвышеннейшими и жизненнейшими привязанностями, потребностями, увлечениями, радостями и утешениями. Все это монах должен научиться находить и привыкнуть извлекать из своего монашества в самой высшей степени. Иначе, недостаточно заполненная и удовлетворенная душа его больно затоскует и подвергнется страшной опасности возреть вспять от плуга Божия и возвратится снова к оставленным идолам — привязанностям и наклонностям. Итак, люби всем сердцем службы Божии, ибо они удерживают ноги твои от бесплодного и душепагубного шатания по распутиям мира сего! Люби чтение и пение церковные так, чтобы они способны стали заменять тебе всякие концерты и развлечения! Люби все процессии, торжества и обряды церковные, питай и услаждай ими твою душу, нуждающуюся в таком или ином удовлетворении своих эгоистических и других способностей! С любовью, неторопливо и усердно совершай и молебные пения, и панихиды, и прочие требы по нуждам и просьбам верующих и усердствующих богомольцев обители, ибо это заменяет для тебя всякую многокричащую и высящуюся «службу миру» и христианские отношения к ближнему. Научись и умеи ценить всякую мелочь в обиходе монастырской жизни, все ее интересы и обычаи, все ее радости и утешения, скорби и лишения, испытания и огорчения... Пусть будет в ней дорого твоему сердцу все до последней щепочки и камешка на дворе обители, и тогда — мир будет достаточно безопасен тебе со своими прелестьями и искушениями.

1380

Жизнь монашеская и вообще строго христианская вся должна быть распределена в строгом соответствии с церковными службами, освящающими собою важнейшие времена дня и года. Находится ли монах или христианин у службы Божией в церкви или нет, соответствующая тому или другому времени дня служба церковная должна определять его душевное настроение, и молитвенные чувства, и всю жизнь души. Это замечательно подготавливает его жизнь и к душеполезному пребыванию в храме Божиим и сообщает его жизни лучшее распределение и строи. Службы церковные не являются для него отрывочными вторжениями в его спокойное течение жизни и нарушениями последней, перерывами и вообще сторонним чем-то, для чего надо особо подготавливать душу, приспособлять ее, изменять, утруждать. Нет, эти службы должны быть естественным звеном, соединяющим его дневное настроение и содержание души в одно стройное, благодатное, разумное целое. Эти службы должны быть периодическими, соответствующими важнейшими моментами дня, завершениями молитвенных бесед души с Богом, удовлетворениями его душевной жажды Бога, влечения к Нему и устремления к Нему всех сил души и сердца.

1760

Грустишь ли ты, монах, что много времени уходит на дела служения и попечения о «временном благе» ближнего в ущерб якобы более важному делу — спасению души своей, но в таком случае почему же в свободное-то время не займешься, как следует, делом своего спасения? Очевидно, тут не ближний виноват, а сам ты со своею вялою, расслабленною, ленивою, холодною, безчувственною натурою.

1762

Не извиняйся «делами» в том, что страдает твое «служение Богу». Ведь и во время всякого дела монах может пребывать в Боге и мо-

литве, и если не пребывает, это очевидный признак, что и вообще на молитве душою своею он не в силах удерживаться у подножия Божия, во внутреннем созерцании присутствия и величия Его.

2062

Спорят о том, какое монашество лучше — деятельное или созерцательное? — «Ов сице, ов же сице». Нельзя решить этого вопроса, не примеряясь к живой душе, способной вмещать более то или другое! Нельзя устанавливать тут никакой классификации, к которой потом и подводить живых людей, требуя от них обязательно того, что делают другие. Господь каждому дает свою меру и свой путь, и способ угождения и служения Ему.

3688

Случается, благодать Божия свивает себе гнездышко и в черствых сердцах. Я видел таких, которые приходили в монастырь без особенной охоты и способности к жизни монашеской, но мало-помалу втягивались в нее и становились исправными и не последними монахами. Истинно Господь всех призывает к Себе и силен перерождать самих волков в агнцев кротких.

3773

То самое, что мы — нынешние монахи — пребываем окружаемыми со всех сторон миром, служит не только к нашему недостаточеству и, может быть, осуждению, но и к нашему оправданию и, может быть, и приобретению. Переживая от мира скорби, каких не знали совершенно прекратившие общение с ним, мы восполняем ими лишения и отчасти подвиги и терпение пустынников. Нет худа без добра и здесь.

3742

В пример и укор современным монахам обыкновенно любят указывать на древних пустынников и отшельников, с их суровыми правилами, уставами и взглядами на жизнь. Да, в пустынях Египта можно было жить по тем суровым правилам. Можно было не заботиться ни о чем, живя на открытом воздухе под всегда теплым небом, финиковыми пальмами, всегда плодоносными, дававшими и пищу, и одежду, если она была нужна тамошним пустынникам.

Но ведь все это и многое другое не столь применимо для наших условий. Очевидно, и требования к современному нашему монашеству должны быть значительно иные. Минимум потребностей и забот о себе и своих временных и суетных удобствах — вот мера жизни монаха наших условий. Живя так, он и при этих своих условиях может достигать в меру возраста истинного монаха, который, конечно, всегда и везде, прежде всего и более всего должен быть истинным христианином по своему настроению и делам.

3996

Говорят, нынешнее монахи плохи. А отчего они плохи? Да от того, что прежде все мы стали плохи. Яблочко от яблони недалеко падает: каково древо, таковы и плоды. Общество — древо, мы — плоды. Древо плохо, и плоды таковы. Нам будет плохо, и древу не сладко. Помяните смоковницу евангельскую.

О Святом Причастии Святых Таин**1045**

Были св. подвижники, которые по многу лет, затворяясь или уединяясь в суровых пустынях, лишали себя причастия Св. Таин, и это лишение не помешало им, при их гигантском духе, просиять дивными

подвигами молитвы, поста, покаяния, очищения сердца и любви Божией. Наоборот, на других убийственно для души действовало и чувствовалось даже и однодневное уклонение от св. Причастия, и многие из них именно ежедневным причащением преуспели в своих не менее дивных подвигах. Посему, когда и я жажду ежедневного, — о, недостойнейший! — приобщения св. Животворящих Таин, то охраняю себя от высокоумия и тщеславия тою вполне верною, как я знаю о себе, мыслию, что без этой благодетельной пищи моей душе и сердцу — мне с моею слабою духовною жизнеспособностью угрожало бы совершенное духовное растрение и отчуждение от Господа!

1063

«И по хлебе тогда вниде в онь (в Иуду) сатана» (Ин. 13, 27). Какое страшное приобретение от участия в Тайной Вечери! Какая ужасная судьба одного из первых причастников Тела Христова!.. Какое скорое превращение из обители Христовой в жилище сатаны, из достояния Божия в орудие и сына диавола! Какая непостижимая преемственность и соседство — хлеб-Христос и... сатана; Чистейшая Святыня и... воплощение злосмрадия! Можно ли удивляться, что то же самое бывает и донныне с нами, когда приступаем к Чаше Христовой недостойно, и от Св. Таин спешим обращаться на дела злые и суетные.

1068

«Да не един пребуду кроме Тебе, Живодавца!» — молит Господа готовящийся ко причащению. Какое сильное побуждение для возможно частого соединения с Господом во Св. Тайнах! Не должно ли пользоваться малейшею возможностью и удобством для приобретения сего великого Сокровища! Не должно ли жалеть о каждом упущении такой возможности? Ужели не должно быть больно сердцу нашему — пребывать хотя бы один день кроме Живодавца! Господи! Знаю, что многие даже целыми годами удаляли себя от

Твоих страшных недостойнству нашему Таин! Знаю, что я, конечно, более всех должен бы удержаться от своего крайнего недостойнства от такой Святыни!... Но где же и найду я еще другое такое врачевство от своих немощей? Где — другое такое утешение, отраду и счастье?... О, милосердый Господи! Не погнушайся моею нищетою! Да возвеличит она наипаче Имя Твое, когда явишь мне крайнее сие снисхождение!

1119

Господи! Удержи кротко меня от частого приобщения Св. Твоих Таин, если не в очищение моих грехов мне служат Они и не в приложение Твоея благодати, а лишь к большему осуждению за мое крайнее недостойнство и грешное дерзновение! Удержи властно и благостно, если не в должной степени рассуждая Тела и Крови Твоих, суд себе ям и пию! Если же наслаждение, получаемое мною от Св. Таин Твоих и жажда частого их приобщения, добрый признак, не удержи, о Боже Долготерпеливый и Неизреченно-Милосердый, не удержи благодати Твоей мне, недостойному!

1120

«Ослаби ми волны благодати Твоея!» — молились Господу св. Его подвижники. Почему? Потому, думаю, что эти волны, чем они полнее и сильнее, тем навстречу им поднимаются из глубины души, влекомой волнами благодатными, соответствующе сильные волны совестного укорения, обличения и сознания крайнего человеческого недостойнства и греховности. Быть может, есть предел, за которым человеческое греховное существо уже не выносит этих волн и близко к распадению, почему и сказано: «Не бо узрит человек Лице Мое и жив будет!» и св. подвижники вынуждались самую слабостью своей природы человеческой молить Господа об ослаблении Его благодатных волн! О, дивное волнение! О, благодатная буря благодати, нестерпимая для нашей греховности, слабости и ограниченности!

О, неизреченные океаны любви Божией, не потопляющие нас, но кротко несущие на своих волнах к тихому покою Небесного Отца!..

1122

Св. Тайны Христовы именуется небесными! Услади душу твою, и чаще — всегда услаждай мыслью об этом дивном их свойстве! Ибо хотя приготовляются на земле и из земного вещества, но приемлются достойно, как дар неба, новая лучшая совершеннейшая манна, падающая новому Израилу ежедневно с небесной трапезы Любвеобильного Отца! О, дивный Хлебе небесный! О, чудо Божия промысления над жестоководным, как всегда, человечеством! О, благодатное, непостижимое сочетание земли и неба, Бога и человека, святости и недостойности!..

1265

В причащении Св. Таин проразумевай не только духовное наслаждение общения с Господом, но и великое, страшное дело спасения от плена и общения дьявольского; трудно описать все опасности, среди коих живет человек, опутанный столькими сетями, прельщениями, соблазнами и всевозможными дерзкими нападениями врага спасения нашего. Человека в этом состоянии можно уподобить погибающему в страшных волнах бушующей пучины, а Св. Тайны суть та поддержка, которая как некий спасательный пояс, не дает ему погрузиться на дно, а помогает держаться на поверхности и подплывать к пристани...

2105

Приступая ко Св. Тайнам, войди в настроение и чувство первых причастников Св. Таин — Апостолов. Когда Господь пригласил их, они не раздумывали долго, не возражали много, не расспрашивали, не любопытствовали, что, как и почему, а в трепете и благоговейной вере поспешили исполнить зов Господа!..

О вере и благочестии

35

Какое лишение и несчастье душе человека, если бы отнять св. иконы! Представьте себе, что взоры наши, куда бы ни падали, везде видели бы одно только вещественное, мертвое, тленное! Не тем ли более мы погрязли бы в пучине житейского моря, не находя нигде изображений и напоминаний мира духовного, святого, небесного?

Как бы мог тогда человек возвыситься умом и сердцем своим к Богу, если уже и теперь, постоянно видя на каждом шагу свящ. изображения, истлевают в земных интересах?

38

Не надо забывать, что Библия писана для человека. И можно ли обвинять ее за то, что она не молчит о человеческих слабостях и говорит о них откровенно языком человеческим, иногда таким, который, по-видимому, не совсем приличен для свящ. книги. Однако, лишь самое извращенное чувство, или незрелость — умственная и нравственная — способны из этих мест извлечь что-нибудь другое, кроме назидания. Вот почему можно советовать: 1) не читать данных мест в минуты нравственного расслабления; 2) не давать их детям в собственном и переносном смысле слова (дети взрослые) и 3) вырывать эту книгу из рук людей, останавливающих лишь на питающих их чувственность местах Библии.

420

Большую силу для возгревания любви Божией и духа умиления имеет частое, по возможности, ежедневное посещение служб церковных и внимательное выслушивание всего поемого и читаемого с разумением смысла и значения всего совершающегося. Непосредственное участие в чтении и пении особенно помогает этому, лучше оживотворяя все назидательное и умилительное в Церкви.

417

Когда чем наслаждается душа, так хочется наслаждаться не одному; хочется, чтобы и другие участвовали и понимали твое наслаждение. Такова церковная красота, благолепие Богослужения нашего, умильтельная сладость духовных песнопений и молитвословий церковных. Боже! Сколько умиления, красоты, теплоты чувства, сокрушения сердечного в Триоди Постной! Какая неистощимая, неоценимая сокровищница поэзии и вдохновенного излияния чувств души. Или обиходные напевы и мелодии! Сколько неподражаемой прелести, музыкальности, вдохновенной осмысленности и умильтельности, о коих никак нельзя судить по грубейшим искажениям Бортнянских и т. п., дерзко посягнувших на девственную чистоту, целость и красоту нашего истового, настоящего церковного пения, заключенного в обиходе. В частности, возмущаюсь искажениями у Бортнянского чудных обиходных мелодий «Помощника и Покровителя» и др., к величайшему прискорбию получившими право гражданства в наших церквах; и долго еще, вероятно, не найдут они истинной оценки. А давно, давно пора отставить эти лживые передачи Божественных глаголов и музыки, дано пора возвратиться к заброшенному, опозоренному, искаженному, обезображенному древнему напеву, унисонно увековеченному в обиходе и нетерпеливо ждущему правильной, строго выдержанной и разумной гармонизации.

1795

Крайнюю острую жалость испытываю я по многим нашим церковным дивным мелодиям, напевам, уставам, сохраняющимся ныне разве в самых строгих пустынных обителях, тогда как в других местах повсюду это дивное сладкопение церковное крайне сокращено, искажено, опрощено, обнажено, оголено, как потравленное дерево, от своих несравненных красот и умильтельной силы и сладости. Были и есть композиторы, которые прямо ставили себе целью упростить, т. е. обезобразить, изнасиловать неприкосновенную святыню наших церковных мелодий и напевов. (Так сделал и Бортнянский с «Помощником и

Покровителем»..) Другие, не понимая их прелестей, вместо них предлагали и предлагают свои фантазерские измышления, щекочущие ухо и ничего не говорящие сердцу. И только третьи, более благоразумные и призванные (Львовский и др.), сумели создать себе истинную бессмертную славу точнейшим переложением на ноты дивных церковных мелодий, на коих всякий может видеть несравненное их превосходство пред убогим музыканьичанием многих так называемых духовных композиторов.

739

Что сказать особе, спрашивающей, как отстать от папирос? — Трудно, а отстать надо же будет: умирать-то ведь не с папиросой в зубах будешь, — а значит — естественно бросить эту скверную привычку теперь. Почаще и поживее ставь себя мысленно пред Престолом Божиим и устыдись своих слабостей и скверных привычек так, как устыдился бы пред очами Божиими! О, человек! Ты — прекраснейшее творение Божие, венец создания Его, в обладании Тебе дано все; и ты ли с собой не совладаешь! — Терпишь себя в рабстве низким похотям, страстям, слабостям и привычкам.

753

В момент, когда погибает какой-либо несчастный грешник, например, в непосильной борьбе с каким-нибудь недугом, слабостью и несчастным стечением обстоятельств, обычно в душе поднимается невольное острое чувство жалости, печали и сострадания к погибшему, хотя бы вы его видели всего в первый раз в жизни, и он был вам совершенно чужд дотоле. Великое это чувство и полно непостижимой силы. Поскольку оно невольно овладевает всеми, у кого человеческое сердце, им значительно облегчается и, так сказать, разделяется тяжесть и ответственность груза погибшего. Это чувство, которое низвело Христа с Неба и искупило мир, смыв страшную его ответственность пред Правосудием Божиим!..

665

Что хотела сказать нам Мать Божия, что Свою чудотворную икону Казанскую благоволила явить через 8-летнюю отроковицу? То, прежде всего, что такой святыни Ее достойна касаться только чистая, непорочная, не загрязненная никакою плотскою скверною и движением душа!

То, далее, как Ее сердцу близки, дороги и любезны невинные Богобоязненные дети! То, что Ей приятны и желательны детские хвалы и усердие. То, наконец, что св. икона предназначалась в дар, освящение и благословение обители непорочных дев и чистых вдовиц — монахинь.

652

Достоинно и праведно предлагает Св. Церковь двоицу первоверховных Апостолов на ублажение и назидание! Не только за их труды и болезни, за учение Христово, но и особливо за одну общую их черту: оба представляют удивительнейшие образцы покаянного заглаждения величайших из грехов: один трижды с клятвою отрекся Господа, отказался знать Того, Кто был для него все. Другой был жесточайшим гонителем Церкви Божией, свирепым умучителем многих последователей Христа. И как первого грех вполне заглажен ради горьких слез покаяния, так второго вина покрыта сверхапостольскою ревностью, простершего проповедь Христа даже «до двери Кесаря!»

912

Удивительное дело! Если бы кто сознался в незнакомстве с Пушкиным, Лермонтовым и т. п., удивлениям и упрекам не было бы конца! Между тем, сознаться в незнакомстве с Василием Великим, Григорием Богословом, Златоустом, Ефремом Сириным — это все даже гораздо естественнее покажется, чем сознаться, наоборот, в знакомстве.

О, слепота! О, извращение порядка вещей! Хотя бы почтили этих писателей, наравне со своими заведомыми брехунами, так и этой чести лишают величайшие вечные сокровища, никогда не теряющие своего значения — нравственно воспитывающей письменности.

913

«Земля — это огромная больница», — сказал некто, и воистину не преувеличил! Посмотри кругом. Кто не жалуется на нездоровье в том или ином отношении и кто искренне похвалится совершенным здоровьем души и тела? Никто. И все потому, что везде, в каждом, всегда господствует растлевающая сила греха и зла, этих исчадий смерти и ада.

1102

С тех самых пор, как Ева обольстила Адама, дочери ее наследственно отличаются той же способностью к обольщению мужеской половины потомства Адамова, к пленению его в соглашение с собою едва не на все, чего захочет женщина, так что самое Богодарованное господство мужа над женою нередко превращается в полное послушание, пленение жене и внушениям пола, слабого силами, но могучего способностью обольщения, укрощения, настояния на своем... Послушайте же вы, о могучие обольстительницы, какое достойное применение этой вашей способности предлагает св. Апостол: «Аще нецнии не повинуются слову, женским житием без слова пленени будут, видевши еже со страхом чисто житие ваше!» (1 Петр. 3, 1–2). Вот, поистине, достойное дело способности «обольщения» и пленения, направляемой обычно на столь причудливые и неистошмые женские прихоти и капризы, и т. п.

1189

Кому больше поверить — врачам ли, настаивающим на недостаточной питательности постной пищи и предпочтении ее скором-

ной, — плоти ли, ненасытной и самоугодливой — ноющей и льстиволицемерно преувеличивающей свое расслабление от поста, — или поверить истинным подвижникам поста, изучившим его достоинства и дивно-укрепляющие душу и тело свойства долгим собственным опытом, заставившим взывать всем с горячим убеждением: «приидите насладимся, братие, поста (отеческого сокровища, имени чудного, матери всех послуживших Владыце Христу), ибо сей укрепляет тело и просвещает ум и сердце!» (Канон понед. 3 нед. Вел. Поста).

1455

Добрые примеры нарушения правил строгой жизни ради других высших соображений (напр. пример св. Тихона, поставившего любовь выше поста) выходят нередко большими и неудачными карикатурами в нашем подражании. Почему это? Потому, что эти примеры даны в состоянии действительно благодатном, упрочившемся в верности Богу и любви к Нему, а воспроизводятся нами под понуждениями разлечения, расслабления и развращения наших неустановившихся нравственных сил и благочестивой настроенности.

1478

Жалкий клеветник и хулителъ Церкви Лев Толстой опять обрушился на нее со своею злобою, выставляя ее причиною всевозможных уродливых явлений в прошлом и настоящем человечества — невежества, тьмы, предрассудков, суеверий и т. п. В ослеплении этой своей злобы на Церковь и Откровение, он отказывает Ей безусловно в чем-либо хорошем и трактует Библию как величайшее зло, сослужившее самую недостойную службу человечеству. О, сумасшествие! До чего может договориться жалкая тварь, воздвигшая свою жалкую пяду на Благодетеля! До чего может осатанеть человек от общения и союзничества с тем, на сокрушение главы которого призван!

Церковь не дала человечеству ничего хорошего!? В частности, Русская Церковь дала русским людям одно зло? А кто же в годину

народных испытаний подвигал народ к поголовному восстанию со страшным для врагов победоносным кличем: «Постоим за Св. Софию, за дом Богородицы, за храмы Божии!»... Кто заставил свирепейшего из завоевателей постыдно бежать из пределов России с воплем: «Велик Бог христианский!»... Кто служил искони и донине служит светочем истинной христиански доброй, кроткой, смиренной, благочестивой, Богобоязненной и скота не обижающей жизни, как не Церковь! Пусть худы отдельные люди! Но при чем же тут Церковь, ни единой заповеди не имеющая такой, чтобы учить людей худу? И что лучшего сверх ее учения дало все переხваленное высокоумие Толстого-безбожника и сатаны из Ясной Поляны?

1532

Для одних спасение — подвиг целой жизни, для других — дело одной минуты. Один достигал его самоотверженною, всего лишенною жизнью в пустынях, горах, вертепах и пропастях земных, другие — достигают того же среди городского шума, житейской суеты, мирской среды — иногда одним покаянно-слезным предсмертным вздохом. Не умаляется ли от такой несоразмерности значение пустынножительства с его лишениями и посвящения себя на продолжительную жизнь, достойную спасения? Не умаляется — уже потому, что жизнь, вся посвящаемая на служение Богу и достижение спасения, сама в себе есть величайшее благо, исполнена величайших утешений и наслаждений духовных, услаждающих самые суровые условия пустыни и помогающих эти самые условия обращать во благо и наслаждение духа, всецело объятого парением к Богу. Вот почему укрепившиеся в своем подвиге пустынножители не променяли бы, конечно, своих суровых условий жизни ни на какое довольство и роскошь мирской жизни и отнюдь не считали их для себя ни малейшим соблазном, сожалея и оплакивая пребывающих в ней. Затем, необходимо принять здесь в объяснение то, что жизнь и спасение каждого есть устроение также и Воли Божией, а не только нашего избрания. Наконец, в каждом из спасающихся Господь видит и смотрит не только дело, но «и намере-

ние целует», и взвешивает в подвиге каждого не сумму внешнего, но силу внутреннего. Достигающие спасения одною минутою, без сомнения, были достойны его ради такого настроения своей души, которое могло и их сделать подвижниками, если бы на то Воле Божией было угодно дать возможность.

«Благоразумный разбойник, — говорит один проповедник (святой Иннокентий), — если бы ему дано было сойти со креста, без сомнения, всю дальнейшую жизнь посвятил бы Богу»...

1645

Одне рождения не менее спасительно размышлять, как и о дне смерти. Начало приводить на память и конец. Рождение переносит мысль и на смерть... Вместе с тем, оно дает мысли точку отправления, от которой мы так удобно можем всегда окинуть взором нашим всю нашу многобедственную и преисполненную плачевных падений жизнь, со всеми знаменами благодатно спасительного промысления о ней Божия, имея в этом столько сильных побуждений к постоянному устремлению нашей души и сердца к Богу, нашему Тихому Пристанищу, и к устроению жизни нашей во всяком благочестии, труде и чистоте.

2049

Не смущайся, если то, что ты считал за Волю Божию над своею судьбою и со своей стороны принимал как жизненное послушание, вдруг принимает неожиданно другой оборот. Начни опять и это, как Волю Божию, которой свойственно самое зло обращать к добру, — начни опять как новое послушание своей жизни, хотя бы и по твоей вине к тебе пришедшее, но и Богу не неуютное.

2186

Часто мы избираем из двух зол меньшее, тогда как вместо них можно бы выбрать хоть маленькое, да добро. И это добро в таких случаях

почти всегда есть, только увлеченные предметами непосредственного нашего выбора, мы не замечаем третьего, наиболее безобидного способа выйти из затруднения.

3571

О многих наших состояниях нельзя судить в отдельности, а лишь в общей связи их с другими. Так, на нас часто нападет апатия к труду, ослабление энергии до того, что мы ни за что не можем взяться. Дело, самое легкое, как-то валится из рук. Это может быть принято за лень, но в действительности иногда это просто периоды отдыха от переутомления нашего, восстановление и накопление сил, и может быть, экономия самой природы в расходовании этих сил, убыток которых мы не замечаем так ясно, как замечает это сама наша природа, устанавливая по-своему равновесие запаса и расхода сил.

3641

Если внимательно вникнуть во многие наши тяготы земные, несомненно увидим, как часто они являются заслуженною нашею расплатою за наши ошибки и ту тяготу, виновниками которой мы были для других.

Несчастные, непослушные и злонравные дети как часто бывают у тех, которые были сами грубы и непочтительны к своим родителям. Злые невестки, снохи, золовки, свекрови и тещи — тоже как часто являются у Господа орудием наказания за соответственные грехи семейной жизни страждущих лиц в предшествующее время. Это я проверил на опыте многих лиц.

3738

Не надо слишком преувеличивать то, что может человека делать счастливым. Неудовлетворенность счастьем бывает и по достижении его. Можно быть счастливым, как желалось, и чувствовать самую

жгучую тоску по другом, высшем счастье и идеале его. Но это не значит — не иметь вовсе никакого счастья. Я думаю, нам и блаженство райское сразу не даст всего, но с мудрою постепенностью будет всегда выдвигать новые и новые горизонты и пределы пожеланий, но от этого нечего еще впадать в ад неудовлетворенности, тоски и отчаяния. Смотрите на жизнь проще. Она — вообще тоска по высшем счастье. И во всяком положении и состоянии тоска эта заявляет себя посвоему. Позвольте вам поставить диагноз. Вы счастливы, насколько этой сейчас нужно для вас. Вы не видали еще и не имеете понятия о настоящих несчастьях, и обижаете Бога, жалуясь на свою жизнь... После диагноза дают лекарство. Вот вам и оно: приведите на память все страдание и зло человеческое: обманутых мужей, разведенных жен, идиотов или уродов детей, злых тещ и змей-свекровей и снох; приведите на память жен с пьяницами мужьями, истаскавшимися во развратах и кутежах, наконец, всяких бездомных лохмотников, пропавших людей — не по людскому лишь суду и впечатлению (ибо и под рубищами очень часто скрывается золотая душа и сердце благородное), а действительно пропавших и по суду Божию (если есть и такие?), — и... пролейте Господу слезы благодарности за все!... А то Он покажет вам, какие люди действительно несчастны — на вас самих.

3535

Почем знать, может быть, день последнего Суда Божия даст такую амнистию, о какой не снилось даже 1-й Государственной Думе, и которой все человечество повергнется в общее чувство удивления пред неисчерпаемым милосердием и любовью Божией?

3761

Христианская догматика — не ведет ли к разграничению на овец и козлищ — источнику всякой нетерпимости? — Нет! Она лишь реализует в данном случае самостоятельную от нее действительность. Не потому есть овцы и козлища, что христианство и его догма-

тика установили их, а потому догматика говорит о них, что они есть, сами себя сделали таковыми прежде всякой догматики и вызывают на такое или иное к себе отношение, на такое или иное осмысление своего существования. Догматика констатирует факты, а не узаконяет их как нечто роковое и неизбежное. Почему будет ад? Не потому, что Бог и догматика создали и определили для некоторых его, а потому, что найдутся люди, которые — почувствовав над своей нечистой совестью блеск луча Божия, сами в стыде и отчаянии взмолятся — горам: падите на нас! И холмам: покройте нас! (Лк. 23, 30) Легче нам не видеть этого убийственного для нас света. Легче видеть то, что более сродственно нашим привычкам, вкусам и настроениям... Вот это и есть ад, начинаемый каждым еще здесь, на земле — без света и сладости в Боге — по собственной воле и выбору каждого. При чем тут определения догматики? Она виновата в том развее, что пластичнее пользуется описанием этого состояния, чтобы подействовать более на жестоковыйное сердце человеческое...

3762

Кто — *богослов*? Я думаю — менее всего тот, кто хотя бы знал всю догматику наизусть и читал все системы богословские, но не живет по-христиански. И наоборот — гораздо более тот богослов, кто, и не читав ничего подобного, сердцем чистым и простым зрит Бога, отображая Его столь же простою, чистою жизнью, Христом дышущею. Где-то сказано: последний христианин — какой-нибудь крестьянин, верующий в Бога, знает более, нежели первоклассные мыслители древности, из коих ни один не возвысился путем естественного мышления до идеи, например, творчества из *ничего* — всего. А последний самый христианин это вам скажет, а иногда обоснует своим простым грубым языком не хуже всякого философа и богослова. А уже во всяком случае сердце его живет этою мыслью, восполняя недостаток понимания по-ученому, хотя и говорят: внутренне обязательно отдать предпочтение логически правильному пред прекрасной мистикой, однако, я думаю — и мистика в своей глубине не так далека от исти-

ны. Источник их один и тот же — влекущее все наше бытие — бытие Божие. Если есть мистика ложная, удаляющая от истины, то ведь есть и логика кадетская, действующая на сердце разве только кадетов. Стало быть, уравнение **налицо** — и в достоинствах, и недостатках. Над этим стоит подумать.

4169

Когда тебя оскорбляют, порицают, разглашают о тебе всякие небылицы, до боли сердца обидные и несправедливые, относись все это единому врагу — дьяволу. Это он действует в людях, мстя за свое посрамление. Но никогда не советовал бы я отвечать и возражать на несправедливости. Хотя враг, как нарочно, особенно и подмывает сердце, как некогда хулители Спасителя: «Прорцы!» Но ты — нет, лучше, подобно Спасителю, молчи и терпи до конца. Это будет лучшая победа и посрамление врага.

4291

Благовари твоих клеветников, гонителей, недругов и оскорбителей: они истинные твои благодетели, хотя и кажутся желающими и причиняющими тебе одно зло. Ты простишь им это все и забудешь, когда венец небесный, венец неповинных страданий, увенчает главу твою.

4172

Христиански настроенное мышление есть истинная философия. И Богомысленное настроение души есть истинная жизнь, могущая поучать и самым своим покоем, и безмолвием.

4548

Мы часто терзаем себя всякими «страшными» вопросами, а их — или вовсе не существует, или они решаются очень просто. Недаром

сказано: «Не испытуй глубины таин Божиих: несть бо ти на пользу!» — нам даны истины, в свое время отлично проверенные умами покрепче нас, — истины, за которые тысячи достойнейших людей положили свои души, пролили свою кровь, готовы были на самые страшные мучения! Значит, стоит того, чтобы и нам держаться этих истин, даже вовсе не мудрствуя о них, как и делает всякое простое сердце. Многие мучаются праздным беспокойством о том, где будут язычники? О, многим из них будет лучше нас, как сказал и Спаситель: горе вам, ибо мытари и любодееи предваряют вас в Царствии Божиим! Горе вам: вы говорите — что видите, лучше было бы, если бы вы были слепы.

Блаж. Исаак Сирин очень хорошо сказал: мера любви к Богу — мера блаженства нашего. Чем крепче кто возлюбит Бога, глубже научится жить Им на земле, тем большее блаженство будет способен переживать в будущей жизни. «В дому Отца Моего многи обители суть», — сказал Господь. *Многи* — конечно, по способностям и подготовленности каждого. Св. отцы поясняют, что не всякий недостоенный блаженства достоин наказания. Поэтому будет много степеней и блаженства, отсутствия оно и наказания (мертвоужденные и некрещенные млад*<енцы>*).

Есть и в язычестве люди хорошие. Если они и не сподобятся тех благ, которые заслужат своею любовью к Богу христиане, то не будут подвергнуты и тем мучениям, которые ожидают недостойно живущих христиан. Эти — недостойные — знали и не сотворили, а язычники — не сотворили, ибо не знали. А по слову Господа: «Раб, знавший волю Господина своего и не сотворивший по воле Его, биен будет много. Не знавший же и не сотворивший, биен будет мало».

Итак, правда Божия — полагаю — не заслуживает наших сомнений и состраданий к язычникам и пр. О, их судьба может быть лучше нашей! Особенно как поглядеть на нынешних христиан — ведь куда «почище» (т. е. посквернее) многих язычников. Приходится почти пожалеть, что они познали истину, не соблюдая которую свободною у всякого волею, облакают себя на горшее наказание.

4398

Хорошо просить прощения, но лучше не делать того, в чем после приходится искать прощения. Потому что есть вещи, которые можно простить, но нельзя забыть, и эта невозможность забыть всегда оставляет место к повторению уже прощенных обид и к возгорению их с большею силою.

4416

«Угощение и подарки ослепляют очи мудрых и как бы узда в устах отвращают обличения» (*Сир.* 20, 29). Как надо заметить это всем «сильным мира сего», особенно потому, что этим свойством подарков — ослеплять очи мудрых и взнуздывать уста их — пользоваться так умеют люди злонамеренные и недостойные.

4468

За ошибки в своих действиях бойся не только суда современного, но и суда истории, суда будущего, который безжалостно откапывает и судит самые подробные сведения о прошлом и клеймит суровым приговором своим самые давние дела людей, не зная и не желая знать смягчающих вину и объясняющих ее обстоятельств дела и времени.

1454

Рядом с величайшими благодатными достоинствами и духовными сокровищами у самых благодатных людей нередко уживаются и проскальзывают те или другие несущественные слабости и безупречности, за которые иногда так хочется упрекнуть человека, выступающего для сердца в ореоле святости и безгрешности. В неудовольствии, какое способны вызывать в нас промахи этих «святых», нередко так подмывает высказаться подобно тому, как подумал фарисей Симон о Спасителе при виде грешницы у Его ног:

«Сей аще бы был пророк, видел бы, кто и какова жена прикасается Ему!»... Но хотя бы было и так, что люди далеко меньшей высоты положения замечают небезупречное в святых, остается в пользу последних один сильный довод: «Несть на лица зрения у Бога», а лишь на сердца и души. Будь чисты они, можно ручаться, что внешние несовершенства не служат препятствием у Господа для восприятия Его благодатных дарований! Господь наш — Господь духа и свободы, не способной допустить что-либо истинно греховное и Богопротивное!

3551

Самые великие прославленные Богом Святые не обходились без слабостей и погрешностей — не только в отношении к другим людям, но и сами по себе. Препп. Иосиф Волоколамский и Нил Сорский, разойдясь во взглядах, не были в мире между собою. Тот же Иосиф и Серапион Святитель Новгородский настолько не поладили друг с другом, что последний стал даже жертвой гонений первого, скончав свою жизнь в изгнании. Св. Бессребренники — Косьма и Дамиан и др. ... Но Господь, как видно, все покрывает Своею любовью и милосердием, вразумляя нас посрамлением всякой нашей праведности и все приводя к Своему незлобию и долготерпению.

2213

Никакой земной честный труд не удаляет человека от Бога. Припомните замечательный рассказ о вразумлении возмечтавшего о себе много подвижника двумя женщинами, вся заслуга которых состояла в том, что живя замужем за двумя братьями, они честно выполняли святой долг женщины-матери и жили между собою так, что никогда не ссорились одна с другою. И это-то Господь поставил выше постов, молитв и прочих подвигов отшельника-инока... Что может быть убедительнее и знаменательнее этого?!..

О природе

531

«Гади, скоти и зверие», Господа пойте и превозносите, хвалите Его во вся веки. Как бы ни были страшны, противны, вредны, опасны гады, — все же какую высокую цену и значение имеют в очах Господа: они Его хвалители, создание рук Его, настоящего достоинства коих мы еще не знаем, ибо судим о них только по восприятию наших внешних чувств, да и то неправильно.

1322

С умилением наблюдал я, как «укладывалась спать» природа земная и вся многочисленная семья Божия, населяющая воздух, леса, поля, луга и воды. Царь дня — солнце только что упало на землю, чтобы уступить свое владычество роскошной царице ночи — луне, которая вскоре же в полной своей красе и поплыла над лесом... Все поддавалось обаянию чудного вечера и как-то нехотя укладывалось на покой. Пышная свежая листва недавно распутившихся лесов — густая, сочная, нежно-зеленая трава цветущих лугов, — тихий, благоуханный теплый благодатный воздух — все кипело жизнью, которую, казалось, не в силах был усыпить самый настоящий крепкий отдых... Птицы еще допевали кой-где свои дневные песни и точно допевали их в легкой полудремоте или безпечной неге от избытка наслаждения жизнью... Соловей — певец ночи еще не настроился на свой лад и шаловливо «сбивал» свои очаровательные трели в недоконченных, беспорядочных, как бы пробных увертюрах, точно выжидая, когда смолкнет последний шум утомившихся работников дня, чтобы одному царить захватывающими душу песнями в невозмутимой ничем тишине... Наконец, все уложилось спать, все погрузилось в законный отдых после дневных хлопот, которыми всякое дыхание по-своему хвалило Творца. И всему нашлось у Владыки мира свое место для покоя... Никто не был обижен в эту благодатную «Вознесенскую» ночь...

Глубокое чувство «Божественного довольства» расстилавшимся под моими ногами миром, как в день Божественного смотра впервые выступившему в полной своей красе миру, охватило душу мою, и я ощутил в ней еще раз прогремевший мощный восхищенно-божественный возглас: «Се вся добра зело!»...

612

Рано утром наблюдал я пробуждение природы летом: человек — царь ее — еще спал безмятежным сном; восток рдел золотистым румянцем; ветерок чуть слышно ласкался прикасаясь к лицу; кругом тихо, но не мертво; чувствовалась жизнь в этом покое, жизнь широкая, необъятная, неизобразимо сложная: в чаще кустарников одиноко переливалась какая-то ранее всех приветствовавшая утро птичка; изредка каркали где-то одна-две вороны. Среди этого таинственного покоя природы так близко чувствовался Творец ее, Творец самого человека, которого будит природа к деланию своему до вечера, для которого все это видимое, вся природа и поднебесная.

4835

Я видел великое разнообразие морских животных, рыб, растений. О, как дивен Творец вселенной, создавший все это — небо и землю, море и вся яже в них. Обильна земля видимыми нам всегда и доступными творениями Божиими, но море, с его кажущейся однообразностью еще, кажется, премудрее, обильнее безчисленными существами в нем кишашими, и растениями, недосыгаемое дно его украшающими.

О России и русском народе

1165

Прекрасен ты, русский православный народ, в порывах твоего благочестия и религиозного усердия. Дивен ты и велик своим не-

сравненным терпением, выносливостью и пламенным горением духа и сердца любовью к Богу. Не тяготят тебя длинные службы в маленьком душном храме в страшной давке, в поту, в духоте и жаре, то в холоде, на морозе, в ненастье погодном стоишь ты или идешь за св. крестами и иконами по целым часам, не покрывая главы и не изнеживая себя привередническими опасениями простуд и ущерба здоровью! О, как ты любезен моему сердцу за столь дивные проявления твоей веры, терпения и благочестивые к Богу усердия.

1273

В простом русском народе нашем есть и та добрая светлая черта, что он умеет со всем наслаждением и искренностью молиться за других. Это особенно заметно при погребальном обряде над нашими умершими. Толпы народа, часто совершенно чуждого покойному, охотно сопровождают его до места упокоения. При встрече с погребальным шествием рука встречного тотчас же поднимается для крестного знамения, и душа в особо умиленной молитве возносится к небу. Я долго не мог оторвать глаз однажды от одной старушки, которая при прохождении мимо нее погребального шествия, со слезами на глазах, преклонив колени, усердно молилась за совершенно чужого и случайно ставшего столь дорогим ее сердцу человека. Простой народ наш вообще довольно здраво убежден, что такая молитва за другого имеет великое значение и пользу и для самого молящегося, хотя и не этим, конечно, вызывается его молитва и не нарушается этим и чистота ее.

2310

Некогда надвинулись на Константинополь полчища варваров и обступили его со всех сторон кораблями, готовы были предать все мечу и истреблению. Тогда патриарх Фотий погрузил в море ризу Божией Матери, и внезапно поднявшаяся страшная буря рассеяла и потопила корабли варваров. Эти варвары — были предки наши. Наши далекие отцы, деды и прадеды. Значит, в лице их как бы мы

воевали на святыни Ее, мы восставали на Нее, мы устремились на Ее верных рабов с огнем и мечом. Царица Небесная потопила наши корабли, но сохранила от гораздо более тяжкого потопления наши души, которые с тем большим усердием должны славить теперь Преподобное Имя Ее, сделавшееся и для нас столь дорогим, родным, богатым всякими милостями и утешениями.

2312

Люди неверующие, избираемые часто для наказания именующих себя верующими и не живущих по вере, получают как будто ту помощь и милость Божию, какая более свойственна получению верующими. Так Господь, карая Россию, призвал на нее язычников и благословлял успехом их грозное оружие все время войны и на суше, и на море, тогда как нас всюду явно казнил неудачами. И это было не только согласно с решением суда Божия наказать нас, но и с правдою Божиею, поставившею выше относительно достоинство язычников, живущих честно, нежели именующих себя верующими, но живущими зазорно. Если христиане не выше язычников по своей жизни, это уже вменяется в достоинство язычнику, и в тем больший позор христиан. То, что простительно язычнику и неверующему, то самое — преступление для верующего.

2313

Господь, когда захочет наказать нас, накажет и в самое «Святое Святых» нашей жизни, как некогда отнял молитвенников за свой народ («если бы Моисей и Аарон стали за них, Я и то не послушал бы») и Ковчег Завета предал в руки врагов. Так и ныне попускает иногда самые дорогие святыни христианские терпеть поругания от неверных и нечестивых, предавая нас болезненному чувству стыда и позора за неотмщенное кощунство, и полную безнаказанность святотатственных преступлений.

2314

Кажется (сколь это ни жестоко!), христианство — не в его идеальности, а в способах его проявления в нас и усвоения нами — так же знает вырождение, как все другое живущее и развивающееся на земле. Мы именуемся христианами, но разве так жили первые и истинные христиане? Все совершается как-то механически, безжизненно, в силу привычки, без участия души, без сосредоточения внимания, без умиления, без трогательности и вообще без той первобытной свежести, простоты, задушевности и непринужденности, которые отличали всякое проявление христианского настроения в первые времена.

3793

Революционные неистовства и т. под. движения и вольномыслия — отражение суда Божия неверности христиан своим заветам. Мы все подсудны этому суду. Все виновны в появлении этих ненормальностей, «все уклонишася» и стали ответственны за это уклонение, навлекающее столько нареканий и на Бога, и на веру Христову, и на Церковь, и на христианство.

3868

Христиане ли мы? Никто так мерзко не умеет праздновать своих праздников, как мы, русские, православные христиане! Пьянство, разгул, драки, побои, брань самая скверная, отвратительный разврат, бешеные удовольствия — это, значит, у нас праздник! Да, праздник дьяволу, а не Господу Богу!

4092

Невозможно быть истинным слугою земного Царя, не будучи истинным слугою Божиим. Только истинный Божий слуга имеет все по-

буждения, силы и средства быть верным слугою Царя и полезным членом Церкви и Отечества.

3864

Как жаль о. Иоанна Сергиева! Точно померк окружающий свет. Жаль Церковь нашу Православную, лишившуюся столь крепкой опоры и столь драгоценного сокровища и утешения и столь сильно-го доказательства своей преимущественной истины и святости.

Еще более полноводною рекою потечет теперь по св. Руси неверие, злочестие и всякие вредоносные веяния, сдерживавшиеся этою могучею личностью, выдвинутою Промыслом Божиим в противовес еретику Толстому.

Эх, батюшка, батюшка! Видишь ли ты наше горюшко? Видишь, конечно, и уже утешаешь новою верою в тебя не как земного молитвенника о нас, подобного нам по немощам, а как небесного, близкого к Престолу Божию во свете неодоленной, победоносной Ангельской славы.

О Церкви

1433

«Врата адовы не одолеют Церкви», по обетованию самого Главы и Основателя Ее. И это обещание не одно простое преувеличение, но должно осуществиться и во всей своей точности: должно ждать точно таких трудных минут для Церкви, которые действительно столкнут Ее до самых врат ада. Т. е. близости к совершенной ужасной гибели. И тут-то и тогда-то пророчественное обещание Господа должно осуществиться надлежащим образом.

1250

Говорят о реформе Церкви? Но кто же убедился в необходимости этого и в недостаточности Церкви собственным опытом и неудовлет-

ворением своих истинных духовных потребностей Церковью? Не говорят ли о реформе и отмене церковных установлений те, которые сами никогда и «пальцем» не хотели коснуться их? Не справедливее ли говорить о необходимости реформирования прежде всего нас самих, восстановления первобытных отношений к Церкви и вечным законам жизни Христовой, от которых мы так удалились и так отвыкли, что всякое приспособление Церкви к нам в настоящем состоянии равносильно ее принижению и падению.

1192

Лицемерные читатели святыни и благословения церковного хотят, чтобы Церковь освящала театр и давала благословение на начало или открытие театральных зрелищ. Дерзкое безумие и бессмысленное кощунство! Зачем им непременно здесь надобится благословение, тогда как, несомненно, во многих других и гораздо более важных случаях у себя дома те же люди и не подумают ни о каком благословении! Поверьте вы все, меломаны, театрофилы и антрепренеры, что успех ваших занятий совершенно может обойтись и без церковного благословения, и даже успешнее — если хотите — дело ваше пойдет именно без благословения, чем при нем... И зачем здесь непременно привлекать к участию Церковь? Не все прилично подводить под небесные благословения! Надо знать и здесь свои границы и свои приличия! Ведь так начнут скоро требовать, чтобы Церковь благословляла и кропила св. водой и скверный табак, и другие слабости и прихоти человеческие! Запросят благословения разные Омоны и кафешантанные певицы на открытие своих душепагубных подвигов, потребуют особый чин на открытие своих действий балаганные «Петрушки», заходатайствуют об особой молитве на открытие и освящение — всякие вертопрашеские карусели... Как это было бы мило, неправда ли? *Молитва на освящение карусели!* Ведь вот к каким кощунственно-безумным последствиям все это должно совершенно логически повести? И никакую границу тут установить нельзя: раз признано будет право на благословение за одним раз-

влечением, вполне резонно тогда же должно будет признавать то же право и за всеми другими.

Да до развлечений ли истинному христианину? До смеха ли? До забав ли? До удовольствий ли сцены? До игrania ли жизнью, когда у него завсегда столь много печальной правды, когда от него требуется столько св. серьезности, строгости и осторожности в отношении к делу своего душевного очищения и спасения!?

Не излишне-суровый это «пуританизм». Нет! Это вполне естественнейшее и разумнейшее выражение и требование истинно-христианского настроения и жизни во Христе, Который за всякое слово праздное в Своем последователе угрожал недаром взыскать ответ в день судный, и «утешающимся» ныне здесь предвещал там «горе!»... Никакие упреки в «пуританизме» здесь неуместны: ходите по театрам, если вам нужно, если вы праздны, развлекайтесь, но не привлекайте к участию в этом Церковь: *она не для этого*, она не для благословения праздности и развлечений.

1563

Зачем украшения храмов, св. икон и т. п.? Зачем это богатство в храмовой обстановке, драгоценность окладов, сосудов и всякого рода церковной утвари? Говорят: не лучше ли было бы, если бы храмы были обставлены как можно скромнее, драгоценности, составляющие мертвый капитал храмов, пошли на явно благотельные общественные учреждения: приюты, пансионаты, столовые для учащихся, больницы, богадельни и т. п. Ссылаются и на то, что Господь не нуждается ни в каких драгоценностях для Своего угождения и Сам подтверждал, что они вовсе не составляют истинной и довольной жертвы Ему...

Однако, Господь допускал и вещественную драгоценность жертвы, хотя бы и в явный ущерб делам благотворения, — и не только допускал, но и строго остановил осуждавших такой образ благоугождения Ему и выражения Своих чувств. Так, Он милостиво принял в дар любви от помилованной грешницы, по-видимому, столь бесплодное пролияние на Его ноги драгоценного мира, и когда Апостолы,

увлеченные Иудею, с негодованием находили, что гораздо лучше было бы ценою этого мира облагодетельствовать нищих, Господь отдал полное предпочтение поступку женщины и устранению нищих. Конечно, это не значит, что навсегда и всецело благотворение нищим должно уступать свое место увеличению храмовых драгоценностей и украшений. То и другое имеет свои совершенно самостоятельные, не уничтожающие друг друга и не мешающие права и области. Таков, между прочим, вечный смысл и замечания Спасителя: «Нищие всегда имате с собою!»... Наконец, о драгоценностях, употребляемых любовью христианскою к благолепию и украшению храмов, надлежит судить не по материальной их стоимости, для Бога, конечно, представляющей совершенное ничтожество, а по их идейному значению для человека. Драгоценности сами по себе не накормят, не напоят, не оденут и не успокоят ни одного нищего: они, конечно, могут быть переведены на деньги, деньги изведены на нищих и т. п., но проследите, что станет с этими драгоценностями: они повиснут в виде серег на ушах кокоток, обогнут тяжеловесными браслетами руки мегер легкого поведения, бриллианты, камни и жемчуги послужат к удовольствию и завлечению прожигателей жизни и т. п., разве это более достойное употребление того, что Господь сделал более или менее драгоценным в наших глазах? И не это ли, что Он сделал для нас драгоценным, мы должны употреблять на дом, посвященный Его Имени и служению? Правда, велика нужда нищих, и немалых средств требует им помощь. Но изведите же сначала на их нужды все свободные сбережения в вашем собственном ковчезце, вверенном вам от Бога именно на эти нужды, а не на всевозможные суетные излишества, ничем не лучшие кражи Иуды. Вы негодуете на миро, обливающее ноги Спасителя, и грубо переводите его цену на деньги крадомые. О, как слепы и мелки вы, предпочитая эту драгоценность совершенно не замечаемому вами другому сокровищу, гораздо более драгоценному, при котором только и миро могло иметь ту цену, какой оно удостоилось в глазах Спасителя: это — слезы грешницы, слезы умиления, благодарности и теплой любви, для выражения коих не много никакой земной ценности и жертвы.

3540

Господи! Корабль Церкви Твоей под сильным креном. И Ты, Добрый Кормчий наш, почиваешь, не внимая опасности нашей или намеренно испытываешь нас...

Помоги нам, погибаем...

3797

Господи! Болью сжимается сердце мое при мысли о том, сколько незаслуженных тяжких оскорблений и порицаний терпит св. Церковь Твоя от разных неверов и изуверов, и главным образом — из-за нашей недостойной звания христианского жизни.

3745

Пусть мы пастыри — плохи, как говорят наши обличители. Но — что же *они*, эти обличители, сделали для улучшения Церкви? Двинули ли хоть пальцем это якобы дорогое для них дело? Чем проявили желание помочь и способность улучшить эту Церковь, кроме желчной критики всего и равнодушия к Ее судьбам? Не ясно ли, что у них желание — совсем не иметь никакой Церкви или иметь свою церковь безбожия, самочиния, разврата?

4174

Как многие из нас напоминают и повторяют своею жизнью и поступками Евангельского лицемера, только думающего о себе, что он любит Бога, а делами своими показывающего другое: «Отиде глубоко скорбе...». Не в этом ли разлад жизни и веры, слова и дела, убеждения и практики — весь трагизм, все проклятия современной жизни и все ее несчастья? Не в этом ли и главная беда, и причина страданий Церкви Христовой? Не потому ли она стала ненавистною многим, что люди, считающие и называющие себя принадлежа-

щими к ней, живут хуже язычников, между тем как истинная христианская жизнь должна бы, наоборот, всех влечь в Церковь? Посему и то, что — разочарованные жизнью современных недостойных христиан обращают свою ненависть на саму Церковь, как будто это она учит людей нечестью и порокам. И тут и там — разлад, ошибка, извращение мыслей и суждений.

4503

Параллельно Христовой Церкви развивается в подрыв и противовес ей особая диавольская «церковь», с ее последователями и служителями диавольскими. Для большего обмана и уловления в пагубу неосторожных и неопытных, сатана лукавый во всем копирует Церковь Христову, подменяя ее св. истины, правила и установления своими измышлениями, имеющими единственную цель — оторвать людей от Церкви, от Христа и направить к пропасти погибельного самообольщения и гордыни.

4504

На чем могут утверждать свою лукавную «церковь» еретики, не насчитывающие своей истории и сотни лет? К чему они могут привязать ее? Откуда вести ее начало, если не из глубин адовых, где и конец им?

4505

«Исказители держат в своих скверных руках св. книги только для приманки, чтобы уловлять души неопытных и закалать их на невидимом духовном жертвеннике»... (Златоуст). Как прекрасно подходит этот резкий суд Златоустого учителя к нынешним сектантам с их приторно-сладкими речами о Христе Спасителе, заповеди Которого они обходят на каждом шагу, ожививая наших комаров и поглощая своих верблюдов.

* * *

Как тяжело было состояние духа Апостола, когда он стонал: «Все меня оставили...» и когда внешнее состояние Церкви Христовой не радовало благополучием и миром. Христиан уничтожали, не было им пощады, не было — казалось — и надежды на лучшее и на успех. И, однако, Апостол бодрится сам и других бодрит: «Мужайся. Крепись, злопостражди». Так и ныне говорят, ныне Церкви Христовой особенно плохо. Пусть, но это все не начало ее конца. И донныне Господь с нами. Бывало и прежде не лучше, и не годы, а десятилетия и сотни лет, и Церковь вышла победоносной из всех испытаний. И теперь будет, конечно, то же.¹

¹ Журнал «Душеполезное чтение». 1914. Вып. 10.

Проповеди и назидательные труды иеромонаха и архимандрита Иосифа (Петровых)

От крупиц Евангельских¹

Начало Голгофы

*«Слава в вышних Богу, и на земли мир,
во человецех благоволение!»
(Лк. 2, 14)*

Так воспели ангелы небесные славное рождение Господа нашего от Пресвятой Девы. А что же люди? Что те, для которых Он родился, которым пришел дать мир и благоволение?.. Они встретили вечно-благословенный день рождения Господа, омрачили свой величайший праздник, праздник всей земли — страшным зверским кровопролитием: *«Ирод... послав изби вся дети суция в Вифлееме и во всех пределах его, от двою лету и ниже, по времени, еже известно испыта от волхвов»* (Мф. 2, 16), думая вместе с ними погубить и Новорожденного Божественного Младенца... Так Господь еще в младенческой Своей колыбели показал, что дело, для

¹ По изданию: От крупиц Евангельских. Беседы инока. А. И. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.

которого Он пришел, есть страдание, и вся земная жизнь Его, от колыбели до гроба, от вертепа Вифлеемского до холма Голгофского, была одним сплошным страданием, подъятым ради нашего спасения. Люди не дали Ему для рождения даже убогой храмины: лишь земля дала Ему для этого холодный вертеп. Люди не дали для Его младенческого покоя даже колыбельки: лишь вертеп, служивший ночлегом для скота, дал Ему для этого свои ясли. Люди не дали Ему покоя и потом грозили погубить Его тотчас по рождении: лишь Египет, страна чуждая, дал Ему убежище и приют. И так через всю Свою жизнь Господь благодворил людям среди постоянных тяжких лишений, озлоблений, гонений и всяких страданий, до последнего ужасного конца на Голгофе...

Почему был нужен такой Его путь — путь страданий? Потому что Он — Царь страдальцев и должен был на Себе понести все те страдания и лишения, от которых пришел облегчить земных страдальцев. Как бы эти страдальцы находили к Нему всегда столь легкий доступ и помощь, если бы Он родился и пребывал в чертогах царских? Не удостоились бы тогда быть первыми очевидцами Его — смиреннейшие пастухи, не окружали бы Его тогда скромные галилейские рыбаки, не умывали бы его ног слезами грешники и грешницы, подобные Магдалине, не получали бы столь быстрое, легкое утешение все несчастные, труждающиеся и обремененные, всякого рода болящие, страждущие и прокаженные... не имели бы Его своим Спасителем мытари, не знали бы обращения и умиления разбойники!.. Слава Тебе, Господи Ангелов и человеков, за все, что Ты претерпел ради нас! Слава Тебе за вертеп, за ясли, за Голгофу, за Крест, за всю Твою жизнь, полную дивных утешений для всех страждущих и несчастных земли!.. Аминь.

26 декабря 1903 г.

* * *

У вод Иорданских

*«Приидите, примите вси Духа Премудрости,
Духа разума, Духа Страха Божия!...»
(Стихира Богоявления)*

Сколь чуден и сколь усладительно-прекрасен этот «глас Господень на водах», обращающийся ныне, благочестивые слушатели, ко всем вам! «Приидите, — вопиет он, — примите вси Духа Премудрости, Духа Разума, Духа Страха Божия — явльшагося Христа!» 19 веков назад этот же самый глас раздавался над водами Иорданскими, устами Великого Предтечи указуя людям Явившееся во плоти Божие Слово и приглашая всех с верою и любовью принять Его... И тысячи тысяч раз с тех пор раздается он донныне, как в настоящий знаменательный день освящения воды, по образу освящения Иорданского, — раздается в устах служителей Того же Божия Слова, приглашающих всех жаждущих благодатного обновления жизни обновиться и освятиться в водах сих, наитием Духа Святого освящаемых не менее вод Иорданских, когда в их чистые струи благоволил погрузиться Сам Господь наш во Своей пречистой Божественной плоти. И как тогда берега Иорданские обильно усеявались толпами благоговейного и умиленного народа, как тогда сам Иордан, принимая в свои струи Чистейшего Владыку, вострепнулся, в ужасе готовый отступить и побежать вспять, — так и мы, благочестивые слушатели, сомкнемся тесною толпою у этого Источника нашей жизни, и с трепетным благоговением, только не бежа вспять, как Иордан, а истекая навстречу, с дерзновенною готовностью воспримем в самое лоно наших душ Святейшего Святых — Господа, Желającego войти и обитать в глубинах каждой души всеми дарами Своей благостыни, силою и благодатию сей освященной Им и от всякой нечистоты очищающей нас воды.

Три великих дара этой неистощимой Спасовой благостыни указывает и обещает нам вышеприведенная Иорданская песнь: Духа Премудрости, Духа Разума, Духа Страх Божия, но уже и этих трех как наиболее важных, не говоря о множестве и безконечном разнообразии других, вполне достаточно, чтобы предпочесть им какое угодно земное сокровище, чтобы обогатиться так, как только может быть богат бранный человек, чтобы в слезах умиления и безпредельной благодарности воскликнуть с псалмопевцем: «*Что есть человек, Господи! Яко помниши его, или сын человек, яко посещаеши его*» (Пс. 8, 5) столь чудными неизглаголанными благодеяниями?

«*Приидите, примите вси Духа Премудрости!*...» — Духа Той Самой Божественной Премудрости, Которую, по слову Божию, «прежде век от начала произвел Создатель всех» и Которая «не скончается во веки». «Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя» (Прем. Сол. 7, 25). «Она есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его» (7, 26). «Она — таинница ума Божия и избирательница дел Его» (8, 4). «Она вышла из уст Всевышнего и подобно облаку покрыла землю... обошла круг небесный и ходила во глубине бездны» (Сир. 24, 3, 5). «Она одна, но может все... все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков» (Прем. Сол. 7, 27). Она Сама есть «Дух разумный, святой, тонкий, удободвижный, светлый, чистый, ясный, благодетельный, человеколюбивый, проникающий все умные, чистые, тончайшие духи» (Прем. 7, 22–23). «Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд» (Прем. 7, 29). «Она дороже драгоценных камней и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею» (Притч. 3, 15). Она начертила единым мановением этот роскошно горящий миллионами огней круг небесный, водрузила единым повелением на *ничесомже* эту *неудержимо тяготеющую* жизненосную землю, распростерла единым протяжением эти неизмеримые внеземельные пространственные бездны. Она произвела одно из величайших непостижимых чудес Своих — человека, этот в малом виде целый мир из души, представительницы мира невидимого, и тела, представителя мира видимого. Она проявилась в

мудром устройстве этого тела и постоянно поддерживает его в бытии и деятельности. Она предписала законы нашей мысли, которая доселе следует им у всех людей. Она начертала на сердцах всех людей закон совести, которая доселе у всех людей добро награждает, а зло наказывает. Она насадила для человека рай, и, когда он не сумел сберечь онаго, Сама измыслила все средства возратить его в вожделенное блаженное отечество. И какие чудные, поистине премудрые, достойные премудрости средства! Это Она облеклась во Христа и явилась к отпадшему Богосыновства в зраке раба! Это Она возлегла в скудные Вифлеемские ясли и распростерлась безпредельными объятиями всеобъемлющей Любви на окровавленном Голгофском Кресте. Это Она, обнажив, потопила человеческий грех в водах Иордана и омывает человеческое существо от всякие скверны плоти и духа. Это Она разослала необразованных рыбарей по надмевавшемуся своєю мудростию миру и уловила его в их сети *буйством проповеди «слова крестного»* (1 Кор. Глава 1). Это Она воспела устами грудных детей победную песнь Победителю смерти (*осанна!*) и, блистая пред темными язычниками и ярыми врагами Христа, пленяла красотю Своєю души их настолько, что даже слабые девы и те же младенцы не могли быть никакими силами ада отвращены от сладчайшей любви ко Христу и в самом нестерпимом огне мучений находили мужество исповедывать и славить своего Возлюбленного Небесного Жениха... Это Она и в нас всегда неотразимо влечет всякую благочестивую душу к неизреченному свету Триипостасного Божества, невидимо наставляет нас на всякую истину, оберегает нас от всякого неведения и заблуждения, улаживает Богобоязненные сердца спасительным страхом Господним и неодолимою любовью к Небесному Отцу, порождает недовольство суетным, скоропреходящим, и устремляет взор наш к вечности и ко всему истинно доброму, разумному и прекрасному! Поистине, Она «одна может все». *«Многo цари царствуют, — говорит Сама Она, — и повелители узаконяют правду... Кто нашел Меня, тот нашел жизнь и получит благодать от Господа»* (Притч. 7, 15. 35). Такова Премудрость и таковы дары Ее! Приведите себе на память блаженную душу любого

праведника и посмотрите, каким чудным богатством могут быть преисполнены наши скудельные сосуды, когда в них почует Дух Премудрости Божией, каким светом ведения, каким благоуханием добродетелей! Приведите себе на память пребогатые духовные сокровищницы — блаженные души святых апостолов, пророков, богомудрых отцев и учителей Церкви, а также — святых мучеников и мучениц, подвижников и подвижниц — этих учителей веры и благочестия христианского — многочисленнейших, чем звезды небесные, — разнообразнейших, чем цветы полевые — и прочтите в светлых обликах их, какова *спасающая нас* Премудрость (*Прем.* 9, 19) и «*как велик тот, кто находит Ее!*» (*Сир.* 25, 13).

Но — неистощим и независтен в своих дарованиях Податель всех благ — Господь. «*Приидите, примите вси,* — приглашает Он, — *и Духа Разума!*» Духа Того же Божественного Разума, от Которого и возглись изначала наши разумные души, и в Котором, как в своем высшем Источнике и Питателе, они — эти малые образы безконечного Духа — только и могут находить сообразнейшую себе жизнь и способность действовать. Всякое стремление жить, всякое усилие действовать независимо от этого Приснотекущего и Живоносного источника, всякое уклонение нашей мысли от Зиждательной, Живой и Животворящей мысли Божества — есть духовное саморазложение, самоуничтожение, смерть! Все наше счастье и несчастье — в этих согласных или несогласных с нашим предназначением сердечных мыслях и расположениях. Чем чище, возвышеннее, духовнее эти мысли и расположения, тем полнее, святее и правильнее наша сердечная жизнь, тем легче, отраднее и светлее на душе. И как в вещественной природе удаление или сокрытие солнца бывает причиною мрака, так в бранных храминах наших душ — только когда входит и сияет в них мысленное Солнце — Бог, тогда только и может быть нам легко и тепло, и светло. О, если бы это наше Животворное Солнышко никогда не заходило в нашей душе, но всегда освещало, согревало и оживотворяло ее!.. О, если бы и наши души в свою очередь самовольно не закрывали от себя живительных лучей этого Умного незаходимого Солнца и не предпочитали мрак греховный и

бурю страстей — свету благочестия и Богоразумия! О, если бы все те, кои обильно просвещают себя науками, не забывали науки наук — побеждать живущий в нас грех, а не покорять разум свой в растлевающий плен неразумия и страстей! О, если бы мы, слушатели, не ослепляли сами свой разум, это духовное око, которым нам дано созерцать непостижимую красоту Божества, — не ослепляли взиранием на тленные и обманчивые прелести мира, и орган Божественного веления и собеседования не делали орудием познания греха и рабского служения ему! Какое в самом деле странное и печальное вместе явление! Вся природа отлично знает своего Творца, Благодетеля и Владыку, служит Ему, повинуется Нему, исполняет во всей точности все законы Его. *«Вол знает владельца своего и осел ясли Господни»* (Ис. 1, 3) — человека, который не мог создать этого животного, хотя и подчинил его. А мы, одаренные разумом, свободою и прочими высшими орудиями Божественного ведения и общения — существа, — вместо того, чтобы во главе всех тварей исповедывать дивное величие, премудрость и благодать Творца; вместо того, чтобы из родственного нам Божественного разума усвоить сродное и подобное, действительно способное питать наш Богоподобный разум, — мы отвращаем этот разум от высшего первоисточника всего разумного и питаем его неподобным и несродным, разрушительным и неудобоваримым сором тленного и скоропреходящего! А между тем, каких великих благ обладателями соделать нас мог бы правильно употребляемый разум! В какой священный светозарный огонь могла бы быть распалена эта неугасимая, в нас таящаяся искра Божества, по которой мы, бранные существа, так сказать — кость от костей и плоть от плоти Трисиятельного Божественного существа! Познай же и пощади величество твое, человек! И не меняй Богоподобное, Богославное достоинство твое на уподобление неразумным тварям, и при своем неразумии умеющим исполнять свое назначение, по мысли и воле общего всем Творца! Тебе дано различать доброе от лукавого, тебе дано свободно, а потому и с большим сознанием, с большим для тебя блаженством — избрать и укрепиться в первом и возвыситься над последним! Ты всегда можешь, как только

захочешь, ощутить, понять, предвкусить неизреченного блаженства в созерцании Божественной красоты разумным оком сердца! Если когда-либо Бог был далеко от тебя, то теперь ты сам отдаляешься и не хочешь принять Его. Если ты, изменив Богу, променял свободу свою на подчинение врагу и перестал быть другом Божиим, то теперь, взысканный Богом, и оживая свободою в Нем, ты — возлюбленное чадо Божие и обитель Духа Святого, в тебе почивать Соизволяющего. Если доселе ты был немощен, то теперь тебе даны *«вся Божественные силы, яже к животу и благочестию»* (2 Петр. 1, 3). И ты ли низведешь себя с высоты этого дивного величия и лжа сотворишь Того, Кто есть Вечная истина, святость, совершенство! Ты ли будешь еще жаловаться, что тебе дана такая свобода — дар опасный и ответственный, но только потому, что не хочешь, а не умеешь ею пользоваться, отвергая и благодатные средства для этого! Ужаснемся, братие, самой возможности подобного Богохуления и всем сердцем откликнемся на дальнейший Божественный к нам призыв:

«Приидите, примите вси... Духа Страха Божия!..» — не страха рабского, в котором одно мучение, но того настоящего Страха Господня, который *«слава и честь, и веселие и венец радости»* (Сирах. 1, 11) — того Божественного Страха, который, услаждая сердце, исполняя его любовью ко Господу, сильнее всякой узды удерживает и ограждает от всего нечистого и зловольного, — того Страха, без которого самая премудрость — гибель, самый разум — зло для человека, — без растворения с которым нет премудрости, нет разума, ибо *«начало премудрости — страх Господень»* и *«корень благих»* — он. Лишь *«боящегося Господа»* премудрость *«встретит, как мать, и примет к себе, как целомудренная супруга!»* (Сирах. 15, 2) *«Полнота премудрости — бояться Господа... и венец премудрости — страх Господень»* (Сирах. 1, 16. 18). Боящиеся Господа не будут недоверчивы к Словам Его и любящие Его сохраняют пути Его. Боящиеся Господа уготовят сердца свои и смиряют пред Ним души свои, говоря: *«Впадем в руки Господа, а не в руки людей, ибо каково величие Его, такова и милость Его»* (Сирах. 2, 17–18). Страх Господень — ненавидеть зло (Притч. 8, 13) и отсекают все, что привязывает к нему.

«Всякую мерзость Господь ненавидит и неприятна она боящимся Его» (*Сирах.* 15, 13). Страх Господень — Сама Премудрость, вводящая всех возлюбивших Ее в первоисточник премудрости — к Богу. Страх Господень — Сам Разум, просветленным, очищенным оком взирающий на ослепительный свет Трисолнечного Божества. Какое чудное сочетание Троицечисленного единства добродетелей, друг друга дополняющих, друг в друге покоящихся! Какая живоносная полнота и изобилие богатых и усладительных даров Божественного Духа, явльшимся Христом на нас, изливаемых по безпредельной любви Его к нам! И как поистине сладок, убедителен и любвеобилен должен быть глас, призывающий всех прийти и принять это многоценное, многообразное, многодейственное сокровище, явльшимся Христом — силою крестных Его заслуг — нам исходатайствованное.

Как же принять его? Приимем, возлюбленные братие, *Духа Премудрости* — отречением от своих лжемудрований, своей духовной самонадеянности, самолюбия, гордости, злобы, братоненавидения — и старательным соблюдением всего, что изобрела и заповедала премудрость Божия для нашего спасения и обожествления. Приимем Духа Разума — отречением от недостойных предметов познания, освобождением от тлетворной власти греха и страстей, безпрестанно воюющих на душу и покоряющих ее прежде всего помрачением нашего разума, ибо всякая страсть есть умопомрачение, — приимем свободным пленением нашего разума в послушание Христово, смирением всякого возношения, взимающегося на разум Божий (*2 Кор.* 10, 5), и Боголепным сосложением во *един Дух с Господем* (*1 Кор.* 6, 17). Приимем и *Духа Страха Божия* — отречением от всего противного милующей и долготерпящей нас Божественной любви и всецелым возвращением в ее всепрощающие объятия! Приимем *Духа Премудрости, Духа Разума, Духа Страха Божия* — слезами покаяния, умиления и любви к Всеправедному, к Всепрощающему, Милосердому и Человеколюбивому Богу и благоговейным вкушением сей освящаемой ныне воды, которая, прияв свыше благословение Иордана и благодатное наитие Утешителя нашего, имеет, по благоволению Его, великую очистительную, освятельную и исцелительную

силу для всякого, с верою, любовью и благоговением ее вкушающего, омывающегося и кропящегося ею.

Всесвятый *Душе Премудрости, Душе Разума, Душе Страха Божия* — Явльшагося и Даровавшего Тебя нам Христа! «*Прииди и прими*» Сам всех нас, по неложному обещанию сладчайшего гласа Твоего! *Прииди* сею — Тобою освященною и преисполненною благодатного наития Твоего — водою! И прими нас: умудри дух наш Твоею чудотною, небеса пронизающею Премудростию, вразуми души наши Твоим спасительным дерзновенным Страхом, в сладчайшей любви и тихом, непрестанном, неослабном совосхищении к Тебе!..

Иисусе Сладчайший, Сыне Божий, явлением Своим к нам по изволению Бога-Отца открывший неисчерпаемые сокровищницы Духа и изливающий Его изобильно в сердца уверовавших в Тебя! Прииди и Ты сею верою нашею к Тебе и прими нас: даруй нам очищение грехов, даруй просвещение ума и сердца, даруй так возлюбить и возжелать Тебя, как возлюбил и возжелал Ты нас! Аминь..

5 января 1899 г.

* * *

В объятых старца

*«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко,
по глаголу твоему с миром, яко видеста очи мои
спасение Твое!»
(Лк. 2, 29–30)*

Кто это и кому так говорит? — Дряхлый, убеленный сединами, потухающий старец! Говорит слабому, не умеющему ни говорить, ни ходить — Младенцу! Поистине, дивное событие! Еще никто не знает, *что будет Отроча сие?* — а вот Симеон уже называет Его «*Владыко!*» Еще никто не догадывается, что этот Младенец — будущий Страдалец на Кресте за грехи всех, а праведный Старец уже величает Его *спасением своим, светом языков и славою Израиля!* Еще Сама

Пречистая Матерь этого Младенца не подозревает, сколько страданий понесет Она за Свое сладкое Чадо, а Симеон уже и Ей предвещает Ее скорбное будущее: «Тебе же Самой души пройдет оружие!» Никто не допускал мысли, чтобы Мессия нашел Себе противников среди самого Израиля, а Старец уже заранее ясно объявляет и это, называя Его камнем преткновения для многих! Наконец, не дивна ли и та просьба, с которой обращается Симеон к узанному им Избавителю-Младенцу? Казалось бы, теперь-то особенно и надо было желать — и горячо желать — жить и до конца удостоиться видеть великое дело спасения людей, для которого и пришел Обетованный от века, Которого желали видеть и слышать многие цари и пророки (Мф. 13, 17), а Симеон просит только отпустить Его совсем от земли живых, по глаголу, бывшему к нему, с миром, и как будто уже не желает большего для себя блага и счастья! Такова вера, таково исповедание и такова покорность св. Старца к Божественному Младенцу! Возлюбленные слушатели! Какова же должна быть наша вера и исповедание, каково должно быть наше счастье — после всего нам известного и удостоверенного о нашем Избавителе! Ведь мы, можно сказать, видели все, до конца, Его великое дело спасения нашего! Видели Его дивные знамения и чудеса, совершенные Им среди нас на земле! Видели и знаем все до подробностей, что являло в Нем не обыкновенного человека, а именно Владыку и Спасителя нашего! Мы видели, можно сказать, и уверовали вместе с Апостолами, что Он воистину Сын Божий, ибо Его трепетал Иордан и слушались морские бури; Ему повиновались все стихии земные; Им исцелялись всякие болезни, врачевались всякие скорби и страдания; наконец — Его исповедали нам: и солнце сокрывшееся, когда Он висел на Кресте, и земля поколебавшаяся, и завеса раздранная, и камни распавшиеся, и гробы отверзшиеся, и мертвецы восставшие, — исповедал и Его собственный гроб, опустевший на 3-й день, и печати нетронутые, и пелены погребальные, и Ангелы, и мироносицы, и даже воины стерегущие, и безчисленное множество других верных и единомушных свидетелей!..

Симеон одно то, что увидел Господа Младенцем, почел за величайшее для себя счастье и прославил Бога, с радостью повиновался

глаголу, бывшему к нему, об отшествии из жизни сей в мир загробный! Возблагодарим же и мы Господа за то, что дал нам видеть и слышать то, чего при всем желании не видели и не слышали древние цари и пророки! Прославим и мы Господа в особенности доброю жизнью и верностью Его святым заповедям! Тогда и нам не страшен будет час смертный, и мы с радостью по гласу и зову Господа оставим мир сей и возгласим прощальный привет ему словами праведного Старца: *«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое!»* ... Аминь.
2 февраля 1903 г.

* * *

Неверие Фомы — торжество веры

Христос Воскресе!

Прошла неделя после Христовой смерти и воскресения... — неделя, за которую совершилось столько славного, непостижимого — и загадочного, и утешительного для Апостолов. Господь являлся мирноносцам... То там, то здесь видели Его живым, ненадолго, но живо, ясно и несомненно. Как призрак войдет Он сквозь запертые плотно двери, или как легкое светлое облако станет на пути идущим, скажет два-три слова утешения и ободрения и... опять исчезает. Так являлся Он мирноносцам, Петру, явился Клеопе и Луке, шедшим в Эммаус, являлся 11-ти Апостолам и — странно было! — не являлся Фоме.

И это было недаром. Фома пользуется этим и не верит — упорно отказывается поверить рассказам о воскресении Христовом, говоря: «Пока сам не увижу, не осяжу, ни за что не поверю!»

О, дивное неверие! О, блаженное неверие — сильнейшая опора и укрепление веры нашей, веры всего последующего Христу мира. Если бы этого неверия не было тогда, так, кстати, до сих пор «Фомы неверующие» не переставали бы смущать христианскую совесть вопросами неопровержимого, основательного неверия. Но Господь до-

пустил, чтобы это неверие испытало сразу Его веру и, как воск от огня, исчезло в ней!

Смотрите, как Он убеждает Фому! Целую неделю томит Его в его наивном, но не пагубном, не в злом, не ослепленном неверии, для которого нет исцеления; затем, являясь еще раз — и не одному Фоме, а в целом собрании других свидетелей, торжественно полагает конец его неверию! «Дай твою руку, вот смотри, — говорит Господь, — вот язвы, которые ты хотел осязать! Вот ребро отверстое копием, вот руки и ноги с язвами гвоздиными! Осяжи их *и не буди неверен, но верен!*» (Ин. 20, 27).

И сколько радости должно было вырваться в вопле тотчас же веровавшего Фомы: «Господь мой и Бог мой!...»

Сколько радости и нам — в столь засвидетельствованной и испытанной вере воскликнуть: «*Воистину Христос воскрес!*» Аминь.

Неделя Фомы. 21 апреля 1901 г.

* * *

Истинная верность до гроба

Христос Воскресе!

Чем глубже вдумываешься во все подробности евангельского описания страданий, смерти, погребения и воскресения Господа, тем больше верится в неложность, истинность всего описанного, тем с более сладким трепетом прислушивается сердце к отрадной вести воскресения. И так горячо хочется любить Спасителя, исповедывать Его Божественное величие, коснуться Его благодарным лобзанием, мысленно повергнуть себя к Его ногам, оросить их слезами умиления и восторженной радости.

Вот, например, умилительная история св. Жен Мироносиц, ныне воспоминаемых Церковью. Какую правдивостью и трогательностью дышит евангельское повествование о их глубокой вере и любви, сострадании ко Спасителю. Мы знаем, как быстро, ошеломляюще

быстро наступил конец земной жизни Спасителя. Всего каких-нибудь полчаса назад святые Апостолы делили с Ним Тайную вечерю, наслаждались Его сладкою беседою, и вдруг — Его схватывают, мучают, распинают, убивают и сокрывают в недрах земли. И все это в течение каких-нибудь 15-и часов. Какой ужас, какое оцепенение должно было овладеть всеми друзьями Господа! Неудивительно, что они все разбежались, и, окружая Его дружную семьей при жизни, не собрались облегчить Его последние минуты у Креста!..

Но вот злоба и безчеловечие сделали свое Богомерзкое дело и удалились торжествовать свою позорнейшую победу. Удалились, и место их занимает любовь и священный плач сердечного сострадания по невинном Страдальце — Благодетеле человечества. Иосиф с Никодимом благоговейно-бережно снимают и снаряжают на погребение Божественного Мертвеца! Апостолов не видно около него, но кому другому здесь было бы более приличное, подходящее место, как не святым Женам Мироносицам, простосердечная вера и горячая любовь коих к Кроткому Учителю не хотела знать никаких страхов, колебаний и препятствий и неистощимо лила на Упокоившегося Страдальца умиленные слезы и драгоценное миро!.. О, как нужны были Господу эти слезы и это миро!.. Как они были нужны Ему от нас и за нас, как умиловительная жертва за ужасное злодеяние неблагодарного человечества! И эту жертву за нас принесли Ему именно св. Мироносицы! Принесли, и Господь милосердно принял ее!..

Видите, как Он дает понять это. Он их первыми удостоил отрадной вести Ангела о Своем Воскресении! Он им первым явился Сам, и слезы скорби на их глазах претворил в слезы благодарного умиления и восторженной радости — слезы, которые не должны высыхать на глазах всего последующего человечества!

Господи! Даруй и нам эти сладкие благодарные Тебе слезы. Даруй — не словами только, а всею жизнью нашею, Твоим заветам послушною, засвидетельствовать пред всеми неверующими и нечестивыми, что Ты, невинный Страдалец за грехи наши — «воистину воскрес!» Аминь.

Неделя св. Жен Мироносиц. 28 апреля 1901 г.

* * *

**Крепким — телами,
но расслабленным — духом**

*Сказал Господь расслабленному:
«Встань, возьми одр твой и ходи!»
И тотчас расслабленный встал, взял
одр свой и пошел.*

(Ин. 5, 8)

Как быстро, легко, свободно!! 38 лет лежал несчастный — ни живой, ни мертвый, неспособный двинуться даже настолько, чтобы доползти до целебного источника воды живой, — оставленный, брошенный, забытый всеми настолько, что не находилось даже человека, который бы из сострадания к страдальцу оказал столь ничтожную, легкую и в то же время столь громадную для больного услугу — помог ему окунуться и вернуть себе здоровую, настоящую человеческую жизнь.

Сколько в этой евангельской истории поучительного, утешительного, возвышенного! Подивимся прежде всего Божественной — славной и страшной — силе Господа нашего Иисуса Христа.

«Встань, возьми одр и ходи!» — сказал Господь. И недвижно лежавший 38 лет расслабленный тотчас встал, взял свою постель и пошел!

Как воин быстро выполняет команду своего начальника, так слушались нашего Царя-Жизнодавца все существа и стихии вселенной.

Встречается ему прокаженный и говорит: *«Господи! Если Ты хочешь, то можешь и меня очистить!»*... — *«Хочу, очистишься!»* — сказал Господь, и — слово стало делом! (Мк. 1, 40).

Попадается слепец, и, узнав, что проходит мимо Иисус, кричит Ему: *«Господи! Помоги мне!»*... — *«Чего тебе хочется?»* — заставляет Господь сказать слепца во всеуслышание. И когда тот объявляет свое желание прозреть, Господь исцеляет его одним коротеньким словом: *«Прозри!»* (Лк. 18, 41–42).

Надо ли напоминать все записанные в Евангелии случаи быстрой дивной помощи Господа всем больным и несчастным, с верою к Нему прибегавшим! Самый ад и смерть слушали, трепетали Его и по одному слову Его спешили возвратить своих мертвецов.

Братия христиане! А ведь и нам, силою Имени Господа Иисуса Христа обещана власть творить все дивные дела, даже если бы понадобилось — и больше тех, примеры коих дал Сам Господь. Ведь всем это сказано: *«Болящие исцеляйте, прокаженные очищайте, мертвые воскрешайте, бесы изгоняйте!»* (Мф. 10, 8).

Всем, верующим и благочестно живущим по вере сей, обещал Господь знамение: *«Именем Моим бесы ижденут, языки возлагают новы, змия возьмут, аще и что смертно испиют, не вредит их, на недужные руки возложат, и здрави будут»* (Мк. 16, 17–18).

«Если бы вы имели веру хотя с зерно горчичное и сказали бы горе: сойди с места и низвергнись в море, она послушала бы вас!» (Лк. 17, 6).

Но где же теперь эта дивная чудодействующая вера? Где эти славные дела последователей Христовых??

Почему их в настоящее время так мало?

Без сомнения, от крайнего *расслабления* нашей веры, нашего дерзновения и любви ко Спасителю. Как своего рода расслабленные, мы приковали себя к земле, к земному, суетному, тленному, житейскому, и не можем, да и не хотим, хотя бы и с помощью других, — не хотим двинуться, рвануться к небу, к живоносному источнику благодатной жизни, обновиться, ожить для веры, благочестия и духовной жизни.

Каждый день, а не раз только в год, как источник Силоамский, — каждый день в св. Церкви бьет с чудодейственной силою Божественный источник Крови Христовой, всеисцеляющей, всеобновляющей.

И что же? Многие ли приходят к Нему? Как часто Чаша Господня уходит от множества верующих нераскрытою, невкушенною! А ведь Она всегда готовится для всех верующих. Всегда пастырь Церкви молит Господа державною Его рукою преподавать Чашу Его веру-

ющим и прийти освятить их. И Господь, ради верующих не отказывающий никогда слушать даже самых недостойных пастырей, снисходит оказать всем Свою милость, соединить всех с Собою причащением Своих Тела и Крови. И что же? Как часто Он приходит и не находит желающих теснее-преискреннее соединиться с Ним, принять Его, Всеблагото Утешителя и Милосердного исцелителя всех наших немощей, печалей, скорбей и болезней — в наши расслабленные житейскую борьбою души.

Можно ли быть так неблагодарным и невнимательным даже к человеку, как мы невнимательны и неблагодарны к нашему Господу?

И удивительно ли, что жизнь с ее опасностями, искушениями, немощами и скорбями борет и давит нас так, что мы стонем под ее тяжестью?

Как же помочь беде? Обратимся всем сердцем к Спасителю, Которого мы оставляем. От забвения Его, от недостатка веры, любви и дерзновения к Нему — мы страждем нашим духовным расслаблением: у Него же должны искать и исцеления. *«Человека не имамы, да ввержет нас в купель»* обновленной жизни. Один Ты, Господи, по нашему слезному обращению к Тебе за помощью, по нашему усиленному усердию к Тебе, — скажи нашей расслабленной душе, да встанет она крепко на истинном пути веры и благочестия и да не знает отныне никакого другого пути, кроме ведущего к Тебе, Тихому Пристанищу житейских плаваний! Аминь.

Неделя о Расслабленном. 2 мая 1901 г.

* * *

Взыскатель погибших

Везде место и всегда время у Господа для взыскания и спасения погибшего. Нет такого времени и нет такого места, где бы и когда бы спасающая благодать Божия затруднялась найти, кого ей нужно. Еще младенцами находит она и восхищает на небо тех, кому в зрелом возрасте злоба угрожает изменить разум его или лесь прельстит

душу его. В лучшие минуты жизни берет и восхищает она и каждого из нас, и каждому знает и место и время, и самый образ кончины и спасения.

Нашла благодать Божия разбойника на кресте, мытаря нашла у денежного ящика.

Савла настигла и сделала Павлом на пути в Дамаск, куда он свирепо мчался разыскать и заключать в узы тамошних последователей Христа.

Жену-блудницу нашла и возродила у самых ног Иисусовых во время помазания их драгоценным миром, обильно растворенным драгоценнейшим всякого мира — покаянными слезами.

Первейших из апостолов застала на рыбацкой лодке за рыбную ловлю.

Елисея-пророка воззвала от плуга полевого.

Наконец, вот ныне воспоминаемую — нечисто жившую Самарянку, Фотинию, благодать Божия обретает и обновляет у колодца, во время самого обыденного занятия — почерпания воды.

Да и одну ли только Самарянку приобрели Христу Его несколько задушевных и прозорливых слов?

Весь город, созданный пораженною всеведением Господа Самарянкою, стекся к ногам Спасителя и несколько дней не хотел расстаться с Ним, упоеваясь Его сладкою душеспасительною беседою.

Но братие христиане!

То, что легко и доступно спасающей благодати Божией, то самое — о, как трудно и тяжело бывает нам! Всех ищет благодать Божия, но не всех находит.

Искала она и Иуду-сребролюбца, и — нашла в нем... предателя Спасова.

Искала Она, без сомнения, и обоих распятых с Господом разбойников, но в то время как в одном из них она нашла первого, кому отверзлись врата Царствия Небесного, в другом она нашла — дерзкого хулителя и несправимого нечестивца.

Там и тогда, где и когда одни, внимающие ей всем сердцем, спасают и обновляют свою душу, — другие, отмечающие благодать Гос-

подню, гибнут душою и телом — для сей временной жизни, и для будущей вечной.

Как часто одно и то же действие благодати Божией одних умиляет, других ожесточает, одних назидает, других даже и не занимает!..

Приходит и к нам Господь Спаситель, и с нами заводит часто Свою душеусладительную беседу, но — о, как часто мы не разумеем сего благодатного времени посещения Его! Самарянка и у колодца думала о благочестии и угождении Богу, вопрошая Господа об истинном поклонении Богу. А мы — как часто и в храме Божиим предпочитаем внимать соблазнам мира, похотям плоти и врагу нашего спасения, — угождать и потворствовать им. Вот почему нас благодать Божия не находит, посещает так редко и не оставляет в нас всех благодатных плодов своего посещения. Будем сопровождать каждое свое действие, каждый шаг Богомыслием! Будем призывать чаще спасительное Имя Сладчайшего Иисуса, и Он вселится в нашем сердце и неумолкаемо будет вести в нас Свою сладкую беседу, везде будет сопровождать нас Своими наставлениями и утешениями! Аминь.

Неделя о Самарянке. 12 мая 1901 г.

* * *

Маленькие монахи

Журнал «Божия Нива». 1906. № 51

Недавно мне привелось быть в одной из обширнейших общежительных школ (Моложевской), находящейся при Вировской¹ женской обители в западном крае.

¹ В Седлецкой губернии, в 22 верстах от уездного города Соколов при деревне Вирове. Основана в 1894 г. монахинями из Леснинского монастыря.

Огромное, просторное, светлое, только что отстроенное здание школы производило в высшей степени отрадное впечатление, какое способны произвести немногие из наших духовных семинарий, училищ и даже гимназий. Но еще более приятно и неожиданно было впечатление, произведенное внутреннею жизнью школы, ее замечательною дисциплиною, строгим порядком во всем и образцовою церковностью.

Огромные толпы детей окружили нас, когда мы вступили в парадные двери. Какие это были жизнерадостные, довольные, милые ребятки! Как приветливо вперились они своими чистыми светлыми глазками в неведомых им пришельцев, не прячась от них по углам, не дичась нисколько их, как сделали бы другие школьники. Как дружно, громко, весело воскликнули они, выждав, когда мы перекрестились на св. иконы: «Благословите, батюшка! Благословите, матушка!!» (последнее воззвание было к игуменье монастыря, лично сопровождавшей нас).

Ответив на привет деток, мы пошли по всем помещениям школы и в одном из них были утешены общим пением всех детей, составивших могучий, дивный и невиданно-стройный для школы хор. В составе самих учащихся были все необходимые голоса, так как школа дает воспитание и образование в возрасте от 8 и даже до 17 лет, когда детские голоса (дисканты и альты) уже формируются в мужские (басы и тенора). Пели много и пели весьма хорошо, пели церковное, пели из местной любимой народной книги «Богогласника», декламировали стихотворения, рассказывали их в лицах и т. п. Затем нас пригласили посмотреть на обед детей в их трапезной зале. Три или четыре длинных стола, чисто и просто сделанных, без скатертей и прочих затей, были уставлены порциями хлеба, соли, питья, ложками. Дети без шума и толкотни занимали свои места, как в монастыре, ожидая условного знака к молитве. По водворении общего порядка, последовал знак, и дети дружно и чинно пропели по-монастырски все последование, полагаемое пред трапезой. Затем все сели, и особые дежурные из мальчиков в белых чистых фартуках чинно отправились за мисками с кушаньем. Скоро столы стали наполняться мисками, но нам сразу

бросилось в глаза, что ни одна рука к ним не протягивалась. Я обратил на это внимание матушки игуменьи, и хотел даже сказать, чтобы — кому подано, приступали к обеду, как был остановлен заявлением матушки, что дети приучены выжидать и не приступать к пище до тех пор, пока все миски не водворятся на своих местах. К обеду приступают одновременно, вследствие чего не бывает ни торопливости одних, ни запаздывания других. Такая благовоспитанность невольно заставила меня припомнить, как, бывало, обедали мы в духовных семинарии и училище. Боже мой! Это был какой-то спорт торопливости и объедания одних в ущерб другим. А здесь — такая тонкость и деликатность!..

Но еще более не в пользу наших духовно-учебных рассадников просвещения, носящих столь незаслуженно громкое наименование школ, готовящих к пастырству, — была следующая особенность обеда. Когда еще дети кончали предобеденную молитву, я подумал в молитвенной тишине: «Какая пойдет сейчас трескотня деревянными массивными ложками и мисками, какой шум и суета такого множества детей!?» Ничуть не бывало... Кончилась молитва, и дети сели, как статуи, соблюдая благоговейную молитвенную чисто-монастырскую тишину и благовоспитанность... В тот же момент особый дежурный приблизился к аналойчику, стоявшему среди столов, и внятным звонким голосом начал чтение жития дневного святого, точь-в-точь как в монастыре, с тою разве разницею, что и в монастырях многих от этого чтения ничего не остается у слушателей за невнятностью читаемого и за необузданным шумом обедающих, а здесь — обедающие услышали сами, и никто никому не мешал слушать. «Господи!» — подумал я с болью сердца опять о наших духовно-учебных заведениях, готовящих пастырей Церкви... «А как обедают в этих духовно-учебных заведениях, которые теперь так силятся сбросить последнюю узду, сдерживающую их на пути к окончательному разложению и отпадению от устоев церковности всякими автономиями и изгнанием монашествующих начальников!.. А ведь вот здесь умели же эти монашествующие и недуховную школу поставить на такой надежный и отрадный путь, обеспечивающий воспитательную сторону дела наилучшим образом»...

Кончился обед, состоящий всего из 2-х просто, но необычайно вкусно приготовленных блюд. Дежурные собрали посуду, остатки хлеба, вытерли столы начисто и дети пропели опять по-монастырски послеобеденную молитву. Затем, без всяких подсказок, обратились — как по команде — дружно и расторопно в нашу сторону и, сделав глубокий поклон, возгласили в благодарность игуменье: «Спаси Господи, матушка!!»

Я имел множество случаев увериться тут же на месте, что все подобные особенности воспитания молодежеских детей отнюдь не захватывали их лишь вскользь, как в тех же опять наших духовных школах, не оставляя на питомцах никакого следа, или даже действуя совсем в обратную сторону. Здесь, наоборот, воспитание преобразовывало всю душу мальчика, навсегда заявляя себя в каждом проявлении его души во всей его последующей жизни. Я встречал немало бывших питомцев молодежеской школы. Все они с заметным уважением относились ко мне, совершенно неведомому для них пастырю, при встрече снимали шапку и подходили к благословению, или, если последнее почему-либо не представлялось возможности получить, провозглашали по-монастырски с поклоном: «Благословите, батюшка!» Затем, все носили какой-то особенный неуловимый отпечаток скромности, серьезности, трудолюбия, добросовестности и рассудительного отношения ко всевозможным случаям жизни, и вообще истинной христианственности, — свойства, которых более всего недостает опять-таки нашим современным духовным школам с более иногда чем наполовину малoverующими преподавателями и воспитателями во главе.

* * *

Как «воспитывается» неблаговоспитанность

Журнал «Божия Нива». 1904. № 28

«Не то важно, чтобы родить, а то важно, чтобы воспитать», — говорит одно из прекраснейших изречений народной мудрости.

Воспитание есть священнодействие женщины, дело ее спасения, дело Божие, которое, так сказать, составляет послушание ее жизни. Вот почему паче всех потрудившийся из Апостолов Христовых — Павел великую святую истину изрек, сказав: «Жена спасется чадородия ради» (Тим. 2, 15), имея в виду именно воспитание детей, которое сама природа женщины не позволяет отделять от чадородия. Отчасти этим же объясняется то, что «воспитание» мы привыкли понимать в положительном, хорошем смысле этого слова. Сказать просто: «он получил воспитание» — значит: он воспитан хорошо, или он — примерно благовоспитанный человек. И, наоборот, когда говорят «человек без воспитания, — не получивший воспитания», это значит: крайне испорченный, безнравственный, неисправимый человек. Правильнее, однако, сказать, что и этот последний тоже получил воспитание, только воспитание неправильное, ненормальное, извращенное. Тем самым, что кто-либо в свое время не получил надлежащего, правильного, хорошего воспитания, он уже обречен был на приучение, и тоже, так сказать, «воспитание» ко всему, что подходит под понятие «неблаговоспитанности». «Без руля и без ветрил» в том возрасте, когда это особенно важно и нужно, без всякого надзора и руководства, человек, хотя бы и всецело предоставленный самому себе, получает такое или иное «воспитание», предопределяющее в нем все последующие изъяны и уродства неблаговоспитанности.

По существу и целям или результатам своим воспитание вообще есть столько же положительное обогащение души человека нравственными качествами, сколько и предупреждение развития в нем отрицательных нравственных задатков и недостатков. Душа человеческая в состоянии заражения прародительским наследием — в самых ранних стадиях своего развития носит в себе и проявляет злые качества наравне с добрыми. Каприз младенца, безпричинные слезы, тот деспотизм, которым иногда младенцы буквально тиранят безхарактерных родителей — все это зачатки будущих отрицательных злых качеств, не «воспитанные» еще теми или другими влияниями, а, так сказать, самобытно и без всяких воздействий со стороны других изливающихся из души ребенка и заявляющие о необходимости

самого тщательного их перевоспитания. Св. Церковь глубоко психологично и педагогично установила приводить детей к первой исповеди в 6–7-летнем возрасте. К этому времени, наравне с надлежащим раскрытием сознания, ясно очерчивается большинство будущих изъянов воспитания. Вместе с этим, как бы указывается и для родителей наступление такой стадии в развитии ребенка, когда на совести его воспитателей ложится строжайший долг ответственности за все, что не будет предупреждено в этом возрасте самым тщательным уходом и «воспитанием». Самые ничтожные, по-видимому, мелочи здесь иногда развиваются в печальнейшие последствия. Воспитание есть упорная борьба за преобладание добрых сторон человека над дурными, предполагающая навык в быстром и верном различении добра и зла и твердую волю в выборе и предпочтении первого.

Большинство ошибок воспитания вытекает из неумения различать добро и зло в самых первых и глубоких зачатках в душе младенца. Это неумение в большой мере присуще большинству родителей, особенно средних и низших классов общества, а также людям, которые при теоретически высоких понятиях о воспитании не усвоили практически всей чуткости и осторожности в важных вопросах воспитания. Примеров в пояснение этого можно бы привести множество. Я сам попался однажды на упомянутой непрактичности, за которую — к величайшей пользе для меня — тут же и поплатился выслушанием надлежащего внушения, раскрывшего предо мною сразу целый мир строгой благовоспитанности.

В гостях у одного знакомого сидел я рядом с его дочерью — девочкой 3–4 лет. Все пили чай, беседовали... Я, любя детей, больше балагурил с девочкой. Во время этого балагурства я по своей, как оказалось, неблаговоспитанности, не спросив позволения родителей девочки, предложил ей взять конфетку из близлежащей коробочки. Девочка тотчас же посрамила меня своей благовоспитанностью — отказалась, сказав, что «мама не позволяет есть сладкого!» — «А она не увидит!» — продолжал соблазнять я, желая непременно доставить приятное ребенку... — «Что вы делаете?!» — вдруг слышу

я с другой стороны... «Вы учите ребенка лгать, обманывать, таиться, скрытничать, лицемерить» и т. д., и т. д.!!! Все это было так верно, так заслуженно и так убедительно, что от дальнейшей достойной казни я избавился лишь смиренно-искренним сознанием своего греха по неопытности и только недоумевал, как это я сам не мог рассуждать так раньше?

Упрек, справедливо полученный мною за свою неблаговоспитанность, сослужил мне великую службу, так что до сих пор не могу не вспоминать с благодарностью особу, меня вразумившую. Предо мною сразу как-то открылся целый новый неведомый дотоле мир строжайших, тончайших нравственных начал, нити которых так безнравственно и преступно могут порываться нетактичными поступками, подобными моему. Я стал подыскивать, припоминать и представлять другие возможные из подобных случаев, и к ужасу своему находил, что их могло быть у меня и ранее великое множество, и все они таковы, что в каждом из них я мог попасться совершенно так же, как попался в описанный раз, благодаря утонченному нравственному чутью одного из свидетелей. Сколько же раз я мог быть диаволом, внося в невинные души малюток первую отраву лжи, лицемерия, обмана и т. п. исчадий ада?! Правда, я подносил эту отраву, может быть, в самых малых, ничтожных дозах, но — много ли нужно не испытавшей еще этой отравы душе малютке! Сколько же раз на мне тяготел грозный приговор Спасителя: «Кто соблазнит одного из малых сих, лучше бы было такому человеку, если б ему с повешенным жерновом на шее утонуть в пучине морской!..»

Припоминаю еще другие подобные случаи. Ребенок что-нибудь напроказил, что-нибудь напортил, полакомился чем-нибудь тайно, без спросу и т. п. Мать, с трудом сдерживая любящую улыбку, хочет и внушение сделать баловню, и остерегается излишне напугать ответственностью ввиду ничтожности проступка. И вот, с одной стороны, она назойливо допытывает его вопросом: «Это кто сделал?..» — а с другой, улыбаясь, подсказывает сама же, или позволяет какой-нибудь нянюшке отвечать за ребенка, и его самого отвечать за себя, что во всем виновата «кошка»... Опять урок лжи, обмана,

неискренности, скрытности — урок с виду совершенно ничтожный, пополам с невинной, по-видимому, подделкой под милое детское наивничанье, однако, все же урок не бесплодный, но ведущий к дальнейшему, не менее, чем азбука — к чтению. Нетрудно читать, когда выучена азбука, которая, при всей своей кажущейся простоте и несложности, в науке чтения занимает немало места и значения, пожалуй больше, чем самое усвоение механизма чтения.

Еще случай. Ребенок, положим, ушибся. Мать, чтобы хоть чем-либо удовлетворить и утешить его, плачущего, отводит его внимание на гнев по отношению к тому предмету, о который ушибся ребенок. «Давай накажем его, милый, зачем он тебя ушиб!» — мать начинает раздраженно бить ту или другую вещь, приговаривая: «Вот тебе! Вот тебе! Зачем ушиб моего Ванюшку!» И этот Ванюшка, воспроизведя урок злости, сжимает свои маленькие кулачки и с гневом ударяет ими по столу или стулу, чтобы точно так же через несколько времени не задуматься поднять их уже и на живого человека, хотя бы и на ту же свою родную мать... Так прививается к восприимчивой душе ребенка другая отравка и исчадие ада — гнев, раздражительность, злоба, неистовство...

Немало портят детей легкомысленно-шутливым отношением к их порочным задаткам, которые забавляют взрослого своей миниатюрностью. Так, позволяют ребенку «показать язычок» кому-нибудь, передразнить ту или другую смешную сторону в другом, осмеять кого, пригрозиться на кого и т. п. Заставляют ребенка воспроизводить «ухарские» манеры взрослых ловеласов и хулиганить, пить вино и даже — страшно поверить, да и самому приходилось быть свидетелем! — учат произносить скверные слова. До упаду потешаясь тем, как лепечет их несознающий себя детский язычок. Что говорить! Потешно все это в исполнении ребенка, но поздоровится ли от такой потехи чистой душе малютки — о том совсем не думают...

Большой вклад в «неблаговоспитанность» дает и то, когда не останавливают детей и от всевозможных дурных привычек (кусание ногтей, копанье в носу и множество других), возникающих и самостоятельно, и через переимчивость от взрослых неблаговоспитан-

ных людей. Как надо быть осторожным во всех подобных случаях родителям и воспитателям! Сколько нужно внимания, умения, такта и тончайшего нравственного чутья, чтобы не дать чистым началам, которые начинаясь зерном в миллионы раз меньшим горчичного, вырастают в целые непроходимые дебри нравственной испорченности и несправимости.

Воспитание есть — как мы сказали — священнодействие женщины, и если «проклят всяк творяй дело Божие с небрежением», то не менее всякого другого дела Божия, конечно, ограждено этою страшною угрозою священнодействие воспитания детей!

* * *

Тетушка Мария

Повесть

I

На Пасхе

Пасха в 191... году была ранняя... В старинном городе Р., на берегу большого озера, особенно грязно этой порой. Талая вода большими лужами подолгу стоит даже на центральных площадях и улицах города, не успевая стекать в озеро по незначительному уклону берега. Нужно много осторожности и искусства, чтобы не выпачкаться в грязи, идя в праздничной одежде ко службе или от службы, в гости или из гостей. В такую-то пору, в первый день Пасхи, разговевшись дома с семьей и выпавшись, как полагается после ночной службы, пошел по своим родным и друзьям поздравить с праздником и похристосоваться — Иван Ал., житель одной из окраинных улиц города. Тихо и мирно, в труде неустанном, текла жизнь этого раба Божия. В семье его — жена, дочь-девушка, другая дочь замужняя, сын которой — ему внучек — жил у дедушки, учась в ближайшей школе. Занятием

его было рисование иконок по финифти — ремесло, очень распространенное в этом городе. Вся семья обыкновенно принимает участие в этом промысле, исполняя который-нибудь из одиннадцати приемов подготовки финифти и рисования по ней: один готовит основу для финифти, другой покрывает ее глянцем, третий закаливает или обжигает в печи, иной покрывает фон, еще иной набрасывает контуры изображения, иной разрисовывает, пишет одежду, еще иной наводит лик, затем производится начистую окончательная отделка, изображаемая наиболее опытным мастером, и, наконец, — финифтяная иконка окаймляется серебряною или металлическою рамочкой, подклеивается бархатом, и иконка готова — вполне приличная, очень прочная и дешевая. Тысячами шли заказы этих иконок со всех святых мест Русской земли, тысячи людей кормились этим ремеслом, тысячи уголков украшались этими иконками по городам и весям нашим. Много таких иконок написал и Иван Ал. со своей семьей, принимая заказы от более крупных мастеров и поставщиков. В последнее время особенно много написал он иконок Черниговской Божией Матери для Гефсиманского скита (близ Троице-Сергиевой Лавры), где тогда эта икона особенно славилась своими чудесами, привлекая тысячи богомольцев. Дивный лик Царицы Небесной, со всеми мельчайшими деталями Ее одежды, так глубоко врезался в душе Ивана Ал. от многократного писания, что он только и видел этот лик, неизгладимый никакими другими впечатлениями.

И вот зарядившись, как мы сказали, Пасхальною радостью, в дополнение к этим впечатлениям, пошел по родным и знакомым наш землячок. Жизни он был вообще трезвой, как и подобает в его мастерстве, и благочестивой. Но все же — что удивительного? — в одном доме выпил немножко, чтобы не обидеть радушных хозяев, у другого подбавил еще немножко, у третьего еще и т. д. и т. д. В результате, обойдя несколько близких и родных семей, Иван Ал. почувствовал, что не то чтобы пьян, нет! — но все же, в голове немножко позатуманилось, и ноги не столь твердо ступают по скользкой от грязи земле. Идет он к дому в своей праздничной одежде и побаивается: там, на окраинах, еще грязнее, да вдобавок, кана-

вы с водой, и совершенно-то трезвому нелегко бывает пройти, не выпачкавшись. А жена — строгая! Не дай Бог — поскользнешься, да придешь в выпачканной одежде, — вообразит невесть что и пробежит на все корки, не боясь и праздника Христова... Так и вышло, на беду старика. Около самого уже дома, одолевая последнюю лужу и канаву с водой, поскользнулся бедный визитер по липкой грязи и, хотя тотчас и поднялся, но не в особенно-то приглядном виде. Дальше — как и ожидал он: жена, при виде замоченной и попачканной грязью одежды, накинулась на него со всею яростию, и как-как только не выругала, не пожалев для Христова праздника... Горько и обидно стало бедняку. На все попытки образумить свою ворчунью и доказать, что он вовсе не пьян и не из-за хмеля впал в эту беду, вполне возможную для любого трезвенника, жена раздражалась только большею бранью и язвительными укоризнами. До слез довела, наконец, старика, и он, в порыве вдруг нахлынувшего самобичевания и желания так или иначе искупить скорее свой «грех», говорит дочери: «Лена! Собери мне на завтра котомку, пойду к Троице-Сергию!» Удивившись такому решению отца, дочь пробует урезонить его: «Да что ты, папа? Кто идет на далекое богомолье в такие дни... Полно тебе, и здесь замолишь свой грех!..» — «Нет, собери! Пойду!» — окончательно решает отец и укладывается спать, решив твердо пораньше встать и идти замаливать свой грех. А Лена, подумав, как и мать, что отец не совсем здраво рассуждает от излишне выпитого, и что, протрезвившись, и сам изменит свое решение, и не подумала ничего собирать для уже спавшего богомольца.

Рано утром, в понедельник Пасхи, будит он дочь и требует свою котомку. «Да что ты, папа? Неужели вправду идешь? А я ничего и не собирала!» — «Ну, так собирай поживее. Я же иду!» Сборов было немного. Быстро собрала Лена отцову котомку, вложила в нее несколько ломтей кулича, яичек, чайку, сахару и прочей дорожной мелочи, денег свободных нашлось всего 20 копеек на это богомолье (жили они небогато), и помолившись на дорогу, старичок двинулся в путь. А путь неблизкий: от Р. до Троице-Сергия с лишним 100 верст.

II

Загадочные попутчики

Широкой красивой полосой тянулась пред нашим богомольцем большая Московская шоссе́нная дорога. Окаймленная непрерывной аллеей деревьев, плотно утрамбованная мелким щебнем, уже обсохшим на солнце, то подымаясь на холмы, то опускаясь с них, то впадая в красивый лес, то выходя на не менее красивые поляны, она без особого утомления как бы звала и подталкивала вперед и вперед нашего путника. Всюду кругом через поляны проглядывают красиво раскинувшиеся села и деревни. Высятся кругом обильные здесь храмы Божии. Неумолкаемо льется с колоколен радостный Пасхальный звон. Ярко и весело играет на небе солнышко, расплавляя и сгоняя застрявшие кое-где остатки зимнего снега. Птички — точно и они чувствуют праздник (да и несомненно чувствуют!),¹ — как-то особенно сладко поют и щебечут кругом. Жужжат уже кое-где и пчелки, разбуженные животворящим весенним солнцем.

Уже не одну версту отшагал дядя Иван. Вырвавшийся из семейных дразг и из обыденной серенькой жизни на свободу, дух его упивался этой свободой до забвения всего другого на свете. Два с лишком десятка верст миновали незаметно. Вдали показался небольшой городок П. с его красивой церковью и колокольней с позолоченной главкою. Колокола радостно заливались звоном. Жители, разряженные по-праздничному, и все кругом стало как-то еще живее напоминать о великих днях. Праздничное настроение, не покидавшее души

¹ У одного моего знакомого священника, любившего певчих птичек, был соловей, который вдруг перестал петь и долго не пел. Придя домой от пасхальной службы, уже на рассвете, священник подошел к этому соловью и говорит ему: «Соловушка, милый! Да что же ты это у меня все молчишь? Вся тварь веселится ныне и радуется, вопия «Христос Воскресе!»» И вдруг соловушка встрепенулся, да как запел! Слезы градом так и полились у старика, почувствовавшего, что и его соловушка завеселился и зародовался под волшебным действием Праздника праздников.

даже в минуты вчерашних невзгод, поднялось еще выше. Кой-где в окнах замелькали самовары и около них завтракающая и чаевничающая публика... В воздухе носился приятный аромат горячих вкусных снедей. Вдруг почувствовалась забытая усталость от пройденного пути, вспомнился пасхальный кулич за плечами, потянуло отдохнуть, попить чайку, подкрепиться завтраком. Кстати, вот на самой дороге и чайная. Иван Ал. решил зайти и сделать маленькую передышку. Отворяет дверь, переступает порог и видит прежде всего поднимающихся в путь трех странниц.

«А, дядюшка Иван!» — говорит радостно одна из них. — «Куда это ты собрался?» — «Да, вот, к преподобному Сергию помолиться иду!» — «А, к преподобному Сергию. Так и мы туда же, вот мы тебе и попутчики. Идем вместе!»

«Хорошо бы вместе-то, да ведь вот вы уже и дальше идете, а я еще только отдохнуть хочу, да и подкрепиться надо!»

«Ну, ничего, мы тебя подождем на дороге, догонишь!»

И странницы вышли. А дядя Иван расположился за столиком на их месте, заказал чайку, позавтракал куличиком и яичками и, погревшись за чайком, даже прилег, чтобы дать маленький отдых несколько поутомившимся ногам.

Прошло часа два или три. Пора было двигаться и ему в дальнейший путь. Взвалив на плечи котомочку и расплатившись за услугу с хозяином, пошел и он дальше. Городок весьма скоро показал свой конец, пошла опять, как прежде, гладкая широкая живописная дорога. Версты две-три всего успел пройти дядя Иван, как вдруг впереди завидел сидевших на камушках своих попутчиц. Они, видимо, поджидали его. Скоро поравнялись они, обрадовавшись друг другу, и дальше пошли вместе. Знакомятся ближе, кого как звать. Старшая из попутчиц велит ему звать ее: «тетушка Мария». Две другие как-то остались в тени, так что и имен их не запомнил или не узнал дядя Иван. Всем вниманием его и всей как бы душой вдруг завладела одна лишь «тетушка Мария», заслонившая собою все остальное. И что это оказалась за дивная женщина! Как она чудно рассказывала дяде Ивану разные поучительные истории! Как его утешала, радовала, подбод-

ряла, назидала своими невыразимо-сладкими речами, которые лились в душу медовыми потоками и заставляли забывать все на свете. Без конца хотелось бы слушать эти дивные, точно небесные и неземные речи... Так прошли еще около двух десятков верст. День склонялся к вечеру. Дорога стала глуше, лесистее. Меньше попадалось на пути сел и деревень. Закопошилась у дяди Ивана мысль о ночлеге...

«Не беспокойся об этом!» — подбодряет тетушка Мария: «У меня в каждой деревне есть знакомые и почитатели, у которых найдем и приют, и покой, и все, что нужно!» И действительно, в ближайшей деревне, куда они скоро вошли, тетушка Мария уверенно постучала в один по виду довольно приличный дом и была встречена радостным приветом. Все четверо были ласково пущены в дом, гостеприимно угощены, уложены на ночлег со всеми подобающими удобствами и отдохнули за ночь до полного освежения и восстановления сил. Распростившись утром с радушными хозяевами, пошли дальше тем же порядком. Так же прошел еще день и еще ночь с новым, не менее гостеприимным ночлегом. На третий день к вечеру показалась и Лавра...

III

В Лавре

В Лавре, вмешавшись в толпы народа, взвинченный душевно от радостного переживания достигнутой цели путешествия, дядя Иван как-то незаметно расстался со своими попутчицами и начал устраиваться самостоятельно. Приют и ночлег (бесплатно) нашел в Лаврской странноприимной, обед для богомольцев Лавра давала также бесплатно, ежедневно кормя тысячи богомольцев, на особых столах около трапезной церкви. Заботиться было не о чем. Только молись и обходи все святые места. И дядя Иван с особою радостью и усердием исполнил все обязанности богомольца. В Троицком соборе отстоял все лаврские службы, поклонился святым мощам Угодника Божия и другим лаврским святыням. Потом направился в Гефсиманский скит — поклониться Черниговской иконе Царицы Небесной, которую столько раз

изображал на своих образочках, и страстно жаждал видеть Ее ненаглядный подлинник, чтобы еще глубже и живее запечатлеть в душе Ее небесные черты... По дороге в скит он вспомнил, что его финансы (20 копеек, ассигнованные дочкой) совершенно уже оскудели по копеечкам, пожертвованным то тут, то там при обходе лаврских святынь. Как же быть? А ведь и у Черниговской надо чем-нибудь поблагодарить Ту, Которая оказала ему столько благодеяний, послав довольный заработок. А обратно? С чем идти? Чем уплатить за ночлег, который придется уже иметь без тетушки Марии? Чем расплатиться за чаек и отдых в чайных на обратном пути? Грустно стало на душе от этих назойливых мыслей. Положение безвыходное. И в первый раз в жизни явилась мысль попросить милостыни — «Христа ради!» Кстати, вот обгоняет какой-то проезжий на извозчике. И дядя Иван, не задумываясь долго, взволнованно выкрикивает ему свою горькую нужду: «Господин добрый! Помогите бедному богомольцу Христа ради!» Извозчик ни на мгновение не задержал лошадей, и проезжий мелькнул мимо дяди Ивана, как в панораме. Горько стало совсем неопытному попрошаю: «Эх! — подумал он, — в первый раз в жизни решился на это и так неудачно!» Вдруг видит: проехавший мимо господин оборачивается назад и что-то кидает по направлению к нему. Идет, и находит серебрушку в 10 копеек. «О, да ведь это не шутка! Это чуть не полное верное обеспечение на обратный путь». Стало веселее сразу. Сладко помолился дядя Иван у Черниговской, выплакал все свои скорби, горести, нужды у ног Пречистой и с облегченной душою возвратился в Лавру.

IV

Обратно домой

Наутро дядя Иван решил идти обратно домой. Отстояв еще раз лаврские службы, он уселся за столом с богомольцами пообедать, подкрепиться на дорогу и вдруг, неподалеку от себя увидел опять... матушку Марию с ее спутницами.

«А, дядя Иван, — весело заметила она, — и ты тут. Ну, куда теперь думаешь направить свои стопы?»

«Думаю домой; надо бы к родителям-то преподобного,¹ да уж не смогу, поустал, да и деньжонками поистратился, так уж поспешу домой».

«Ну, вот и прекрасно! — решает «Тетушка». — А я вот тоже иду туда, а мои товарки пойдут в Хотьково, так что мы с тобой опять и пойдём вместе!»

«Хорошо!» — согласился дядя Иван, обрадованный столь неожиданной встречей и столь приятным для него решением «Тетушки».

После обеда две спутницы «Тетушки» отделились от нее и пошли к Хотькову, а дядя Иван и «Тетушка» направились в обратный путь.

Никогда еще не был так счастлив и доволен дядя Иван. Сознание столь благополучно исполненного долга — обета богомольца, облегченная и свободная от всяких угрызений совести душа, искупленный подвигом пасхальный «грех», живые впечатления столь величественных и сладостных лаврских святынь и служб, небесно-сладкие дивные речи необычайной спутницы, — все убаюкивало душу дяди Ивана каким-то особенным легким счастьем, довольством, блаженством.

Обратный путь прошли так же незаметно, благополучно и спокойно, как и туда. Вот уже и конец пути недалеко... Пахнуло сыростью родного, только что вырывающегося из зимних ледяных оков озера. Более гулко слышался звон многочисленных здесь сельских церквей, во множестве раскиданных по длинным берегам озера и по окрестностям города. В весенней дымке завиделся и самый город, хотя до него еще было не столь близко — без отдыха, пожалуй, не добредешь... Вдруг тетушка Мария выводит своего спутника из раздумья таким заявлением:

«Ну, вот, дядя Иван, ты скоро будешь дома! Мне же надо направиться вот в эту деревню. Так вот здесь мы с тобой и расстанемся!»

«Увижу ли я когда еще тебя?» — взмолился вдруг встрепенувшийся дядя Иван.

¹ В Хотьков монастырь, в 10 верстах от Лавры, куда заходят все богомольцы.

«Бог даст, увидимся, — уверяет спутница, — ведь я каждый год обязательно бываю в Р. в большом крестном ходу.¹ И ныне буду, обязательно как всегда».

«Вот хорошо! — облегченно говорит дядя Иван. — Так вот что, дорогая моя! Я живу там-то (говорит свой точный адрес), домик у меня свой, хоть и небогатый, семья у меня небольшая, сам да жена и дочь, так уж сделай милость, когда будешь в Р., остановись у меня. Или же хоть только посети меня: все сделаю, чтобы тебе было у нас покойно и хорошо!..»

«Ладно! — соглашается она. — Приду и посету обязательно. Увидишь, как я верна своему слову!.. Да, вот еще что: быть может, до города-то тебе еще придется зайти на отдых, а денег-то у тебя нет, возьми-ка маленько». И с этими словами вручила ему гривенник.

Затем они пораспрощались, и счастливый до конца дядя Иван зашагал дальше, а она свернула с дороги на открывшуюся поляну, на которой виднелось село, и пошла туда.² Сделав несколько шагов, дядя Иван обернулся, чтобы еще раз взглянуть на свою столь дорогую спутницу, и — поразился... На поляне никого не было! Тщетно он напрягал зрение, взбирался на пригорки. Небольшие кустики и не столь высокие пригорки не могли так скоро заслонить ее от взора. Ведь сейчас только вот они говорили, сейчас только расстались, и уже ее нет и нигде не видно, точно сквозь землю провалилась... Диво! Чтобы это значило? — Напрасно размышлял дядя Иван и не мог ничего понять в этой загадке, никак не умел ее объяснить. Так и пошел дальше в каком-то жутком недоумении. А сердце между тем так сладко билось, играло от воспоминаний всего, пережитого за эти великие дни...

¹ В первое воскресенье Петрова поста.

² В этот самый день приносится из Р. городского собора чтимая икона Владимирской Божией Матери, носимая по деревням до первого воскресения Петрова поста, когда она возвращается в Р. для участия в большом крестном ходу кругом города и потом опять уносится по окрестным городам и селам.

V

Дома

Много было рассказов дома у дяди Ивана о своем необычайно удачном путешествии. Забыто было все неприятное, подвигнувшее его на это путешествие. И жена, и дочь с радостью встретили его возвращение. Всех сумел он заинтересовать своею загадочною спутницею, отголосок речей которой, даже в слабой его передаче, приво-дил в сладкий трепет и неутолимую жажду самим дожидаться счастливого случая повидать ее и насладиться ее беседой.

Прошла и Пасха. Наступили послепасхальные дни. Высчитывались дни и часы до желанного дня обещанного посещения... Прошли все майские праздники города Р., прошла Троица... Вот наступил и Петров пост. Истощалось терпение более всех ожидавшего этих дней дяди Ивана. Наконец начался...

Накануне упомянутого большого крестного хода кругом города Р., икона Владычицы приносится из послепасхальных хождений по деревням и селам в город, чтобы шествовать во главе этого хода. Обычно икону приносят к субботней всенощной, причем из сел ее сопровождает множество народа, а из города на встречу ее устремляется соборный крестный ход с меньшим множеством встречающих горожан. У городской заставы эти массы сливаются, совершается краткое молебствие, и все направляются в собор, где тотчас начинается всенощная. Минута этой встречи бывает неописуемо умильная. Блеск многочисленных позлащенных хоругвей, празднично одетые и по-праздничному настроенные массы народа, многочисленный сонм священнослужителей, торжественно умильное пение нескольких хоров, малиновый звон Р. колоколов, и несомая в роскошно украшенном живыми цветами высоком киоте-носилках святая икона Владычицы во главе других, вынесенных навстречу икон, и целый лес хоругвей — создают настроение совершенно неземного характера.

Вышел навстречу святой иконы, конечно, и наш дядя Иван. Вместе с другими сладко помолился возвратившейся из своего путешествия

Владычице, и стал искать глазами Ту, Которая обещала быть в этот день у него *обязательно*. Уже сердце сладко билось и замирало, чувствуя, что Она здесь, в этой несметной толпе. Надо поскорей найти Ее, увести к себе на покой и отдых, ведь могут перебить другие: у Нее везде, значит и здесь, так много почитателей и знакомых, и, наверное, все среди более зажиточных, чем он, так что ничего нет удивительного, если Ее от него отнимут, успокоят другие, а не он. А ему, если выпадет на долю, то какая-нибудь одна счастливая минута, тогда как хотелось бы видеть Ее дольше-дольше, нескончаемые веки...

Все время, пока они шли до собора, не терял надежды найти свою желанную Гостью дядя Иван. Перерыл взором всю несметную толпу, но, — увы! — бесполезно. Нет и нет Ее!.. А сердце... сердце замирает и замирает от сладкой мысли, что Она здесь, здесь, здесь!!! Вот и собор. Началась всеночная. Обшарив взором все самые укромные уголки собора, все множество народа в ограде и за оградой, пропустив через входные двери всех до последнего человека, дядя Иван разочарованно, уже поздно вечером, идет домой. Некоторая надежда еще не покидает его; неудивительно в такой массе народа, постоянно ворошащейся, как кипящая смола в котле, проглядеть одного человека. А может быть, Она уже дома у него, раньше его пришла и ждет его там... Чуть не бегом бежит домой... Но — Гости нет!.. Несколько успокаивает себя мыслью, что быть может Она явится наутро, к самому крестному ходу, где-либо задержавшись в пути или переночевав в другом месте. Рано утром спешит он опять в собор. Обедня в этот день начинается рано, в 6 часов утра, и после нее тотчас начинается и крестный ход (в 8 часов). Новые несметные толпы народа со всех окрестных сел и деревень за десятки верст приходят к собору. Весь город буквально стекается сюда же, чтобы насладиться наиболее красивой и умильной картиной начала хода, при участии всех городских приходских святынь и при звоне всех городских колоколен.

Дядя Иван более всего озабочен опять одним и тем же: не прозевать своей Гостью. Но теперь еще труднее найти и разглядеть Ее при таком неисчислимом множестве народа. И он уже готов начать грустить, придумывая возможные объяснения Ее возможного отсутствия:

быть может, на этот раз заболела и не могла прийти, или вынуждена была пойти в другое место, а может быть, еще и явится после крестного хода. Ведь недаром сердце-то вещун так ходуном и ходит, точно кричит о Ее присутствии здесь где-то, пока незримо для него и недосягаемо.

VI

Исполнение обещанного

Кончился крестный ход. Толпа редела и редела. К собору возвращались уже почти только те, кому было по пути домой, хотя и таких было множество. Были, впрочем, и такие усердствующие, которые провожали ход до самого собора и до своих приходских церквей.

Дядя Иван дошел до собора. Еще раз там оглядел всех, и, не найдя искомую, поспешил домой. Здесь также не оказалось никого постороннего. Усталые участники хода отдыхали за самоварами и завтракали или обедали. Дяде Ивану не шел кусок в рот. Как пришел, повалился на диван, в чем был за службой (и в тот злополучный первый день Пасхи), и не то вздремнул, не то впал в какое-то легкое забытье... Только вдруг видит: приближается к нему с радостной улыбкой его желанная Гостья, но — в каком виде! — точь-в-точь как он рисовал на своих иконах Пречистую, в точно такой одежде, с точь-в-точь таким неземным ликом, и так сладко, каким-то знакомым ему уже голосом, говорит: «Вот Я, видишь, верная Своему слову, тебя посетила!..»

Вдруг зарыдал от такой неожиданности старик и тотчас вскочил. Но уже никого около него не было. Едва могли домашние добиться от него, сквозь неуправляемые сладкие рыдания, объяснения своего неожиданно-сильного возбуждения. И стало ясно ему тогда все: и сладкий трепет сердца во время путешествия в Лавру, и такой же точно трепет при встрече иконы и во время крестного хода, и неизъяснимая сладость Ее речей, и несказанное обаяние Ее облика и всех Ее движений и действий, свидетелем коих Она сподобила его в то удивительное путешествие, когда Она, снизойдя к его незаслуженному

огорчению и к его благочестиво-смиренному порыву загладить свой «грех», явилась утешить его и дать почувствовать ему Свое материнское сострадание, любовь, всепрощение и благоволение к кающимся и оплакивающим свои грехи грешникам.

* * *

В этой истории, в которой нет ни единой строчки выдуманной или излишне приукрашенной, описанной с рассказа самого участника этих событий, меня особенно трогало сообщение Царицы Небесной, что она *обязательно* бывает на крестном ходе города Р. Участвуя в этом ходе около 18-и раз, я чувствовал присутствие Царицы Небесной в Ее святой иконе после этого рассказа до того живо, что казалось: вижу не икону, а Ее Саму, любовным взором объемлющую несметные толпы окружающего Ее народа. Верная Своему слову, Она поистине не могла не быть в этот день с нами. Это чувствовалось особо сладким трепетом сердца и совершенным забвением всякой усталости, на протяжении десятков верст, иногда под палящей жарой летнего солнца и пылью, иногда под обильным дождем, выпадавшим в некоторые годы в этот день.

Примечательно и то, что пропажа Ее из глаз своего спутника и уход на село приходилась на такой день, когда в это село приносилась икона Ее из города. Видимо, Она спешила дать свое благодатное присутствие Своему Священному Лику, обходившему селения православных, со слезами просивших и жаждавших Ее помощи и заступления в своих житейских скорбях, нуждах и болезнях. Подобно Богу, являвшемуся в виде трех странников Аврааму, явилась и Она этому смиренному простецу с двумя, очевидно, небесными спутницами, чтобы научить нас Ее неотступному присутствию с нами, подтвержденному в чудном видении блаженного Андрея Юродивого, который некогда, удостоившись посещения небесных селений и лицезрения многих святых Божиих, спрашивал сопровождавшего его Ангела: «Почему нигде не видно в небесных селениях присутствия Божией Матери?» — и получил следующий достопримечательный ответ: «И мы, небожи-

тели, нечасто удостаиваемся видеть в своей среде Преблагословенную Деву, ибо Она доньше предпочитает быть на земле, чтобы утешать скорбящих, исцелять болящих, отирать слезы плачущих и облегчать всякого рода страждущих на земле чад своих!»

Дивно изобретательная на всякую помощь страждущему человечеству, Она поистине и теперь ходит среди нас во всякое время, всюду поспевая, всюду поспешая со Своею милостию и утешениями... Так совсем недавно видели Ее, разделяющую участь целого отряда монахинь, гонимых в ссылку: вместе с ними и рядом с их игуменьей сидит и Она, серьезная и величественная, в покорном ожидании грядущей скорби, в одежде тоже монахини, давая почувствовать, что и здесь Она, Своим присутствием, помощью и утешением. Поистине, к Ней и только к Ней приложимы эти дивные строки поэта:

*«Горними тихо летела душа небесами...
Грустные долу Она наклоняла ресницы.
Слезы на землю от них, упавая звездами,
Светлой и длинной вилися за ней вереницей.
Встречные тихо Ее вопрошали светила:
Что Ты грустна? И о чем эти слезы во взоре?
Им отвечала Она: Я земли не забыла,
Много оставила там Я страданий и горя.
Здесь Я лишь ликам блаженства и радости внемлю,
Праведных души не знают ни скорби, ни злобы, —
О, отпусти Меня снова, Создатель, на землю,
Было б кого пожалеть и утешить кого бы!»*

Текст взят из журнала «Миръ Божій», 2000. № 1 (6).

Архивные документы

Обязательство монаха Иосифа перед рукоположением в иеродиаконский сан

1901 года сентября 29 дня я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, ныне, при вступлении в сан иеродиакона, обязуюсь проходить свою должность согласно с церковными правилами, уставами и предписаниями, и наставлениями начальства, в совершенном послушании, и вести себя благоговейно, честно, воздержанно и некорыстостлюбиво при уверенности, что проступки служителя Церкви, причиняющие более соблазна в обществе, нежели проступки мирянина, по справедливости подлежат более строгому взысканию.

*Исполняющий должность доцента
Духовной Академии монах Иосиф*

1901 года 29 сентября монах Иосиф мною исповедан и к рукоположению его в иеродиаконский сан препятствий не оказалось.

Духовник Гефсиманского скита иеромонах Иасон.

(ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 12).

Священническая присяга 1901 г.

Я, нижеподписавшийся, соблюдая свято и нерушимо данную мною присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, призываемый ныне к служению иеромонашескому, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Св. Евангелием в том, что желаю и при помощи Божией всемерно потщусь проходить служение сие согласно с Словом Божиим, с правилами Церковными и указаниями начальства; Богослужения совершать и Таинства по чиноположению Церковному, ничтоже произволяя изменять; учение веры содержать и другим преподавать по руководству Св. Православной Церкви и Св. Отец;веряемые попечению души охранять от всех ересей и расколов, и заблудших вразумлять, и обращать на путь истины; проводить жизнь благочестивую, трезвенную, от суетных мирских обычаев устранившую; в духе смиренномудрия и кротости и благим примером руководствовать других ко благочестию; во всяком деле служения моего иметь в мыслях не свою честь или выгоду, но Славу Божию, благо Церкви и спасение ближних, в чем да поможет мне Господь Бог благодатию Своею, молитв ради Пречистыя Богородицы и всех Святых.

В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Октября 13, 1901

Исполняющий должность доцента Московской Духовной академии иеродиакон Иосиф.

Духовник Гефсиманского скита иеромонах Иасон.

Епископ Волоколамский Арсений — рукополагающий архиерей.
(ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 13).

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ И. С. ПЕТРОВЫХ

Москва, июля 28 дня 1919 г.¹

1. Фамилия, имя, отчество Петровых Иван Семенович (Епископ Иосиф).
2. Где содержится (тюрьма, кор., кам.,...) Лубянка № 11. ВЧК.
3. Возраст, национальность, подданство 47 лет, русский.
4. Семейное положение Холост <...>.
7. Грамотен или нет, где учился и кончил курс Окончил Магистрат Моск<овской> Дух<овной> академии.
8. Профессия Епископ (бывший профессор).
9. Место постоянного жительства перед арестом и адрес г. Ростов Ярославской губ<ернии>, Иаковлевский монастырь.
12. Чем занимался перед арестом В течение 11 лет состоял настоятелем Иаковлевского мон<астыря> в г. Ростове и первым ви-карием Яросл<авской> губ<ернии>.
14. Средний месячный заработок Определенного заработка нет <...>.
16. Привлекался ли когда-нибудь раньше по политическим делам Никогда раньше ни в чем не обвинялся.
17. Когда арестован по настоящему делу 7-го июля.²
18. Где арестован В г. Ростове Яросла<вской> губ<ернии>.
19. Когда доставлен в Москву 18-го июля.
- 20 По ордеру какого учреждения арест. По ордеру Яросл<авского> ЧК.
21. Повод к аресту —
22. Кто еще арестован по этому делу Чуфаровский, Иванов, Смирнов

<...>».

¹ Год указан ошибочно.² 1920 года.

На опросном листе секретарем ПКК записано: «Освобожден». Даты освобождения нет.

(ГА РФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 234. Л. 153. Автограф)

**Письмо протоиерея Григория Селецкого
митрополиту Иосифу**

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Иосифу,
Митрополиту Петроградскому.

Ваше Высокопреосвященство!

Исполняю просьбу Высокопреосвященнейшего Архиепископа Дмитрия и письменно излагаю те сведения, какие мне сообщил находящийся в ссылке еп<ископ> Дамаскин. Ему удалось наладить сношения с митроп<олитом>Петром, послав через верного человека полную информацию обо всем происходящем в русской Церкви. Через этого посланного м<итрополит> Петр устно передал следующее:

1) «Вы, епископы, должны сами сместить м<итрополита> Сергия.

2) Поминать м<итрополита> С<ергия> за богослужением не благословляю.

3) Киевский акт так наз. “малого собора епископов Украины” об увольнении 16 епископов от занимаемых ими кафедр считает недействительным.¹

4) Письмо еп<ископа> Василия (Рязанского викария) сообщает неправду.²

5) На вопросы отвечу письменно».

Сообщая конфиденциально о всем изложенном, остаюсь Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник протоиерей г. Елисаветграда Григорий Селецкий.

17 сентября 1929

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 1об).

¹ Увольнение с кафедр ссыльных архиереев экзархом Украины, митр. Михаилом (Ермаковым) осенью 1928 г.

² Вероятно, письмо еп. Василия (Беляева) об одобрении декларации 1927 г. патриаршим местоблюстителем, митр. Петром (Полянским).

**Письмо митрополита Иосифа Л. Н. Герман¹
1928 г.**

Дорогая Лидия Николаевна!

Оба письмаца Ваши получил. Большое за них спасибо.

Приветствую вас с праздником Рождества Христова, молю Господа, чтобы Он утешил Вас миром Своим и милостями, особенно же подал Вам утешение с выздоровлением Вашего сына. Но — да будет Его Святая воля, лучше нас и наших помышлений устрояющая нашу жизнь! Предайте себя в эту Его всеблагую волю, и Вам будет легко все перенести: ради Любимого чего не перенесет любящая и преданная <...>.

Спасибо за фотографии. Одну из них с любовью посылаю Вам.

Несколько на Ваши вопросы:

Самое лучшее толкование на книги Ветхого и Нового завета выпущено было недавно при редакции журнала «Странник» (под редакцией Лопухина, проф<ессора> П<етербургской> Духовной Акад<емии>. В этих толкованиях есть и мои труды: толкования на книги Маккавейские, на книгу Есфирь, на Деяния Апостольские, кажется, на посл<ание> к Евреям и еще что-то (по подписям узнаете).

Моих сочинений сейчас достать не знаю где. У меня осталось всего только по одному экземпляру. Кроме дневника инока («В объятиях Отчих» за 1901–1911 годы) напечатана «История иудейского народа по Иосифу Флавию» и разные мелкие статьи в разных журналах.

Дневник продолжался после 1911 года в «Душеполезном Чтении», до конца не издан, а сейчас копится и лежит ненапечатанным, к великому моему прискорбию, ибо последующие труды более содер-

¹ Лидия Николаевна Герман — духовная дочь петербургского иосифлянина о. Сергия Тихомирова. В 1930 г. была осуждена на три года по обвинению в антисоветской пропаганде через «изготовление и распространение соответствующей литературы», т. е. церковных документов иосифлян и Русской Православной Церкви Заграницей.

жательны и могли бы давать массу материала особенно для <...> и духовного назидания.

Насчет произнесения **Израиль** или **Исраиль** я справлялся, как это слово пишется по-еврейски; оказалось, что там стоит не **З**, а **С**: **יִשְׂרָאֵל**.

Славянский текст воспроизводит точно еврейское начертание. Но вероятно, практикой установилось несколько другое, более благозвучное произношение начертанного, тем более, что по свойствам нашего языка легче произносить после **і** и перед **р** букву **з**, нежели букву **с**.

Лучше поэтому произносить так, как принято в нашем наречии, не гоняясь за начертанием, т. е. Израиль, а не Исраиль.

М. И.

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 3. Л. 10–11).

Надпись рукой митрополита Иосифа на обратной стороне его фотографии

Лидии Николаевне
Герман

«Прочь плачь и сетование! Пусть плачут иудеи! Пусть стенают эллины! Пусть рыдают неверующие!

Все же это да будет далеко от нас, имеющих упование в жизни вечной!»

(Из святоотеческих извлечений)

Вот лучший совет и врачество всем малодушным сынам Царства Небесного, наследникам небесной славы и Христовых утешений!

М. И.

25 декабря 1928.

(Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т. 4. Л. 288 об).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о привлечении в качестве обвиняемого.
1930 г.

1930 года октября месяца, дня «1», я, *ст<арший>* Уполномоченный 3 *отд<ела>* СО ПП ОГПУ в ЛВО Макаров, допросив *Петровых Иосифа Семеновича*, рассмотрев следственный материал на него, по коему *гр<ажданин>* *Петровых* достаточно изобличается в том, что *будучи митрополитом, находясь в административной высылке, являлся вдохновителем и руководителем контрреволюционной церковной группы. Группировал и создавал по всему СССР монархические церковные группы*, т. е. преступления, предусмотренном ст. 58, ч. 11 Уголовного Кодекса. Руководствуясь ст. 128 Уголовно-Процессуального Кодекса

Постановил:

Привлечь *гр<ажданина>* *Петровых Иосифа Семеновича* в качестве обвиняемого в вышеозначенном преступлении.

Уполномоченный

Подпись

Согласен: Начальник 3 Отделения

Подпись

Утверждаю: Начальник СО Отдела

Подпись

Обвинение мне объявлено «1» октября 1930 года

Подпись: Виновным ни в чем таком себя не признаю.
И. Петровых.

244

АНКЕТА №

СВЕДЕНИЯ НЕТ.
 И-к Рабочая группа ЦКР. ОПКУ.
 1978

лица, давшие неверные показания в анкете, будут подвергнуты строжайшей ответственности.

ВОПРОСЫ:

ОТВЕТЫ:

1-я часть (заполняется заключенным).

1) Фамилия,	Петровых
2) Имя и отчество	Николай Семенович
3) Гражданин какого государства	Советского Проletарского
4) Национальность	Российская
5) Место проживания (откуда провозоконт)	губ. Ленинградск. Област. уезд Усть-Лужск. район
6) Возраст (год рождения)	58 лет; родился в декабре месяце 1918г
7) Образование: а) грамотен ли	а) да
б) какую школу окончил	б) окончил Метехнику ЗУФ. Акт. Физтех. школу.
в) если не окончил, то сколько классов	в) окончил классов

школа.

16) Если служили или работали по найму, укажите в хронологическом порядке:		
	Наименование учреждения или предприятия.	Должность и профессия.
До 1917 года.	С 1909 года - <i>Дика владимирская</i> <i>в. Боровское. Ярославская</i>	
С 1917 г. по посл. место службы.	С 1926 года Владимирская <i>Последнее место службы - Орденовик в Ленинграде.</i>	
16) Присваивал ли к ответственности по делу или в администр. порядке	<i>Вела судьями в 1922 году, приговорил к 2,5 г. тюрьмы. Был назначен следователем по расследованию Ж.И.Кри- визина в 1920 (каком?) году, при этом расслед. след. в 1922 году определением взыскать в 180 рублей.</i>	
17) Отношение к воицкой повинности: а) воицкое звание, год службы или спе- циал. действ.; б) если освобожден, то на каком основании		
18) Когда арестован	<i>12го Сентября 1930 года</i>	
19) Чем арестован, по чьему приговору и № ордера	<i>Делегатом Кировского ТРЗ</i>	
20) Где арестован: а) губ., уезд, вол., село, город, улица и № дома; б) при каких обстоятельствах арестован (на своем квартире, в записке, на собрании и проч.)	<i>В Моденском уезде, на станции Кваркун.</i>	

21) Когда и кем допрошен. 13. Ленинград в следователе Макаровым
 22) Предъявлено ли обвинение и в чем именно. Зависимый в производстве кассационного дела, признан
 в в содеянном совершил преступление, предусмотренное
 ст. 104 УК РСФСР. Оба обвиняемых признаны виновными
 23) Место жительства перед арестом. Мотовицкий микрорайон, Усть-Ленинский рай

Примечания заключенного: * Внес предложение об изменении срока в 4
 месяца на имя Ленинградского Облсуда Прокурора, подождал
 15.01.1970 г. без ответа Ленинградского облсуда
 Подпись заключенного Носов Селевьев 9 Ленинград
 .. 14. Носов .. 1970 г.

2-я часть (заполняется администрацией места заключения).

- 24) Официальное название места заключения
- 25) По чьему ордеру арестован и № ордера
- 26) За кем зачислен,
- 27) Препыты заключенного.

Примечания:

Подпись заведующего местом заключения

Открыты на вопросы анкеты надо писать, черными (в крайнем случае химическим карандашом) чернилами, разборчиво, полностью написав слова, по возможности без сокращений и поправок.

И. С. ПЕТРОВЫХ — Е. П. ПЕШКОВОЙ

Екатерине Павловне Пешковой
от адм-ссылного Иосифа Семеновича Петровых
Прошение

В начале Октября сего года мною из г. Чимкента, где я жил на вольной ссылке, было послано на Ваше имя ходатайство о досрочном освобождении по престарелости и болезни, причем мною получено было извещение, что моему ходатайству дано движение и ответ обещано послать месяца через 2. Пока я ожидал этого второго ответа, меня постигло новое тяжкое испытание. Неожиданно я и еще два старика были конвоированы в гор<од> Аулиэ-Ата, где нас сразу заключили почему-то под стражу <неразб.> милиции и держали 17 дней среди бандитов и воров, давая только 100 грамм хлеба и сырую воду в сутки. На вопрос: для чего это делается? И за какое преступление? Нам было объяснено, что мы направляемся за 125 верст от Аулиэ-Ата в Нижний Талас — местность в высшей степени пагубную для нас — глухая безлюдная голодная степь, где жители лишь казаки,¹ не говорящие по-русски и настроенные чрезвычайно враждебно по отношению к русским (что мы достаточно испытали и за время Аулиэ-Атинского заключения). Но так как дорога сейчас осенняя, и грузовик туда ходит очень неисправно, то в ожидании этого грузовика нас и держат. Через 17 дней кошмарной жизни, когда мы совершенно изнемогли от голода и заболели, нас выпустили на вольную квартиру, предлагая при первой возможности выехать в назначенное место.

Ввиду всего вышеизложенного я вынуждаюсь, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, вновь обратиться к Вашему доброму посредничеству: не будет ли Вашей милости:

походатайствовать пред самим ВЦИКом о немедленном досрочном моем освобождении (на правах частной амнистии), так как силы и здоровье мое окончательно подорваны пережитыми ужасами голодовки и кошмарного заключения, и я сейчас еле держусь на ногах.

¹ Так именовались тогда казахи.

Если это ходатайство почему-либо не может быть удовлетворено, то нельзя ли разрешить оставшийся срок отбывать в одном из русских городов или селений где-либо около Вологды, Рыбинска или Костромы, как ближайших к месту моей родины (гор<од> Устюжна, в 200 верстах от Вологды), где вблизи родных я мог бы получать некоторую помощь, в которой чрезвычайно нуждаюсь.

Справка: После 4-летней высылки в Череповецкой губернии, вновь отбываю 5-летнюю высылку с 12 сентября 1930 г., след<овательно>, уже 7 с лишком лет (остаётся 1 год и 8 месяцев). Жительство сейчас имею г. Аулиэ-Ата, Парковая ул., д. № 9, причем весьма вероятно скорое удаление в Нижний Талас, где не имеется правильного почтового сообщения. Ввиду этого, если возможно, просил бы скорейшего извещения меня о результатах телеграфно, расходы на что мною будут оплачены. Лет от роду 62. Врачебные справки о болезни и нетрудоспособности представлены при первом ходатайстве.

19 декабря 1933 года.

Вольно-ссылный Иосиф Семенович Петровых

г. Аулиэ-Ата, Парковая ул., д. № 9.

Состою в ведении Аулиэ-Атинской Милиции.

(ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1118. Л. 62–62 об.)

2

Помощь Политзаключенным.
Екатерине Павловне Пешковой

Посылка за № 11067 от 13/II 1934 года мною получена 2 марта с/г, о чем с глубочайшей благодарностью имею удовольствие известить Вас, глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

С совершенным почтением и глубокою признательностью

Иосиф Семенович Петровых

2 марта 1934 года.

г. Аулиэ-Ата, Рувимовская ул., д. 24.

(ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1118. Л. 65).

**Письмо из Управления МБ РФ
по Ярославской области. 1992 год.**

МИНИСТЕРСТВО БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

192241 г. Ленинград,
Сахарову М. С.

УПРАВЛЕНИЕ

по Ярославской области

20.03.92_№ 10/181-С-17

На № _____

г. Ярославль

Уважаемый Михаил Сергеевич!

В архиве Управления МБ РФ по Ярославской области хранится следственное дело, возбужденное в апреле 1920 г. чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Ярославском губисполкоме, по которому проходит Петровых Иван Семенович (митрополит Иосиф). Обвинялся в том, что проводил агитацию и оказывал сопротивление выполнению распоряжения правительства о вскрытии святых мощей ростовских чудотворцев.

Постановлением президиума ВЧК от 26.07.1920 г. Петровых И. С. осужден к заключению в концентрационный лагерь на 1 год условно с предупреждением о неведении агитации.

Архивное следственное дело в отношении Петровых И. С. для рассмотрения в порядке ст. 3 пункта б Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий» вместе с Вашим заявлением направлено в прокуратуру Ярославской области.

С уважением

Начальник подразделения

Управления А. Н. Баглаев

**Письмо из Управления КНБ
по Южно-Казахстанской области**

192241, г. Санкт-Петербург
Сахарову М. С.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Управление КНБ по Южно-Казахстанской области, внимательно рассмотрев Ваше заявление, сообщает, что Петровых Иосиф Семенович родился 15 декабря 1872 года в городе Устюжны Ленинградской области в семье мещан. Получил высшее богословское образование.

В 1930 году Петровых И. С. был выслан в Казахстан.

24 июня 1937 года он был арестован Мирзояновским РОНКВД и помещен в тюрьму г. Чимкента по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР.

В обвинительном заключении от 19 ноября 1937 года отмечено, что Петровых И. С. проводил работу по концентрации контрреволюционных сил церковников вокруг контрреволюционной организации, вел вербовку новых ее членов и организовывал контрреволюционные ячейки на местах.

Заседанием тройки УНКВД по Южно-Казахстанской области от 19 ноября 1937 года Петровых И.С., 1872 года рождения, приговорен к высшей мере наказания по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор приведен в исполнение 20 ноября 1937 года.

В соответствии со ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению

справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов» Петровых И. С. реабилитирован.

В соответствии со статьей 16 Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» родственники имеют право на ознакомление с документами только непроцессуального характера. В этой связи выслать, к сожалению, в Ваш адрес копии допросов, протоколов не представляется возможным.

В дополнение сообщаем, что по заявлению директора Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга Зерновой Т. А. нами высланы в адрес архива фотография Митрополита Иосифа и несколько личных писем, с которыми Вы можете ознакомиться или даже затребовать их при установлении прямого родства.

Зам. начальника УКНБ
Т. Ж. Жаркимбеков

Основные даты жизни
священномученика Иосифа (Петровых),
митрополита Петроградского
(До 1918 г. — по старому стилю,
после 1918 г. — по новому)

15 декабря 1872 — родился в городе Устюжне Новгородской губернии.

1889 — окончил Устюженское Духовное училище.

1889–1895 — обучался в Новгородской Духовной семинарии.

1895–1899 — обучался в Московской Духовной академии.

4 сентября 1900 — избран исправляющим обязанности доцента по кафедре Библейской истории Московской Духовной академии.

26 августа 1901 — принял монашеский постриг в Гефсиманском скиту Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

30 сентября 1901 — посвящен в иеродиакона.

14 октября 1901 — рукоположен в иеромонахи.

6 июня 1903 — защитил магистерскую диссертацию по теме «История Иудейского народа по “Археологии” Иосифа Флавия».

Декабрь 1903 — утвержден экстраординарным профессором по кафедре Библейской истории и инспектором Московской Духовной академии.

18 января 1904 — возведен в сан архимандрита.

30 июня 1906 — назначен настоятелем Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии.

Сентябрь 1907 — назначен настоятелем Юрьева монастыря Новгородской епархии.

15 марта 1909 — рукоположен в епископа Угличского, викария Ярославской епархии. Хиротонию совершили митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий), архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский). Назначен настоятелем Свято-Иаковлевского Димитриева монастыря в Ростове.

25 августа – 16 сентября 1914 — исполнял обязанности временно управляющего Костромской епархией.

Декабрь 1917 – январь 1918 — временно управлял Рижской епархией.

22 января 1920 — архиепископ Ростовский.

8 июля 1920 — арестован и заключен в тюрьму «за ведение агитации и сопротивление вскрытию святых мощей ростовских чудотворцев».

26 июля 1920 — осужден на год условно.

Май 1922 — привлечен к судебной ответственности по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей».

19 ноября 1922 — приговорен к четырем годам лишения свободы.

Январь 1923 — освобожден досрочно по решению Президиума ВЦИК.

21 мая 1924 — включен в состав членов Священного Синода при патриархе Тихоне.

С конца 1924 — временно управлял Новгородской епархией.

26 августа 1926 — назначен митрополитом Петроградским.

11–12 сентября 1926 — отслужил всенощное бдение и Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Ленинграде.

6 декабря 1926 — вступил в обязанности заместителя патриаршего местоблюстителя.

10 декабря 1926 — арестован и отправлен в ссылку в Николо-Моденский монастырь.

12 сентября 1927 — указом Временного патриаршего Синода митрополита Сергея перемещен на Одесскую кафедру.

28 сентября и 30 октября 1927 — письменно сообщил митрополиту Сергию свой отказ подчиниться перемещению.

Декабрь 1927 – январь 1928 — поддержал своих vicарных петроградских епископов и духовенство, отделившихся от митрополита Сергия.

6 февраля 1928 — подписал Ярославскую декларацию об отделении от митрополита Сергия.

26 февраля 1928 — арестован и отправлен в ссылку в Николо-Моденский монастырь.

12 сентября 1930 — арестован и привлечен к следствию по делу «Всесоюзного центра контрреволюционной монархической организации церковников “Истинно-Православная Церковь”».

3 сентября 1931 — приговорен к пяти годам концлагеря с заменой на ссылку на тот же срок в Казахстан, отправлен в село Ленинское Каратасского района Чимкентской области.

9 июля 1932 года — арестован, определен отбывать ссылку в Чимкенте.

Декабрь 1933 — арестован в ссылке в Чимкенте, направлен в Нижний Талас, содержался в тюрьме города Аулие-Ата, оставлен в ссылке в Аулие-Ата.

9 апреля 1935 — освобожден из ссылки, но без права выезда из Казахстана.

24 июня 1937 — арестован в Мирзояне и помещен в чимкентскую тюрьму.

19 ноября 1937 — приговорен к расстрелу тройкой УНКВД по Южно-Казахстанской области.

20 ноября, 24 часа, 1937 — расстрелян.

Биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге

Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич) (1854–1928). Митрополит Ярославский. В 1881 — окончил Московскую Духовную академию, преподавал в Духовном училище. В 1885 — после смерти жены и сына принял монашеский постриг, ректор Иркутской семинарии. 10 сентября 1889 — хиротонисан в епископа Киренского в Иркутске. В 1893–1897 — епископ Тобольский и Сибирский. В 1897–1910 — епископ Рижский и Митавский, в 1910–1913 — архиепископ Виленский и Литовский. В 1913–1928 — архиепископ, затем митрополит Ярославский. По завещанию патриарха Тихона от 25 декабря 1924 — второй кандидат на должность местоблюстителя патриаршего престола. В 1922–1926 — ссылка в Нарымском крае. В 1926 — после освобождения попытался воспринять местоблюстительство, но уступил его ради мира церковного в пользу митрополита Сергия (Страгородского). 6 февраля 1928 — прервал общение с митрополитом Сергием. 10 мая 1928 — в обращении к митрополиту Сергию заявил, что не прерывает с ним общения и признает его власть как заместителя, но не может исполнять распоряжения заместителя, смущающие народную религиозную совесть и нарушающие каноны. 16 октября 1928 — скончался в Ярославле.

Алексий (Симанский Сергей Владимирович) (1877–1970). Патриарх Московский. 1904 — окончил Московскую Духовную академию, 28 апреля 1913 — рукоположен в епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии, в 1921–1926 — епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии. В 1922 — признавал обновленчес-

кое ВЦУ. В 1927 — архиепископ Хутынский, временный управляющий Новгородской епархией. В 1933–1945 — митрополит Ленинградский, с 1945 — патриарх Московский и всяя Руси.

Андреевский Иван Михайлович (1894–1976). Писатель, историк Церкви. Учился в университете в Париже и в Психоневрологическом институте. В 1921 — окончил историко-филологический факультет университета в Петрограде. Получил три кандидатские степени — в медицине, литературе и философии. Несколько лет спустя приобрел четвертую степень — доктора богословия. Активный участник «иосифлянского движения». Весной 1928 — арестован как организатор религиозно-философских кружков среди молодежи. Приговорен к трем годам концлагеря. Отправлен на Соловки. В июле вывезен из лагеря и привлечен к следствию по делу «Всесоюзного Центра ИПЦ». Приговорен к 5 (?) годам ИТЛ. Отправлен в Белбалтлаг. В середине 1930-х — освобожден из лагеря и отправлен в ссылку. Проживал в Новгороде, работал психиатром. В 1942 — находился на оккупированной территории. При наступлении Красной Армии уехал в Германию. С 1950 — поселился в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле и преподавал в Духовной семинарии. Автор многих книг и статей.

Андрей (князь Ухтомский Александр Алексеевич) (1872–1937). Архиепископ Уфимский. В 1895 — окончил Московскую Духовную академию. Принял монашеский постриг и рукоположение в священнический сан, был назначен преподавателем в Духовную семинарию в Казани. В 1897 — инспектор Александровской Миссионерской семинарии. В 1899 — возведен в сан архимандрита и назначен наблюдателем Казанских Миссионерских курсов. 4 октября 1907 — хиротонисан в епископский сан. В 1911 — назначен епископом Сухумским. В 1913 — переведен на Уфимскую кафедру. После 1917 — постоянно в ссылках и тюрьмах. Совершил множество тайных архиерейских хиротоний. В 1922 и 1926 — ненадолго возвращался на свою кафедру. 4 сентября 1937 — расстрелян в Рыбинске.

Арсений (Корди Борис Григорьевич) (1907–1937). Архимандрит. Родился в Иваново. Окончил Абрамцевское художественное училище. С 1926 — в тайном скиту в Абхазии. Принял монашество. В 1929 — скит разгромлен. Уехал в Казахстан, где познакомился с митрополитом Иосифом, возведен в сан архимандрита. 26 октября 1937 — арестован по обвинению в участии в «антисоветской организации церковников». 16 ноября 1937 — по приговору тройки УНКВД Алма-Атинской области расстрелян в Алма-Ате.

Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич) (1862–1936). Митрополит Новгородский. В 1885 — окончил Киевскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1895 — принял монашеский постриг, рукоположен в иеродиакона, назначен инспектором Новгородской Духовной семинарии. В 1896 — рукоположен в иеромонашеский сан, назначен ректором Новгородской Духовной семинарии. С 1897 — инспектор, с 1898 — ректор Московской Духовной академии. 28 февраля 1899 — хиротонисан в епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1903 — епископ Псковский и Порховский. В 1904 — получил степень доктора церковной истории. С 1910 — архиепископ Новгородский и Старорусский. В ноябре 1917 — возведен в сан митрополита. Член Высшего Церковного Совета и Священного Синода. В ноябре 1919 — арестован в Москве, выслан в Новгород. В 1920 — арестован в Новгороде, осужден на 5 лет ссылки в Архангельск. Приговор отменен решением ВЦИК. В 1924 — приговорен к 3 годам ссылки в Среднюю Азию. С 1928 — разрешено свободное проживание в Средней Азии. С мая 1927 — член Временного патриаршего Синода, участие в его работе не принимал. С 1933 — митрополит Ташкентский и Туркестантский. 23 февраля 1936 — скончался в Ташкенте.

Введенский Александр Иванович (1889–1946). Обновленческий «митрополит». Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1913 — рукоположен в священнический сан. В мае 1922 — подписал письмо инициативной группы «прогрессивно-

го» духовенства «Живая Церковь», положившее начало обновленческому расколу. Запрещен в священном сане митрополитом Вениамином. Один из главных идеологов обновленческого раскола. В 1923 — «хиротонисан» обновленческими «архиереями» в «епископский сан», будучи женатым. С 1924 — «митрополит». Умер вне общения с РПЦ.

Вениамин (Казанский Василий Павлович) (1874–1922). Митрополит Петроградский и Гдовский. В 1893–1897 — учился в Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1895 — пострижен в монашество. В 1902 — назначен ректором Самарской Духовной семинарии, в 1905 — ректором Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1910 — рукоположен в епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1917 — по избранию клира и мирян архиепископ Петроградский и Ладожский, затем митрополит Петроградский и Гдовский. В 1922 — выступил с обличением обновленческого раскола, подвергнув запрещению в священнослужении его главного инициатора А. И. Введенского. Сразу же был арестован и привлечен к суду по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей, приговорен к смертной казни, в ночь с 12 на 13 августа 1922 — расстрелян.

Верюжский Василий Максимович (1874–1955). Протоиерей, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии. С августа 1923 — настоятель кафедрального собора Воскресения Христова на Крови в Петрограде. 3 декабря 1929 — арестован, приговорен к 10 годам заключения в концлагере. В 1939 — освобожден, в 1946 — примирился с Московской патриархией, преподавал в Ленинградской Духовной академии.

Гавриил (Воеводин Григорий Дмитриевич) (1869–1938). Архиепископ Ямбургский. В 1894 — окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1910 — хиротонисан в епископский сан. С 1924 — архиепископ Ямбургский, викарий Ленинградской епархии, 19 апреля 1927 — арестован; 19 ноября 1927 — освобожден, в декабре 1927 — назначен архиепископом Полоцким и Витебским; в 1928 — согласно

прошению уволен на покой, вернулся в Ленинград; в феврале 1932 — вновь арестован, приговорен к 5 годам заключения в лагере. В феврале 1937 — освобожден. В 1938 — арестован и расстрелян.

Григорий (Лебедев Александр Алексеевич) (1878–1937). Епископ Шлиссельбургский. В 1903 — окончил Казанскую Духовную академию. 2 декабря 1923 — хиротонисан во епископа Шлиссельбургского, викария Петроградской епархии, настоятель Александро-Невской Лавры; с декабря 1925 по июнь 1926 — временно управляющий Ленинградской епархией. 31 марта 1927 — арестован; 19 ноября освобожден; в конце 1927 — отказался помянуть митрополита Сергия. В 1928 — ушел на покой. Проживал в г. Кашине Тверской области. В апреле 1937 — арестован; 17 сентября 1937 — расстрелян.

Димитрий (Любимов Димитрий Гаврилович) (1857–1935). Архиепископ Гдовский. 1882 — окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1886 — рукоположен в священнический сан, служил в дворцовой церкви св. Пантелеимона в Ораниенбауме. В 1895–1898 — настоятель церкви Архистратига Михаила в Ораниенбауме. В 1898 — назначен в Покровскую церковь в Большой Коломне в Петербурге. В 1922–1925 — в ссылке. 30 декабря 1925 — хиротонисан в епископа Гдовского, викария Ленинградской епархии. 26 декабря 1927 — подписал вместе с епископом Сергием (Дружининым) акт отхода от митрополита Сергия. 28 февраля 1928 — назначен митрополитом Иосифом временно управляющим Ленинградской епархией, возведен им в сан архиепископа. 29 ноября 1929 — арестован; приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет лагерей. 17 мая 1935 — скончался в тюрьме г. Ярославля.

Добронравов Викторин Михайлович (1889–1937). Протоиерей. В 1915 — рукоположен во иерея. Настоятель Спасо-Преображенской Колтовской церкви на Петроградской стороне и церкви Св. Николая Чудотворца на Петровском острове. 19 сентября 1930 — арестован по делу Ленинградского «филиала» ИПЦ. 8 октября 1931 — приговорен к

10 годам лагерей. Отправлен в Сиблаг. В апреле 1937 — досрочно освобожден. Поселился на хуторе Гнездышко Окуловского района, где совершал тайные богослужения. 6 августа 1937 — арестован по делу «контрреволюционной монархической организации». 15 декабря 1937 — приговорен к расстрелу. 28 декабря 1937 — расстрелян в Боровичах.

Ермоген (Голубев Алексей Степанович) (1896–1978). Архиепископ Калужский и Боровский. 1919 — окончил Московскую Духовную академию. 1921 — иеромонах. 1926–1931 — настоятель Киево-Печерской Лавры. Март 1953 — рукоположен в Москве в сан епископа Ташкентского и Среднеазиатского. 1960 — уволен в длительный отпуск по требованию Совета по делам религии за препятствование закрытию храмов в своей епархии. Не допущен на архиерейский Собор 1961 г. С 1963 — архиепископ Калужский и Боровский. 1965 — инициатор заявления архиереев о канонической несостоятельности решений Собора 1961 г. в области приходской жизни и негативных последствиях этих решений. 25 ноября 1965 — уволен на покой с местом пребывания в Жировицком монастыре. 25 декабря 1967 — направил патриарху Алексию I документ «К 50-летию восстановления патриаршества», в котором правдиво описал неканоничное положение Московской патриархии. 30 июля 1968 — Синод Московской патриархии осудил деятельность архиепископа Ермогена как бесполезную для Русской Православной Церкви и пригрозил применить меры прещения. 7 апреля 1978 — скончался в Жировицком монастыре.

Евгений (Кобранов Евгений Яковлевич) (1891–1937). Епископ Ростовский. В 1916 — окончил Московскую Духовную академию. В 1921 — пострижен в монашество в Новоспасском монастыре. 27 марта 1926 — хиротонисан в епископа Муромского. С 1927 — епископ Ростовский. В 1928 — участвовал в ярославской оппозиции митрополиту Сергию, позже с ним примирился. Отправлен на 3 года в ссылку в Кызыл-Орду, затем на 3 года в Вологду. В 1934 — вновь арестован и приговорен к ссылке в Казахстан. Расстрелян в

Чимкенте 20 ноября 1937 — вместе с митрополитами Кириллом и Иосифом.

Кирилл (Смирнов Константин Иларионович) (1863–1937). Митрополит Казанский. В 1887 — окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. Рукоположен в священнический сан. В 1900 — назначен настоятелем Троицкой кладбищенской церкви в городе Кронштадте. В 1902 — принял монашеский постриг после смерти жены и ребенка. Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Урмийской миссии в Персии. 6 августа 1904 — хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 — епископ Тамбовский и Шацкий. С 1913 — архиепископ. С 1918 — митрополит Тифлиссский и Бакинский. С 1920 — митрополит Казанский и Свияжский. В 1920 — арестован, в 1921 — освобожден. В 1922 — подвергался арестам. В 1923–1933 — постоянно в ссылках в Сибири и на Севере. В 1933 — освобожден. Проживал в Гжатске. В 1934 — вновь арестован и приговорен к ссылке на 3 года в Казахстан. 7 июля 1937 — арестован. Приговорен к расстрелу. Расстрелян 20 ноября 1937 — вместе с митрополитом Иосифом и епископом Евгением (Кобрановым).

Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич) (1891–1961). Митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1914 — окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. 7 апреля 1922 — хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. С 17 сентября 1927 по 24 февраля 1928 — временно управляющий Ленинградской епархией. В 1935 — возведен в сан архиепископа. С 1936 — управлял Новгородской и Псковской епархиями. С 1940 — архиепископ Вольнский и Слуцкий. С 1941 — митрополит Киевский и Галицкий. С 1944 — митрополит Крутицкий и Коломенский.

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938). Церковный деятель, писатель, автор «Писем к друзьям». С 1922 — на нелегальном положении. В 1923 — по некоторым сведениям, принял тайную епископскую хиротонию с именем Марк. 23 марта 1929 — арестован.

Осужден на три года политизолятора. В сентябре 1931 — по делу «Всесоюзной контрреволюционной организации ИПЦ» приговорен к 8 годам тюремного заключения. 7 февраля 1937 — получил еще 3 года. 26 июня 1937 — переведен из Ярославской тюрьмы в Вологодскую. 17 января 1938 — расстрелян.

Павлин (Крошечкин Петр Кузьмич) (1870–1937). Архиепископ Могилевский. В 1916 — окончил Московскую Духовную академию, принял постриг в Новоспасском монастыре. В 1920–1921 — наместник Новоспасского монастыря. 15 мая 1921 — хиротонисан в епископа Рыльского. В 1926–1933 — занимал разные кафедры, в 1933 — архиепископ Могилевский. В 1936 — арестован, приговорен к 10 годам. 3 ноября 1937 — расстрелян с группой духовенства в Кемеровском лагере.

Петр (Полянский Петр Федорович) (1862–1937). Митрополит Крутицкий. В 1892 — окончил Московскую Духовную академию. До 1920 — на службе в Духовно-Учебном ведомстве. По предложению патриарха Тихона принял монашество. 8 октября 1920 — хиротонисан в епископский сан. В 1921–1923 — в ссылке в Великом Устюге. С 1923 — архиепископ Крутицкий. В 1924 — возведен в сан митрополита. В апреле 1925 — утвержден патриаршим местоблюстителем по завещанию патриарха Тихона. В декабре 1925 — арестован. Постоянно в ссылках и тюрьмах до самой кончины. С 1930 — в одиночном заключении. 10 октября 1937 — расстрелян в Магнитогорске, Челябинская область.

Прозоров Николай Федорович (1897–1930). Иерей. Происходил из духовного сословия, учился в семинарии. В 1914 — ушел в Александровское военное училище, воевал на фронте, был четырежды ранен. В 1918 — во время красного террора как бывший офицер был посажен в тюрьму. Дал обет посвятить свою жизнь Богу, если избегнет расстрела. В 1919 — был рукоположен в священнический сан в Пензе. В 1927 — переехал с семьей в Петроград. Присоеди-

нился к антисергианской оппозиции. Стал ближайшим помощником епископа Димитрия (Любимова). Служил в Пантелеимоновском храме подворья Александро-Ошевенского монастыря на Пискаревке. 28 ноября 1929 — арестован. 3 августа 1930 — приговорен к расстрелу. 21 августа 1930 — расстрелян.

Рождественский Измаил Васильевич (1894–1937). Протоиерей. С 1921 — настоятель Преображенской церкви в Стрельне под Петроградом. 25 февраля 1928 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки. В июле 1937 — арестован. 14 октября 1937 — расстрелян в Кирове.

Рождественский Михаил Васильевич (1901–1988). Иерей. Служил вместе с братом Измаилом в Преображенской церкви, после его ареста скрывался. В конце 1929 — арестован и приговорен к 10 годам, отправлен на строительство Беломоро-Балтийского канала. В 1938 — освобожден из лагеря. Нелегально служил в Ленинграде и пригородах. Продолжал пребывать на нелегальном положении в Ленинграде во время блокады. В январе 1943 — арестован во время богослужения на праздник Крещения. По случаю прорыва блокады не был расстрелян, а приговорен к 10 годам заключения. С 1955 по 1988 — продолжал тайное служение и окормлял много катакомбных общин вплоть до самой кончины.

Серафим (Самойлович Семен Николаевич) (1881–1937). Архиепископ Угличский. В 1905 — пострижен в мантию, настоятель Нугекской миссии в Америке. В 1907–1908 — преподаватель Ситкинской Духовной семинарии на Аляске. С 1910 — наместник Толгского монастыря. 15 февраля 1920 — хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. В 1924 — возведен в сан архиепископа. В 1926–1927 — заместитель патриаршего местоблестителя. В 1928 — подписал документ об отделении от митрополита Сергия, арестован, выслан в Могилев. В 1929 — осужден на 3 года лагеря. В 1932–1935 — в ссылке в Коми-Зырянском крае. В 1934 — приговорен к 5 годам лагерей. 9 ноября 1937 — расстрелян.

Серафим (Протопопов Александр Алексеевич) (1894–1937). В январе 1924 — хиротонисан в епископа Колпинского, викария Петроградской епархии. 27 апреля 1928 — назначен епископом Аксайским, викарием Донской епархии, после чего занимал еще ряд кафедр. В марте 1937 — арестован. 8 августа 1937 — расстрелян.

Сергий (Дружинин Иван Прохорович) (1863–1937). Епископ Нарвский. Постриженник, настоятель Троице-Сергиевой Приморской пустыни Петроградской епархии (1915–1919). В октябре 1924 — хиротонисан во епископа Нарвского, викария Ленинградской епархии. 26 декабря 1927 — подписал акт отхода от митрополита Сергия. 7 декабря 1930 — арестован, приговорен к 5 годам заключения в лагерь. В 1935 — выслан на 3 года в Марийскую АССР. 17 сентября 1937 — после нового ареста расстрелян в тюрьме г. Йошкар-Олы.

Сергий (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944). Митрополит Нижегородский, патриарх Московский и всея Руси с 1943. В 1890 — окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. Член Японской Духовной миссии. В 1899 — ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1901 — ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. 25 февраля 1901 — хиротонисан в епископа Ямбургского. С 1905 — архиепископ Финляндский и Выборгский. С 1911 — член Святейшего Синода. С августа 1917 — архиепископ Владимирский и Шуйский. В ноябре 1917 — возведен в сан митрополита. В июне 1922 — перешел в обновленческий раскол. В августе 1923 — принес покаяние и был принят патриархом Тихоном в сущем сане. С марта 1924 — митрополит Нижегородский. С декабря 1925 — по завещательному распоряжению митрополита Петра (Полянского) заместитель патриаршего местоблюстителя. С ноября 1926 по март 1927 — в тюрьме. С 1934 — митрополит Московский и Коломенский. С 1936 — патриарший местоблюститель. С сентября 1943 — патриарх Московский и всея Руси.

Синицкий Григорий Дмитриевич (1872–1942). Протоиерей. Служил в г. Николаеве. Декларацию митрополита Сергия не принял. В мае 1928 — отказался распространять подобное же воззвание экзарха Украины митрополита Михаила. В 1931 — арестован как руководитель «Николаевского филиала ИПЦ», осужден на 3 года ссылки в Северный край. С 1934 — вместе с семьей проживал в Самарканде, состоял в постоянной переписке с митрополитом Иосифом. В 1937 — арестован и отправлен в лагерь. От своих взглядов не отказывался. В 1942 — умер в заключении.

Тихомиров Сергей Андреевич (1872–1930). Протоиерей. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1891 — рукоположен в иерейский сан. Настоятель церкви Св. Александра Невского при Доме трудолюбия на Стрельнинской ул. Служил во Введенской церкви на Введенской ул. Петроградской стороны, в церквях Св. Иоанна Милостивого и Алексия, человека Божия. Противник декларации митрополита Сергия, присоединился к иосифлянам, служил в соборе Воскресения Христова-на-Крови. 23 ноября 1929 — арестован. 21 августа 1930 — расстрелян.

Чельцов Михаил (1870–1931). Протоиерей. Настоятель Измайловского собора в Петрограде. Известный богослов и исповедник. В 1918–1922 — арестовывался 5 раз. Вместе со священномучеником митрополитом Вениамином в 1922 — был приговорен к расстрелу. Содержался в камере смертников в ожидании расстрела 40 дней, после чего ему было объявлено, что расстрел заменен тюремным заключением. В 1930 — снова арестован. В ночь на Рождество 1931 — расстрелян.

Чуков Николай Кириллович (1870–1955). Протоиерей, впоследствии митрополит. С 1924 — настоятель Николо-Богоявленского собора в Ленинграде. В марте 1932 — выслан из Ленинграда. В 1942 — пострижен в монашество с именем Григорий и рукоположен в епископа Саратовского. С 1944 — архиепископ Псковский и Порховский. С 1945 — митрополит Ленинградский и Новгородский.

Монастыри, в которых довелось пребывать и служить архимандриту и затем епископу Иосифу (Петровых)

Яблочинский Онуфриев монастырь в Бельском уезде

«Эта общежительная первоклассная с 1882 г. обитель расположена на левом берегу р. Западный Буг, в полуверсте от ст. Холмско-Брестской ж. д. “Дубица”.

Время возникновения монастыря относится к седой древности и не может быть точно установлено, так как документы вместе с монастырским имуществом в 1754 г. были захвачены базилианами, напавшими на обитель. Но о глубокой древности монастыря можно судить по тому, что в нем, несмотря на все пожары, разбои, погромы от поляков-католиков, все же до сих пор сохранилось немало памятников XII века. На иконе Богоматери, сохранившейся в монастыре, имеется дата — 1151 год 10 мая. Так как размер ее, письмо и стиль совершенно одинаковы с храмовой чудотворной иконой преп. Онуфрия, то полагают, что и возникновение обители относится к XII веку, к эпохе процветания православия в Холмщине, когда там, где теперь высятся костелы, были православные церкви.

Монастырь Яблочинский — это живой свидетель и славного прошлого Холмщины, и тех испытаний, какие выпали на ее долю в неравной борьбе за свою веру и народность с воинствующим католицизмом и полонизацией этого искони русского края — удела св. Владимира Равноапостольного и Даниила Галицкого. В самые черные дни своей

многоскорбной истории монастырь не изменил православия, и тогда как его соседи-монастыри: Холмский, Драгочинский и Брестский, сначала приняли Брестскую унию, а потом и совершенно исчезли с лица земли, он как стоял, так и стоит и до сих пор на страже православия. Униженный, запущенный, но не сложивший оружия, монастырь этот имеет и в настоящее время большое значение, как миссионерский пункт в борьбе Церкви с католичеством».¹

После Брестской унии 1596 г. и перехода окрестного населения в унию, монастырь приходит в упадок. В XVIII в. он фактически остается единственным православным монастырем Холмщины и порой подвергается нападениям фанатически настроенных толп католиков и униатов. С 1815 г. после перехода монастыря в ведение православного Минского епископа начинается более спокойный период монастырской истории. К 1908 г. в обители было три храма: преп. Онуфрия, освященный в 1840 г., обновленный в 1907 г. трудами архимандрита Иосифа (Петровых), малый храм св. Иоанна Богослова, освященный в 1902 г., и храм Успения Богородицы, освященный в 1908 г.

Благоустройство монастыря продолжалось до Первой мировой войны в годы настоятельства архимандрита Серафима (Остроумова), помощника и преемника архимандрита Иосифа. В настоящее время Свято-Онуфриевский Яблочинский монастырь входит в юрисдикцию Польской Православной церкви.

Юрьевский монастырь

«Время основания обители относится к самой глубокой древности. Первоначальное основание обители положено в 1030 г. князем Ярославом Мудрым (в крещении Георгием), который в это время построил здесь деревянную церковь во имя св. Георгия. В 1199 г. сыном великого князя Мстислава св. Всеволодом значительно расширены монастырские постройки. Монастырь с самого же начала своего существования находился под неизменным покровительством великих

¹ Православные русские обители. СПб., 1994. С. 628–629.

князей, а потом и царей московских. В продолжении своего многовекового существования обитель хотя и подвергалась многообразным бедствиям, пожарам, вражеским нашествиям и т. д., — но благодаря поддержке государей и других знатных благотворителей, она быстро и легко оправлялась от всех разорений и продолжала расти и процветать. В XVIII в. она была одной из богатейших обителей русских.

Но 1764 г. нанес тяжкий удар Юрьеву монастырю: с отобранием всех его имений, благосостояние его в корне было подорвано. Монастырь стал было приходить в ветхость и запустение, но Господу благоугодно было сохранить и даже еще более возвеличить обитель.

Возрождение Юрьева монастыря, совершившееся в первой половине XIX столетия, тесно связано с именем двух замечательнейших личностей прошлого века: архимандрита Фотия и графини Орловой, дочери знаменитого графа Орлова-Чесменского. В 1824 г. архимандритом Юрьева монастыря был назначен умный и энергичный Фотий, который деятельно принялся за благоустройство обветшавшей обители. Сотрудницей его в этом была графиня Орлова, которая употребила все свои богатства на украшение обители с подобающим ей великолепием. Их энергичными усилиями монастырь был быстро приведен к тому цветущему состоянию, в каком он находится ныне. Его многочисленные храмы по богатству и роскоши внутреннего убранства могут сравняться разве только с храмами Киево-Печерской или Сергиевой лавры.

Всего храмов восемь. К числу замечательных из них бесспорно принадлежит главный собор во имя великомученика Георгия. Это один из лучших образцов архитектурного стиля XII в. Внутреннее убранство с его блестящим иконостасом, со множеством икон в драгоценных, осыпанных жемчугом и самоцветными камнями ризах, с его огромными паникадилами, тяжелыми серебряными царскими вратами, с мраморным престолом, покрытым серебряной кованной ризой, под художественным бронзовым балдахином производит чрезвычайно величественное впечатление...

Далее следует отметить Спасский собор: он так же великолепен, как и Георгиевский. В алтаре находится запрестольный крест в се-

ребряной оправе с частями Животворящего Древа и свв. Мощей. В иконостасе особенно роскошно украшены местные храмовые иконы, осыпанные бриллиантами, из которых выделяются огромный бразильский топаз и редкая большая жемчужина в вершок в диаметре. Остальные храмы — в честь Всех Святых, Похвалы Пр. Богородицы, Алексия, митр. Московского, Воздвижения Креста Господня, в честь иконы Божией Матери Неопалимая Купина и во имя Архистратига Михаила — также блещут богатством внутреннего убранства...

В богатейшей ризнице монастыря находится много богато убранных церковных облачений, сосудов, крестов, ковчегов и прочей утвари, принесенной в дар от царей, императоров, патриархов и просто именитых благотворителей. Здесь же хранится много древних вкладных грамот князей, царей, архиепископов, большое количество рукописных и старопечатных книг, а также иных памятников старины».¹

В послереволюционные годы Юрьев монастырь разделил общую участь русских монастырей. В 1929 г. монастырь был закрыт. Передан Московской патриархии в декабре 1991 г.

Спасо-Иаковлевский монастырь

Спасо-Иаковлев монастырь — один из старейших монастырей Ярославской епархии. Он был основан в конце XIV в. святым Иаковом, епископом Ростовским.

Как повествует житие святителя: «В 1389 г. некая жена, осужденная на казнь, в раскаянии упала к ногам епископа, умоляя спасти ее. И святитель Иаков простил раскаявшуюся грешницу. Ростовцы же, недовольные отменой княжеского приговора, изгнали Иакова из своего города. “Кроткий архипастырь, — писал позднее один из ростовских историков, — сознавая себя невинным, без смущения оставил епископский двор, и преследуемый укоризнами взволнованного народа, дошел до берега Неро. Здесь он бросил на воду архиерейскую мантию, встал на нее и в знамение своей чистоты плыл на ней по озеру до впа-

¹ Православные русские обители. С. 138–142.

дения в него ручья Брутовщины, где сошел на землю. Князь и народ, пораженные таким чудом, бежали за архипастырем вдоль озера, и, встретив его при выходе на берег, умоляли простить их и возвратиться в Ростов. Праведник простил им оскорбления, но, желая предаться безмолвию и уединению, предпочел остаться на новом месте”.

Не в первый раз ростовцы дерзко изгоняли своего епископа. Ими были изгнаны святитель Феодор († 1023), Иларион, апостол Ростово-Суздальской земли — святитель Леонтий († 1073). И вот удивительное: Иаков приплыл к тому месту, где когда-то святитель Леонтий после своего изгнания построил храм в честь Архистратига Михаила... Рядом с Михайловской церковью святитель Иаков построил новый храм и освятил его в честь Зачатия праведной Анны. Так было положено основание Спасо-Иаковлевского монастыря (первоначально он и назывался Зачатьевским)».¹

В Зачатьевской церкви был погребен святитель Димитрий Ростовский (1651–1709). Спустя 42 года его мощи были обретены нетленными. В 1795–1801 гг. в ограде монастыря построен Димитриевский храм.

«Теперешнее же название обители образуется так: Иаковлевским монастырь называется по имени своего основателя, Спасским потому, что к нему приписан Спасский монастырь, а Димитриевым по той причине, что в нем нетленно почивают мощи св. Димитрия, епископа Ростовского.

Храмов в обители три: древний соборный во имя Зачатия св. Анны, построенный гр. А. Орловым-Чесменским во имя св. Иакова, и третий, выстроенный гр. Шереметьевым во имя св. Димитрия Ростовского с двумя приделами.

В соборном храме покоятся под спудом мощи его основателя и мощи св. Димитрия Ростовского. Последние почивают на вскрытии в раке кованного серебра замечательной чеканной работы, устроенной императрицей Елизаветой Петровной...

¹ Вахрина В. И. Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в Ростове Великом. Ростов: Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь, 1994. С. 10–12.

В этом же храме достойны внимания две иконы: местночтимая Ватопедской Божией Матери, келейная св. Димитрия, привезенная им с собою в Ростов, а другая — Боголюбская икона Божией Матери с предстоящими на молении ростовскими чудотворцами. С последней встречали жители Ростова св. Димитрия, когда он впервые прибыл сюда...»¹

Монастырь был окончательно закрыт в 1928 г. В 1991 г. передан Ярославской епархии Московской патриархии и в нем начаты восстановительные работы.

Моденский Николаевский монастырь

«Моденский Николаевский монастырь в Устюженском уезде — находится в 35 верстах от города Устюжны на возвышенном песчаном берегу реки Мологи, близ устья впадающей в нее реки Моденки. Точных документальных известий о времени возникновения монастыря не сохранилось. На основании местного предания можно предполагать, что он возник в конце XV в. Называют основателем монастыря именитого московского купца Строганова, который в благодарность за свое спасение во время бури на реке Мологе, устроил обитель во имя св. Николая Чудотворца. Из хранящихся в монастырской библиотеке грамот видно, что обитель пользовалась покровительством московских царей, начиная с Иоанна Грозного». Белокаменные церкви монастыря всегда привлекали к себе множество богомольцев не только из близлежащих деревень, но и со всего Северо-Запада России.²

После закрытия монастыря в 1930-е гг. почти все его здания и ограда были разрушены. Ныне остались лишь изуродованные братские келии, на месте снесенных монастырских церквей — небольшие земельные холмики.

¹ Православные русские обители. С. 468–469.

² Там же. С. 130–131.

Библиография

Печатные труды митрополита Иосифа (Петровых)

1. История Иудейского народа по «Археологии» Иосифа Флавия, Сергиев Посад, 1903.
2. Самуил и Саул в их взаимных отношениях. Сергиев Посад, б/г.
3. От крупиц Евангельских. Беседы инока. Сергиев Посад, 1904.
4. А.И. «В объятиях Отчих. Дневник инока». Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1905–1914. Т. I–XI.
5. Мать Божия — благодатная Мать народа Русского. Сергиев Посад, б/г.
6. Незабвенная милость Божией Матери городу Устюжне в Смутную годину Отечества (редкий исторический документ, носящий заглавие «Слово похвальное Пресв. Владичицы наша Богородицы и Приснодевы Марии чудотворного ея образа Одигитрия, яже избави град Устюжну от безбожных ляхов и немец»). Сергиев Посад, б/г.
7. Как «воспитывается» неблаговоспитанность. Сергиев Посад, б/г.
8. Девушка учительница. Сергиев Посад, 1905.
9. Маленькие монахи. Сергиев Посад, 1906.
10. Новое чудо милосердия Царицы Небесной в г. Ростове Великом. Сергиев Посад, 1911.
11. Замечательный случай чудесного исцеления болящего ребенка по молитвам Святителя Димитрия Ростовского. Ростов, 1912.
12. Святитель Димитрий — обличитель клеветы и защитник невинных. Со слов Корсакова. Ростов, 1912.
13. Сказание о новопрославленной иконе Божией Матери «Умиление», находящейся в Благовещенской церкви г. Ростова. Казань, 1914.
14. Памяти Александры Федоровны Мальгиной. Слово пред отпеванием А. Ф. Мальгиной. Ростов, 1915.

15. Статьи в издании *Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета*. СПб., 1904–1913 гг.: «Книга Иудифь», «Книга Есфирь». Т. 3, 1906; «Первая книга Маккавейская», «Третья книга Маккавейская». Т. 7 «А», 1913; «Деяния Святых Апостолов». Т. 10, 1912; «Послание к Евреям», Т. 11, 1913.

Использованная литература

15. Акты Святейшего патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 // Сост. М. И. Губонин М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт: Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994.

16. *Андреев И. М., проф.* Воспоминания о Катакомбной Церкви в СССР // Луч Света. Джорданвилль, 1970.

17. *Антонов В.* Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде // Возвращение. 1993. № 4.

18. *Архиепископ Андрей (Ухтомский)*. Открытое письмо к старообрядческим епископам Белокриницкой иерархии // Заволжский летописец. 1917. № 22.

19. «Беседа двух друзей» // Православная жизнь. № 6. 1999.

20. *Вахрина В. И.* Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь в Ростове Великом. Ростов: Спасо-Иаковлевский Димитриев монастырь, 1994.

21. *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 2004.

22. *Голубцов С. А.* Московская Духовная Академия в эпоху революции. М., 1999.

23. Житие Священномученика протоиерея Викторина Добронравова. Сидней: Австралийско-Новозеландская епархия, 1990.

24. *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М.: Сретенский монастырь, 2004.

25. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. М.: ПСТБИ, 1997. Кн. 1: А–К.

26. *Иоанн (Снычев), архиеп.* История Русской Православной Церкви периода 1917–1944 гг. // Вестник Ленинградской Духовной Академии. 1990. № 1.

27. *Иоанн (Снычев), митр.* Расколы // Христианское чтение. 1990. № 6.

28. *Иоанн (Снычев), митр.* Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997

29. *Косик О.* «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003.

30. Магистерский диспут иеромонаха Иосифа, доцента Московской Духовной академии 6 июня 1903 года. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903.

31. *Мазырин А. В.* «Я иду только за Христом...» Митрополит Иосиф (Петровых), 1930 год // Богословский сборник. Вып. 9. М.: ПСТБИ, 2002.

32. *Мазырин А. В.* Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып. 11. М.: ПСТБИ, 2003.

33. *Медведев Г. Н., Медведева Н. А.* «От южного города до “южного городка”». К 60-летию со дня кончины протоиерея Григория Синицкого // Богословский сборник. Вып. 8. М.: ПСТБИ, 2001.

34. *Мещерский Н. А.* Отрывки воспоминаний // Санкт-Петербургские Епархиальные Ведомости. 1991. Вып. 3–4.

35. *Новоселов М. А.* Письма к друзьям. М.: ПСТБИ, 1994.

36. *Одинцов М. И.* Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. I. М., 1999.

37. *Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воду слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. М., 1998.

38. *Плаксин Р. Ю.* Тихоновщина и ее крах. Л., 1987.

39. Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Сойкина, 1910. Репринт.: М., 1992.

40. *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские: в 2-х ч. Ч. I. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994.

41. *Польский Михаил, протопресв.* Положение Церкви в Советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. Репринт: СПб., 1998.

42. *Попов И. В.* Святая Вырица // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2003. Вып. 28–29.

43. *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995.

44. Православные русские обители. (Репринт. изд.). СПб., 1994.

45. *Регельсон Л. Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Париж, 1977.

46. «Совершенно секретно. Срочно. Лично тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 гг. / Публикация, вступление и примечания А. В. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М.: ПСТБИ, 2002.

47. 250 лет Санкт-Петербургской епархии. Санкт-Петербургская митрополия, 1992.

48. *Хлебников М.* Дополняя житие святителя Иосифа Петроградского // Православная жизнь. 1999. № 2 (590).

49. *Хрусталеv Ю. М., Гусев О. А.* Митрополит Петроградский Иосиф (Петровых) в сонме Новомучеников и Исповедников Российских // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вологда, 1993. Вып. 2.

50. *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви, 1917–1997. М., 1994.

51. *Цыпин В., прот.* Русская Православная Церковь (1925–1938). М.: Сретенский монастырь, 1999.

52. *Чельцов Михаил, прот.* В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 17.

53. *Шкаровский М. В.* Иосифлянское движение и оппозиция в СССР (1927–1943) // Минувшее: исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. № 15.

54. *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917–1945. СПб., 1995.

55. *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.

56. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999.

57. *Шкаровский М. В.* Митрополит Иосиф (Петровых) и иосифлянское движение / «История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.)». Материалы конференции в Сентендре, 2001.

58. «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...». Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского. Публикация, вступление и примечания Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М.: ПСТБИ, 2001.

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации:

ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–2, 5–6, 18–18 об.

ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 14.

ГА РФ. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 55. Л. 102–102 об.

ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 640. Л. 288.

ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1118. Л. 62–65.

Государственный архив Ярославской области:

ГА ЯО. Ф. 230. Оп. 5. Д. 4881.

ГА ЯО. Ф. Р-514. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

ГА ЯО. Фонд следственных дел. Д–С 5590. Л. 58–60 об.

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации:

ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной организации ИПЦ».

Центральный исторический архив города Москвы:

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2977. Л. 3, 6, 13.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5083. Л. 4.

ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5084. Л. 26, 32, 35–35 об.

Список сокращений

- ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЦУ — Высшее церковное управление
- ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- ГА КО — Государственный архив Костромской области
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГА ЯО — Государственный архив Ярославской области
- КГБ — Комитет государственной безопасности СССР
- КНБ — Комитет национальной безопасности Республики Казахстан
- НИПЦ — Научно-информационный просветительский центр «Мемориал»
- НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
- ОГПУ — Объединенное Главное политическое управление
- ПКК — Политический Красный крест
- ПСТБИ — Православный Свято-Тихоновский Богословский институт
- ФСБ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации
- ЦА ФСБ РФ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
- ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы

Содержание

Предисловие	5
От составителя	13
Жизнеописание митрополита Иосифа (Петровых)	15
Детство и годы учебы	15
Монашеский постриг	18
Духовный дневник «В объятиях Отчих»	31
Принятие священного сана	39
Научная и преподавательская деятельность в Академии	42
Настоятель Яблочинского монастыря	49
Настоятельство в Юрьевом монастыре	56
Архиерейская хиротония и назначение настоятелем Спасо-Иаковлевского Димитриева монастыря	59
Неосуществившиеся чаяния возрождения Русской Церкви	70
Начало гонений	78
После кончины патриарха Тихона	85
Митрополит Петроградский	91
Заместитель патриаршего местоблюстителя	99
«Тайные выборы» патриарха	102
Декларация митрополита Сергия	108
Политика митрополита Сергия и ее неприятие в Петроградской епархии	112
Горячий декабрь 1927 года — напрасные увещания и вынужденный разрыв канонического общения	121
Антисергиевская оппозиция и начало «иосифлянского» движения	127
Ярославская декларация	133
Развитие «иосифлянского» движения	143
Гонения на иосифлян	149

Митрополит Иосиф в деле «Всесоюзного Центра ИПЦ»	156
Последние годы жизни	162
Последний арест и мученическая кончина	177
Послесловие	182

Приложение I. Архипастырские документы и письма

митрополита Иосифа	185
Письмо инокам Александро-Невской Лавры	185
Обращение ярославских архиереев к митрополиту Сергию (Страгородскому)	186
Резолюция митрополита Иосифа	189
Указ митрополита Иосифа о возведении в сан архиепископа епископа Димитрия Гдовского	190
Письма митрополита Иосифа о. Николаю Прозорову. 1928–1929 гг.	191
Письмо-обращение отца Николая Прозорова к митрополиту Иосифу	193
Письмо митрополита Иосифа петроградскому протоиерею 1929 г.	195
Ответ митрополита Иосифа на письмо архимандрита Льва (Егорова)	198
«В объятиях Отчих». Дневник инок	204
О внутренней жизни и Богообщении	205
О молитве	209
О плаче и сокрушении	215
Об аскетизме	217
О милостыне	220
О монашестве	223
О Святом Причастии Святых Таин	230
О вере и благочестии	234
О природе	249
О России и русском народе	250
О Церкви	254
Проповеди и назидательные труды иеромонаха и архимандрита Иосифа (Петровых)	261
От Крупиц Евангельских. Беседы инок	261

Маленькие монахи	279
Как «воспитывается» неблаговоспитанность	282
Тетушка Мария. Повесть	287
Приложение II. Архивные документы	301
Обязательство монаха Иосифа перед рукоположением в иеродиаконский сан	301
Священническая присяга. 1901 г.	302
Опросный лист Петровых И. С. 1920 г.	303
Письмо протоиерея Григория Селецкого митрополиту Иосифу. 17 сентября 1929 г.	304
Письмо митрополита Иосифа Л. Н. Герман. 1928 г.	305
Постановление о привлечении в качестве обвиняемого. 1930 г.	307
Петровых И. С. — Пешковой Е. П. 1933 и 1934 г.	312
Письмо из Управления МБ РФ по Ярославской области. 1992 г.	314
Письмо из Управления КНБ по Южно-Казахстанской области	315
Основные даты жизни священномученика митрополита Иосифа	317
Биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге	320
Описание монастырей, в которых довелось пребывать и служить архимандриту, затем епископу Иосифу (Петровых)	331
Библиография	337
Список сокращений	342

